

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЮРЬМА И ССЫЛКА (1834-1838).

ГЛАВА VII

Пророчество. - Арест Огарева. - Пожар. - Московский либерал. - М. Ф. Орлов. - Кладбище.

...Раз весною 1834 года пришел я утром к Вадиму; ни его не было дома, ни его братьев и сестер. Я взошел наверх в небольшую комнату его и сел писать.

дверь тихо отворилась, и взошла старушка, мать Вадима; шаги ее были едва слышны, она подошла устало, болезненно к креслам и сказала мне, садясь в них:

- Пишите, пишите, - я пришла взглянуть, не воротился ли Вадя, дети пошли гулять, внизу такая пустота, мне сделалось грустно и страшно, я посижу здесь, я вам не мешаю, делайте свое дело.

лицо ее было задумчиво, в нем яснее обыкновенного виднелся отблеск вынесенного в прошедшем и та подозрительная робость к будущему, то недоверие к жизни, которое всегда остается после больших, долгих и многочисленных бедствий.

Мы разговорились. Она рассказывала что-то о Сибири.

- Много, много пришлось мне перестрадать, что-то еще придется увидеть, прибавила она, качая головой, - хорошего ничего не чует сердце.

Я вспомнил, как старушка, иной раз слушая наши смелые рассказы и демагогические разговоры, становилась бледнее, тихо вздыхала, уходила в другую комнату и долго не говорила ни слова. (178)

- Вы, - продолжала она, - и ваши друзья, вы идете верной дорогой к гибели. Погубите вы Вадю, себя и всех; я ведь и вас люблю, как сына.

Слеза катилась по исхудалой щеке,

Я молчал. Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, прибавила:

- Не сердитесь, у меня нервы расстроены; я все понимаю, идите вашей дорогой, для вас нет другой, а если бы была, вы все были бы не те. Я знаю это, но не могу пересилить страха, я так много перенесла несчастий, что на новые недостает сил. Смотрите вы ни слова не говорите Ваде об этом, он огорчится, будет меня уговаривать... вот он, - прибавила старушка, поспешно утирая слезы и прося еще раз взглядом, чтоб я молчал*

Бедная мать! Святая, великая женщина!

Это стоит корнелевского "qu'il mourut"¹.

Пророчество ее скоро сбылось; по счастию, на этот раз гроза пронеслась над головой ее семьи, но много набралась бедная горя и страхи.

- Как взяли? - спрашивал я, вскочив с постели и щупая голову, чтоб знать, сплю я или нет.

- Полицмейстер приезжал ночью с квартальным и казаками, часа через два после того, как вы ушли от нас, забрал бумаги и увез Н. П. .

Это был камердинер Огарева. Я не мог понять, какой повод выдумала полиция, в последнее время все было тихо. Огарев только за день приехал... и отчего же его взяли, а меня нет?

Сложа руки нельзя было оставаться, я оделся и вышел из дома без определенной цели. Это было первое несчастье, падавшее на мою голову. Мне было скверно, меня мучило мое бессилие.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Бродя по улицам, мне, наконец, пришел в голову один приятель, которого общественное положение ставило в возможность узнать, в чем дело, а может, и помочь. Он жил страшно далеко, на даче за Воронцовским полем; я сел на первого извозчика и поскакал к нему. Это был час седьмой утра. (179)

Года за полтора перед тем познакомились мы с В., это был своего рода лев в Москве. Он воспитывался в Париже, был богат, умен, образован, остор, вольнодум, сидел в Петропавловской крепости по делу 14 декабря и был в числе выпущенных; ссылки он не испытал, но слава осталась при нем. Он служил и имел большую силу у генерал-губернатора. Князь Голицын любил людей с свободным образом мыслей, особенно если они его хорошо выражали по-французски. В русском языке князь был не силен.

В. был лет десять старше нас и удивлял нас своими практическими заметками, своим знанием политических дел, своим французским красноречием и горячностью своего либерализма. Он знал так много и так подробно, рассказывал так мило и так плавно; мнения его были так твердо очерчены, на все был ответ, совет, разрешение. Читал он всё – новые романы, трактаты, журналы, стихи и, сверх того, сильно занимался зоологией, писал проекты для князя и составлял планы для детских книг.

либерализм его был чистейший, трехцветной воды, левого бока между Могеном и генералом Ламарком.

Его кабинет был увешан портретами всех революционных знаменитостей, от Гемпдена и Бальи до Фиески и Арман Кареля. Целая библиотека запрещенных книг находилась под этим революционным иконостасом. Скелет, несколько набитых птиц, сушеных амфибий и моченых внутренностей – набрасывали серьезный колорит думы и созерцания на слишком горячительный характер кабинета.

Мы с завистью посматривали на его опытность и знание людей; его тонкая ироническая манера возражать имела на нас большое влияние. Мы на него смотрели как на делового революционера, как на государственного человека іn spe2.

Я не застал В. дома. Он с вечера уехал в город для свиданья с князем, его камердинер сказал, что он непременно будет часа через полтора домой. Я остался ждать.

Дача, занимаемая В., была превосходна. Кабинет, в котором я дожидался, был обширен, высок и ау rez-(180)de-chaussee3, огромная дверь вела на террасу и в сад. День был жаркий, из сада пахло деревьями и цветами, дети играли перед домом, звонко смеясь. Богатство, довольство, простор, солнце и тень, цветы и зелень... а в тюрьме-то узко, душно, темно. Не знаю, долго ли я сидел, погруженный в горькие мысли, как вдруг камердинер с каким-то странным одушевлением позвал меня с террасы.

- Что такое? - спросил я.

- Да пожалуйте сюда, взгляните.

Я вышел, не желая его обидеть, на террасу – и обомлел. Целый полукруг домов пыпал, точно будто все они загорелись в одно время. Пожар разрастался с невероятной скоростью.

Я остался на террасе. Камердинер смотрел с каким-то нервным удовольствием на пожар, приговаривая: "Славно забирает, вот и этот дом направо загорится, непременно загорится".

Пожар имеет в себе что-то революционное, он смеется над собственностью, нивелирует состояния. Камердинер инстинктом понял это.

Через полчаса времени четверть небосклона покрылась дымом, красным внизу и серо-черным сверху. В этот день выгорело Лафертово. Это было начало тех зажигательств, которые продолжались месяцев пять; об них мы еще будем говорить.

Наконец, приехал и В. Он был в ударе, мил, приветлив, рассказал мне о пожаре, мимо которого ехал, об общем говоре, что это поджог, и полуслутя прибавил:

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
– Пугачевщина-с, вот посмотрите, и мы с вами не уйдем, посадят нас на кол...

– Прежде, нежели посадят нас на кол, – отвечал я, – боюсь, чтоб не посадили на цепь. Знаете ли вы, что сегодня ночью полиция взяла Огарева?

– Полиция, – что вы говорите?

– Я за этим к вам приехал. Надобно что-нибудь сделать, съездите к князю, узнайте, в чем дело, попросите мне дозволение его увидеть.

Не получая ответа, я взглянул на В., но вместо его, казалось, был его старший брат, с посолевым лицом, с опустившимися чертами, – он ахал и беспокоился. (181)

– Что с вами?

– Ведь вот я вам говорил, всегда говорил, до чего это доведет... да, да, этого надобно было ждать, прошу покорно, – ни телом, ни душой не виноват, а и меня, пожалуй, посадят; эдак шутить нельзя, я знаю, что такое казематы.

– Поедете вы к князю?

– Помилуйте, зачем же это? я вам советую дружески: и не говорите об Огареве, живите как можнотише, а то худо будет. Вы не знаете, как эти дела опасны – мой искренний совет: держите себя в стороне; тормошитесь как хотите, Огареву не поможете, а сами попадетесь. Вот оно самовластье, – какие права, какая защита; есть, что ли, адвокаты, судьи?

На этот раз я не был расположен слушать его смелые мнения и резкие суждения. Я взял шляпу и уехал.

Дома я застал все в волнении. Уже отец мой был сердит на меня за взятие Огарева, уже Сенатор был налицо, рылся в моих книгах, отбирал, по его мнению, опасные и был недоволен.

На столе я нашел записку от М. Ф. Орлова, он звал меня обедать. Не может ли он чего-нибудь сделать? Опыт хотя меня и проучил, но все же: попытка – не пытка и спрос – не беда.

Михаил Федорович Орлов был один из основателей знаменитого Союза благоденствия, и если он не попал в Сибирь, то это не его вина, а его брата, пользующегося особой дружбой Николая и который первый прискакал с своей конной гвардией на защиту Зимнего дворца 14 декабря. Орлов был послан в свои деревни, через несколько лет ему позволено было поселиться в Москве. В продолжение уединенной жизни своей в деревне он занимался политической экономией и химией., Первый раз, когда я его встретил, он толковал о новой химической номенклатуре. У всех энергических людей, поздно начинающих заниматься какой-нибудь наукой, является пополнение переставлять мебель и распоряжаться по-своему. Номенклатура его была сложнее общепринятой французской. Мне хотелось обратить его внимание, и я, вроде *captatio benevolentiae*⁴ стал до(182)казывать ему, что номенклатура его хороша, но что" прежняя лучше.

Орлов поспорил – потом согласился.

Мое кокетство удалось, мы с тех пор были с ним в близких сношениях. Он видел во мне восходящую возможность, я видел в нем ветерана наших мнений, друга наших героев, благородное явление в нашей жизни.

Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стукался он в решетку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его снедала.

После падения Франции я не раз встречал людей этого рода, людей, разлагаемых потребностью политической деятельности и не имеющих возможности найтиться в четырех стенах кабинета или в семейной жизни. Они не умеют быть одни; в одиночестве на них нападает хандра, они становятся капризны, ссорятся с последними друзьями, видят везде интриги против себя и сами интригают, чтоб раскрыть все эти несуществующие козни.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Им надобна, как воздух, сцена и зрители; на сцене они действительно герои и
вынесут невыносимое. Им необходим шум, гром, треск, им надобно произносить речи,
слышать возражения врагов, им необходимо раздражение борьбы, лихорадка опасности
– без этих комфортативов⁵ они тоскуют, вянут, опускаются, тяжелеют, рвутся вон,
делают ошибки. Таков Ледрю-Роллен, который, кстати, и лицом напоминает Орлова,
особенно с тех пор, как отрастил усы.

Он был очень хорош собой; высокая фигура его, благородная осанка, красивые
мужественные черты, совершенно обнаженный череп, и все это вместе, стройно
соединенное, сообщали его наружности неотразимую привлекательность. Его бюст
pendant⁶ бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный, четырехугольный лоб,
шалаш седых волос и взгляд, пронизывающий даль, придавали ту красоту вождя,
состаревшегося в битвах, в которую влюбилась Мария Кочубей в Мазепе.

От скуки Орлов не знал, что начать. Пробовал он и хрустальную фабрику заводить,
на которой делались средневековые стекла с картинами, обходившиеся ему (183)
дороже, чем он их продавал, и книгу он принимался писать "о кредите", – нет, не
туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Лев был осужден праздно бродить
между Арбатом и Басманной, не смея даже давать волю своему языку.

Смертельно жаль было видеть Орлова, усилившегося сделаться ученым, теоретиком.
Он имел ум ясный и блестящий, но вовсе не спекулятивный, а тут он путался в
разных новоизобретенных системах на давно знакомые предметы, вроде химической
номенклатуры. Все отвлеченное ему решительно не удавалось, но он с величайшим
ожесточением возился с метафизикой.

Неосторожный, невоздержный на язык, он беспрестанно делал ошибки; увлекаемый
первым впечатлением, которое у него было рыцарски благородно, он вдруг вспоминал
свое положение и сворачивал с полдороги. Эти дипломатические контрамарши ему
удавались еще меньше метафизики и номенклатуры; и он, заступив за одну
постромуку, заступал за две, за три, стараясь выправиться. Его брали за это;
люди так поверхностны и невнимательны, что они больше смотрят на слова, чем на
действия, и отдельным ошибкам дают больше веса, чем совокупности всего
характера. Что тут винить с натянутой регуловской точки зрения человека, –
надобно винить грустную среду, в которой всякое благородное чувство передается,
как контрабанда, под полой да затворивши двери; а сказал слово громко – так день
целый и думаешь, скоро ли придет полиция...

Обед был большой. Мне пришлось сидеть возле генерала Раевского, брата жены
Орлова. Раевский был тоже в опале с 14 декабря; сын знаменитого Н. Н. Раевского,
он мальчиком четырнадцати лет находился с своим братом под Бородиным возле отца;
впоследствии он умер от ран на Кавказе. Я рассказал ему об Огареве и спросил,
может ли и захочет ли Орлов что-нибудь сделать?

Лицо Раевского подернулось облаком, но это было не выражение плаксивого
самосохранения, которое я видел утром, а какая-то смесь горьких воспоминаний и
отвращения.

– Тут нет места хотеть или не хотеть, – отвечал он, – только я сомневаюсь, чтоб
Орлов много сделал; после обеда пройдите в кабинет, я его приведу к (184)
вам. Так вот, – прибавил он, помолчав, – и ваш черед пришел; этот омут всех
утянет.

Расспросивши меня, Орлов написал письмо к князю Голицыну, прося его свиданья.

– Князь, – сказал он мне, – порядочный человек; если он ничего не сделает, то
скажет по крайней мере правду.

Я на другой день поехал за ответом. Князь Голицын сказал, что Огарев арестован
по высочайшему повелению, что назначена следственная комиссия и что материальным
поводом был какой-то пир 24 июня, на котором пели возмутительные песни. Я ничего
не мог понять. В этот день были именины моего отца; я весь день был дома, и
Огарев был у нас.

С тяжелым сердцем оставил я Орлова; и ему было нехорошо; когда я ему подал руку,
он встал, обнял меня, крепко прижал к широкой своей груди и поцеловал.

Точно будто он чувствовал, что мы расстаемся надолго.

Я его видел с тех пор один раз, ровно через шесть лет. Он угасал. Болезненное выражение, задумчивость и какая-то новая угловатость лица поразили меня; он был печален, чувствовал свое разрушение, знал расстройство дел - и не видел выхода. Месяца через два он умер; кровь свернулась в его жилах.

...В Люцерне есть удивительный памятник; он сделан Торвальдсеном в дикой скале. В впадине лежит умирающий лев; он ранен насмерть, кровь струится из раны, в которой торчит обломок стрелы; он положил молодецкую голову на лапу, он стонет, его взор выражает нестерпимую боль; кругом пусто, внизу пруд; все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожие идут, не догадываясь, что тут умирает царственный зверь.

Раз как-то, долго сидя на скамье против каменного страдальца, я вдруг вспомнил мое последнее посещение Орлова...

Ехавши от Орлова домой мимо обер-полицмейстерского дома, мне пришло в голову попросить у него открыто дозволение повидаться с Огаревым.

Я от роду никогда не бывал прежде ни у одного полицейского лица. Меня заставили долго ждать, наконец обер-полицмейстер вышел.

Мой вопрос его удивил. (185)

- Какой повод заставляет вас просить дозволение?

- Огарев - мой родственник.

- Родственник? - спросил он, прямо глядя мне в глаза.

Я не отвечал, но так же прямо смотрел в глаза его превосходительства.

- Я не могу вам дать позволения, - сказал он, - ваш родственник au secret⁷. Очень жаль!

...Неизвестность и бездействие убивали меня. Почти никого из друзей не было в городе, узнать решительно нельзя было ничего. Казалось, полиция забыла или обошла меня. Очень, очень было скучно. Но когда все небо заволокло серыми тучами и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, светлый луч сошел на меня.

Несколько слов глубокой симпатии, сказанные семнадцатилетней девушки, которую я считал ребенком,; воскресили меня.

Первый раз в моем рассказе является женский образ... и, собственно, один женский образ является во всей моей жизни.

Мимолетные, юные, весенние увлечения, волновавшие душу, побледнели, исчезли перед ним, как туманные картины; новых, других не пришло.

Мы встретились на кладбище. Она стояла, опершись на надгробный памятник, и говорила об Огареве, и грусть моя углеглась.

- До завтра, - сказала она и подала мне руку, улыбаясь сквозь слезы.

- До завтра, - ответил я..., и долго смотрел вслед за исчезавшим образом ее.

Это было девятнадцатого июля 1834.

ГЛАВА IX

Арест. - Добросовестный. - Канцелярия Пречистенского частного дома.
Патриархальный суд.

..."До завтра", - повторял я, засыпая..., на душе было необыкновенно легко и хорошо.

Часу во втором .ночи меня разбудил камердинер моего отца; он был раздет и испуган. (186)

- Вас требует какой-то офицер,
- Какой офицер?
- Я не знаю.
- Ну, так я знаю, - сказал я ему и набросил на себя халат.

В дверях залы стояла фигура, завернутая в военную шинель; к окну виднелся белый султан, сзади были еще какие-то лица, - я разглядел казацкую шапку,

Это был полицмейстер Миллер.

Он сказал мне, что по приказанию военного генерал-губернатора, которое было у него в руках, он должен осмотреть мои бумаги. Принесли свечи. Полицмейстер взял мои ключи; квартальный и его поручик стали рыться в книгах, в белье. Полицмейстер занялся бумагами; ему все казалось подозрительным, он все откладывал и вдруг, обращаясь ко мне, сказал:

- Я вас попрошу покамест одеться: вы поедете со мной.
- Куда? - спросил я.
- В Пречистенскую часть, - ответил полицмейстер успокаивающим голосом.
- А потом?
- Дальше ничего нет в приказании генерал-губернатора.

Я стал одеваться.

Между тем испуганные слуги разбудили мою мать; она бросилась из своей спальни ко мне в комнату, но в дверях между гостиной и залой была остановлена казаком. Она вскрикнула, я вздрогнул и побежал туда. Полицмейстер оставил бумаги и вышел со мной в залу. Он извинился перед моей матерью, пропустил ее, разругал казака, который был не виноват, и воротился к бумагам.

Потом взошел мой отец. Он был бледен, но старался выдержать свою бесстрастную роль. Сцена становилась тяжела. Мать моя сидела в углу и плакала. Старик говорил безразличные вещи с полицмейстером, но голос его дрожал. Я боялся, что не выдержу этого *a la Longue8*, и не хотел доставить квартальным удовольствия видеть меня плачущим. (187)

Я дернул полицмейстера за рукав.

- Поедемте!
- Поедемте, - сказал он с радостью.

Отец мой вышел из комнаты и через минуту возвратился; он принес маленький образ, надел мне на шею и сказал, что им благословил его отец, умирая. Я был тронут; этот религиозный подарок "показал мне меру страха и потрясения в душе старика. Я стал на колени, когда он надевал его; он поднял меня, обнял и благословил.

Образ представлял, на финифти, отсеченную голову Иоанна Предтечи на блюде. Что это было - пример, совет или пророчество? - не знаю, но смысл образа поразил меня.

Мать моя была почти без чувств.

Вся дворня провожала меня по лестнице со слезами, бросаясь целовать меня, мои руки, - я заживо присутствовал при своем выносе; полицмейстер хмурился и торопил.

Когда мы вышли за ворота, он собрал свою команду; с ним было четыре казака, двое квартальных и двое полицейских.

- Позвольте мне идти домой, - спросил у полицмейстера человек с бородой,

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru сидевший перед воротами.

- Ступай, - сказал Миллер.

- Это что за человек? - спросил я, садясь на дрожки.

- Добросовестный; вы знаете, что без добросовестного полиция не может входить в дом.

- За тем-то вы и оставили его за воротами?

- Пустая форма! Даром помешали человеку спать, - заметил Миллер.

Мы поехали в сопровождении -двух казаков верхом.

В частном доме не было для меня особой комнаты. Полицмейстер велел до утра посадить меня в канцелярию. Он сам привел меня туда, бросился на кресла и, устало зевая, бормотал: "Проклятая служба; на скачке был с трех часов да вот с вами провозился до утра, - небось уж четвертый час, а завтра в девять с рапортом ехать". - Прощайте, - прибавил он через минуту и вышел. Унтер запер меня на ключ, заметив, что если что нужно, то могу постучать в дверь. (188)

Я отворил окно - день уж начался, утренний ветер подымался; я попросил у унтера воды и выпил целую кружку. О сне не было и в помышлении. Впрочем, и лечь было некуда: кроме грязных кожаных стульев и одного кресла, в канцелярии находился только большой стол, заваленный бумагами, и в углу маленький стол, еще более заваленный бумагами. Скудный ночник не мог освещать комнату, а делал колеблющееся пятно света на потолке, бледневшее больше и больше от рассвета.

Я сел на место частного пристава и взял первую бумагу, лежавшую на столе, - билет на похороны дворового человека князя Гагарина и медицинское свидетельство, что он умер по всем правилам науки. Я взял другую - полицейский устав. Я пробежал его и нашел в нем статью, в которой сказано: "Всякий арестованный имеет право через три дня после ареста узнать причину оного или быть выпущен". Эту статью я себе заметил.

Через час времени я видел в окно, как приехал наш дворецкий и привез мне подушку, одеяло и шинель. Он просил о чем-то унтера, вероятно, о позволении взойти ко мне; это был седой старик, у которого я ребенком перекрестил двух или трех детей. Унтер грубо и отрывисто отказывал ему; один из наших кучеров стоял возле. Я им закричал в окно. Унтер засуетился и велел им убираться. Старик кланялся мне в пояс и плакал; кучер, стегнувши лошадь, снял шляпу и утер глаза, - дрожки застучали, и слезы полились у меня градом. Душа переполнилась. Это были первые и последние слезы во все времена заключения.

К утру канцелярия начала наполняться; явился писарь, который продолжал быть пьяным с вчерашнего дня, - фигура чахоточная, рыжая, в прыщах, с живот-норазвратным выражением в лице. Он был во фраке кирпичного цвета, прескверно сшитом, нечистом, лоснящемся. Вслед за ним пришел другой, в унтер-офицерской шинели, чрезвычайно развязный. Он тотчас обратился ко мне с вопросом:

- В театре, что ли-с, попались?

- Меня арестовали дома.

- И сам Федор Иванович?

- Кто это Федор Иванович? (189)

- Полковник Миллер-с,

- Да, он.

- Понимаем-с, - он моргнул рыжему, который не показал никакого участия. Кантонист не продолжал разговора; он увидел, что я взят не за буйство, не за пьянство, и потерял ко мне весь интерес, а может, и боялся вступить в разговор с опасным арестантом.

Спустя немнога явились разные квартальные, заспанные и непроспавшиеся, наконец просители и тяжущиеся.

Содержательница публичного дома жаловалась на полпивщика, что он в своей лавке обругал ее всенародно и притом такими словами, которые она, будучи женщиной, не может произнести при начальстве. Полпивщик клялся, что он таких слов никогда не произносил. Содержательница клялась, что он их неоднократно произносил и очень громко, причем она прибавляла, что он замахнулся на нее и если б она не наклонилась, то он раскроил бы ей все лицо. Сиделец говорил, что она, во-первых, ему не платит долг, во-вторых, разобидела его в собственной его лавке и, мало того, обещала исколотить его не на живот, а на смерть руками своих приверженцев.

Содержательница, высокая, неопрятная женщина, с отекшими глазами, кричала пронзительно громким, визжащим голосом и была чрезвычайно многоречива. Сиделец больше брал мимикой и движениями, чем словами.

Соломон-квартальный, вместо суда, бранил их обоих на чем свет стоит.

- С жиру собаки бесятся! - говорил он. - Сидели б, бестии, покойно у себя, благо мы молчим да мирволим. сидишь, важность какая! поругались - да и тотчас начальство беспокоить. И что вы за фря такая? словно лам в первый раз - да вас назвать нельзя, не выругавши, - таким ремеслом занимаетесь.

Полпивщик тряхнул головой и передернул плечами в знак глубокого удовольствия. Квартальный тотчас напал на него.

- А ты что из-за прилавка лаешься, собака? хочешь в сибирку? Скверносолов эдакой, да лапу еще подымать - а березовых, горячих... хочешь? (190)

Для меня эта сцена имела всю прелесть новости, она у меня осталась в памяти навсегда; это был первый патриархальный русский процесс, который я видел.

Содержательница и квартальный кричали до тех пор, пока взошел частный пристав. Он, не спрашивая, зачем эти люди тут и чего хотят, закричал еще больше диким голосом:

- Вон отсюда, вон, что здесь торговая .баня или кабак?

Прогнавши "сволочь", он обратился к квартальному:

- Как вам это не стыдно допускать такой беспорядок? сколько раз вам говорил?уважение к месту теряется,-шварль всякая станет после этого Содом делать. Вы потакаете слишком этим мошенникам. Это что за человек? - спросил он обо мне.

- Арестант, - отвечал квартальный, - которого привезли Федор Иванович, тут есть бумажка-с.

Частный пробежал бумажку, посмотрел на меня, с неудовольствием встретил прямой и неподвижный взгляд, который я на нем остановил, приготовляясь на первое его слово дать сдачи, и сказал:

- Извините.

дело содержательницы и полпивщика снова явилось; она требовала присяги пришел поп - кажется они оба присягнули, - я конца не видал. Меня увезли к обер-полицмейстеру, не знаю зачем - никто не говорил со мною ни слова, потом опять привезли в частный дом, где мне была приготовлена комната под самой каланчой. Унтер-офицер заметил, что если я хочу поесть, надо посыпать купить что-нибудь, что казенный паек еще не назначен и что он еще дня два не будет назначен; сверх того, как он состоит из трех или четырех копеек серебром, то хорошие арестанты предоставляют его в экономию.

Запачканный диван стоял у стены, время было за полдень, я чувствовал страшную усталость, бросился на диван и уснул мертвым сном. Когда я проснулся, на душе все улеглось и успокоилось. Я был измучен в последнее время неизвестностью об Огареве, теперь черед дошел и до меня, опасность не виднелась издали, а обложилась вокруг, туча была над головой. Это первое гонение должно было нам

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru служить рукоположением. (191)

ГЛАВА X

Под каланчой. – Лиссабонский квартиральный. --Зажигатели.

К тюрьме человек приучается скоро, если он имеет сколько-нибудь внутреннего содержания. К тишине и совершенной воле в клетке привыкаешь быстро, – никакой заботы, никакого рассеяния.

Сначала не давали книг; частный пристав уверял, что из дома книг не дозволяется брать. Я его просил купить. "Разве что-нибудь учебное, грамматику какую, что ли, пожалуй, можно, а не то, надобно спросить генерала". Предложение читать от скуки грамматику было неизмеримо смешно, тем не менее я ухватился за него обеими руками и попросил частного пристава купить итальянскую грамматику и лексикон. Со мной были две красненькие ассыгнации, я отдал одну ему; он тут же послал поручика за книгами и отдал ему мое письмо к обер-полицмейстеру, в котором я, основываясь на вычитанной мною статье, просил объявить мне причину ареста или выпустить меня.

Частный пристав, в присутствии которого я писал письмо, уговаривал не посыпать его. "Напрасно-с, ей-богу, напрасно-с утруждаете генерала; скажут: беспокойные люди, – вам же вред, а пользы никакой не будет".

Вечером явился квартирный и сказал, что обер-полицмейстер велел мне на словах объявить, что в свое время я узнаю причину ареста. Далее он вытащил из кармана засаленную итальянскую грамматику и, улыбаясь, прибавил: "Так хорошо случилось, что тут и словарь есть, лексикончика не нужно". Об сдаче и разговоре не было. Я хотел было снова писать к обер-полицмейстеру, но роль миниатюрного Гемпдена в Пречистенской части показалась мне слишком смешной.

Недели через полторы после моего взятия, часу в десятом вечера, пришел маленького роста черненький и рябенький квартирный с приказом одеться и отправляться в следственную комиссию.

Пока я одевался, случилось следующее смешно-досадное происшествие. Обед мне присыпали из дома, слуга отдавал внизу дежурному унтер-офицеру, тот (192) присыпал с солдатом ко мне. Виноградное вино позволялось пропускать от полубутилки до целой в день. Н. Сазонов, пользуясь этим дозволением, приспал мне бутылку превосходного "Иоганнисберга". Солдат и я, мы ухитрились двумя гвоздями откупорить бутылку; букет поразил издали. Этим вином я хотел наслаждаться дня три-четыре.

Надобно быть в тюрьме, чтобы знать, сколько ребячества остается в человеке и как могут тешить мелочи от бутылки вина до шалости над сторожем.

Рябенький квартирный отыскал мою бутылку и, обращаясь ко мне, просил позволения немного выпить. Досадно мне было, однако я сказал, что очень рад. Рюмки у меня не было. Изверг этот взял стакан, налил его до невозможной полноты и выпил его себе внутрь, не переводя дыхания; этот образ вливания спиртов и вин только существует у русских и у поляков; – я во всей Европе не видел людей, которые бы пили залпом стакан или умели хватить рюмку. Чтобы потерю этого стакана сделать еще чувствительнее, рябенький квартирный, обтирая синим табачным платком губы, благодарили меня, приговаривая: "Мадера хоть куда". Я с ненавистью посмотрел на него и злобно радовался, что люди не привили квартирному коровьей оспы, а природа не обошла его человеческой.

Этот знаток вин привез меня в обер-полицмейстерский дом на Тверском бульваре, ввел в боковую залу и оставил одного. Полчаса спустя из внутренних комнат вышел толстый человек с ленивым и добродушным видом; он бросил портфель с бумагами на стул и послал куда-то жандарма, стоявшего в дверях.

– Вы, верно, – сказал он мне, – по делу Огарева и других молодых людей, недавно взятых? Я подтвердил.

– Слышал я, – продолжал он, – мельком. Странное дело, ничего не понимаю.

– Я сижу две недели в тюрьме по этому делу, да не только ничего не понимаю, но

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru просто не знаю ничего.

- Это-то и прекрасно, - сказал он, пристально посмотревши на меня, - и не знайте ничего. Вы меня простите, а я вам дам совет: вы молоды, у вас еще кровь горяча, хочется поговорить, это - беда; не забудьте же, что вы ничего не знаете, это единственный путь спасения. (193)

Я смотрел на него с удивлением: лицо его не выражало ничего дурного; он догадался и, улыбнувшись, сказал:

- Я сам был студент Московского университета лет двенадцать тому назад.

Взошел какой-то чиновник; толстяк обратился к нему как начальник и, кончив свои приказания, вышел вод, ласково кивнув головой и приложив палец к губам. Я никогда после не встречал этого господина и не знаю, кто он; но искренность его совета я испытал.

Потом взошел полицмейстер, другой, не Федор Иванович, и позвал меня в комиссию. В большой, довольно красивой зале сидели за столом человек пять, все в военных мундирах, за исключением одного чахлого старика. Они курили сигары, весело разговаривали между собой, расстегнувши мундиры и развалившись на креслах. Обер-полицмейстер председательствовал.

Когда я взошел, он обратился к какой-то фигуре, смиленно сидевшей в углу, и сказал:

- Батюшка, не угодно ли?

Тут только я разглядел, что в углу сидел старый священник с седой бородой и красно-синим лицом. Священник дремал, хотел домой, думал о чем-то другом и зевал, прикрывая рукою рот. Протяжным голосом и несколько нараспев начал он меня увещевать; толковал о грехе утаивать истину перед лицами, назначенными царем, и о бесполезности такой неоткровенности, взяв во внимание всеслышащее ухо божие; он не забыл даже сослаться на вечные тексты, что "нет власти, аще не от бога" и "кесарю - кесарево". В заключение он сказал, чтобы я приложился к святому евангелию и честному кресту в удостоверение обета, - которого я, впрочем, не давал, да он и не требовал, - искренно и откровенно раскрыть всю истину.

Окончивши, он поспешно начал завертывать евангелие и крест. Цынский, едва приподнявшись, сказал ему, что он может идти. После этого он обратился ко мне и перевел духовную речь на гражданский язык.

- Я прибавлю к словам священника одно - запираться вам нельзя, если бы и хотели. - Он указал на кипы бумаг, писем, портретов, с намерением разбросанных по столу.. - Одно откровенное сознание может (194) смягчить вашу участь; быть на воле или в Бобруйске на Кавказе - это зависит от вас.

Вопросы предлагались письменно; наивность некоторых была поразительна. "Не安娜ете ли вы о существовании какого-либо тайного общества? Не принадлежите ли вы к какому-нибудь обществу - литературному или иному? - кто его члены? где они собираются?"

На все это было чрезвычайно легко отвечать одним нет.

- Вы, я вижу, ничего не знаете, - сказал, перечитывая ответы, Цынский. - Я вас предупредил - вы усложните ваше положение.

Тем и кончился первый допрос.

... Восемь лет спустя, в другой половине дома, где была следственная комиссия, жила женщина, некогда прекрасная собой, с дочерью красавицей, сестра нового обер-полицмейстера.

Я бывал у них и всякий раз проходил той залой, где Цынский с компанией судил и рядил нас; в ней висел, тогда и потом, портрет Павла - напоминанием ли того, до чего может унизить человека необузданность и злоупотребление власти, или для того, чтобы поощрять полицейских на всякую свирепость, - не знаю, но он был тут, с тростью в руках, курносый и нахмуренный, - я останавливался всякий раз пред

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru этим портретом, тогда арестантом, теперь гостем. Небольшая гостиная возле, где все дышало женщиной и красотой, была как-то неуместна в доме строгости и следствий; мне было не по себе там и как-то жаль, что прекрасно развернувшийся цветок попал на кирпичную, печальную стену съезжей. Наши речи и речи небольшого круга друзей, собиравшихся у них, так иронически звучали, так удивляли ухо в этих стенах, привыкнувших слушать допросы, доносы и рапорты о повальных обысках, - в этих стенах, отделявших нас от шепота квартиральных, от вздохов арестантов, от бренчанья жандармских шпор и сабли уральского казака...

Через неделю или две снова пришел рябенький квартиральный и снова привез меня к Цынскому. В сенях сидели и лежали несколько человек скованных, окруженные солдатами с ружьями; в передней было тоже несколько человек разных сословий, без цепей, но строго охраняемых*. Квартирный сказал мне, что это всё (195) зажигатели. Цынский был на пожаре, следовало ждать его возвращения; мы приехали часу в десятом вечера; в час ночи меня еще никто не спрашивал, и я все еще преспокойно сидел в передней с зажигателями. Из них требовали то одного, то другого - полицейские бегали взад и вперед, цепи гремели, солдаты от скрики брякали ружьями и выкидывали артикул. Около часу приехал Цынский, в саже и копоти, и пробежал в кабинет, не останавливаясь. Прошло с полчаса, позвали моего квартирального; он воротился бледный, растерянный и с судорожным подергиванием в лице. Вслед за ним Цынский высунул голову в дверь и сказал:

- А вас, monsieur Г., вся комиссия ждала целый вечер; этот болван привез вас сюда в то время, как вас требовали к князю Голицыну. Мне очень жаль, что вы здесь проходили так долго, но это не моя вина. Что прикажете делать с такими исполнителями? я думаю, пятьдесят лет служит и все чурбан. - Ну, пошел теперь домой! - прибавил он, изменив голос на гораздо грубейший и обращаясь к квартиральному.

Квартирный повторял целую дорогу: "Господи! какая беда! человек не думает, не гадает, что над ним "сделается", - ну уж он меня доедет теперь. Он бы еще ничего, если б вас там не ждали, а то ведь ему срам - господи, какое несчастье!"

Я простил ему рейнвейн, особенно когда он мне сообщил, что он менее был испуган, когда раз тонул возле Лиссабона, чем теперь. Последнее обстоятельство было так нежданно для меня, что мною овладел безумный смех.

- Как же вы это попали в Лиссабон? помилуйте, на что же это похоже? спросил я его.

Старик был лет за двадцать пять морским офицером. Нельзя не согласиться с министром, который уверял капитана Копейкина, что в России, некоторым образом, никакая служба не остается без вознаграждения. Его судьба спасла в Лиссабоне для того, чтобы быть обруганным Цынским, как мальчишка, после сорокалетней службы.

Он же почти не был виноват.

Следственная комиссия, составленная генерал-губернатором, не понравилась Государю; он назначил новую под председательством князя Сергея Михайловича Го(196)лицына. В этой комиссии членами были: московский комендант Сталь, другой князь Голицын, жандармский полковник Шубинский и прежний аудитор Оранский.

В обер-полицмейстерском приказе не было сказано, что комиссия переведена; весьма естественно, что лиссабонский квартирный свез меня к Цынскому...

В частном доме была тоже большая тревога: три пожара случились в один вечер, и потом из комиссии присыпали два раза узнать, что со мной сделалось, не бежал ли я. Чего Цынский не добrанил, то добавил частный пристав лиссабонцу, что и следовало ожидать, потому что частный пристав был тоже долею виноват, не справившись, куда именно требуют. В канцелярии, в углу, что-то лежал на стульях и стонал; я посмотрел - молодой человек красивой наружности и чисто одетый, он харкал кровью и охал; частный лекарь советовал пораньше утром отправить его в больницу.

Когда унтер-офицер привел меня в мою комнату, я выпытал от него историю раненого. Это был отставной гвардейский офицер, он имел интригу с какой-то горничной и был у нее, когда загорелся флигель. Это было время наибольшего страха от зажигательства; действительно, не проходило дня, чтобы я не слышал

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru трех-четырех раз сигнального колокольчика; из окна я видел всякую ночь два-три зарева. Полиция и жители с ожесточением искали зажигателей. Офицер, чтоб не компрометировать девушку, как только началась тревога, перелез забор и спрятался в сарае соседнего дома, выжидая минуты, чтоб выйти. Маленькая девчонка, бывшая на дворе, увидела его и сказала первым прискакавшим полицейским, что зажигатель спрятался в сарае; они ринулись туда с толпой народа и с торжеством вытащили офицера. Они его так основательно избили, что он на другой день к утру умер.

Начался разбор захваченных людей; половину отпустили, других нашли подозрительными. Полицмейстер Брянчанинов ездил всякое утро и допрашивал часа три или четыре. Иногда допрашиваемых секли или били; тогда их вопль, крик, просьбы, визг, женский стон, вместе с резким голосом полицмейстера и однообразным чтением письмоводителя, - доходили до меня. Это было ужасно, невыносимо. Мне по ночам грезились эти звуки, и я просыпался в исступлении, думая, что (197) страдальцы эти в нескольких шагах от меня лежат на соломе, в цепях, с изодранной, с избитой спиной - и наверное без всякой вины.

Чтоб знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надобно быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большею частию принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбою бедных бородачей. С этими полиция не церемонится. К кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд?

Таков беспорядок, зверство, своеволие и разврат русского суда и русской полиции, что простой человек, попавшийся под суд, боится не наказания по суду, а судопроизводства. Он ждет с нетерпением, когда его пошлют в Сибирь - его мученичество оканчивается с началом наказания. Теперь вспомним, что три четверти людей, хватаемых полициею по подозрению, судом освобождаются и что они прошли через те же истязания, как и виновные.

Петр III уничтожил застенок и тайную канцелярию.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александр I еще раз ее уничтожил,

Ответы, сделанные "под страхом", не считаются по закону. Чиновник, пытающий подсудимого, подвергается сам суду и строгому наказанию.

И во всей России - от Берингова пролива до Таурогена - людей пытают; там, где опасно пытать розгами, пытают нестерпимым жаром, жаждой, соленой пищей; в Москве полиция ставила какого-то подсудимого босого, градусов в десять мороза, на чугунный пол - он занемог и умер в больнице, бывшей под начальством князя Мещерского, рассказывавшего с негодованием об этом. Начальство знает все это, губернаторы прикрывают, правительственный сенат мирволит, министры молчат; государь и синод, помещики и квартальные - все согласны с Селифаном, что "отчего же мужика и не посечь, мужика иногда надобно посечь!"

Комиссия, назначенная для розыска зажигательств, судила, то есть секла месяцев шесть кряду - и ничего не высекла. Государь рассердился и велел дело окон(198)чить в три дня. Дело и кончилось в три дня; виновные были найдены и приговорены к наказанию кнутом, клеймению и ссылке в каторжную работу. Из всех домов собрали дворников смотреть страшное наказание "зажигателей". Это было уже зимой, и я содержался тогда в Крутицких казармах. Жандармский ротмистр, бывший при наказании, добрый старик, сообщил мне подробности, которые я передаю. Первый осужденный на кнут громким голосом сказал народу, что он клянется в своей невинности, что он сам не знает, что отвечал под влиянием боли, при этом он снял с себя рубашку и, повернувшись спиной к народу, прибавил: "Посмотрите, православные!"

Стон ужаса пробежал по толпе: его спина была синяя полосатая рана, и по этой-то ране его следовало бить кнутом. Ропот и мрачный вид собранного народа заставили полицию торопиться, палачи отпустили законное число ударов, другие заклеймили, третьи сковала ноги, и дело казалось оконченным. Однако сцена эта поразила жителей; во всех кругах Москвы говорили об ней. Генерал-губернатор донес об этом Государю. Государь велел назначить новый суд и особенно разобрать дело зажигателя, протестовавшего перед наказанием.

Спустя несколько месяцев прочел я в газетах, что государь, желая вознаградить двух невинно наказанных кнутом, приказал им выдать по двести рублей за удар и снабдить особым паспортом, свидетельствующим их невинность, несмотря на клеймо. Это был зажигательг говоривший к народу, и один из его товарищей.

История о зажигательствах в Москве в 1834 году, отздавшаяся лет через десять в разных провинциях, остается загадкой. Что поджоги были, в этом нет сомнения; вообще огонь, "красный петух" - очень национальное средство мести у нас. Беспрестанно слышишь о поджоге барской усадьбы, овина, амбара. Но что за причина была пожаров именно в 1834 в Москве, этого никто не знает, всего меньше члены комиссии.

Перед 22 августа, днем коронации, какие-то шалуны подкинули в разных местах письма, в которых сообщали жителям, что они не заботились об иллюминации, что освещение будет.

Переполошилось трусливое московское начальство. С утра частный дом был наполнен солдатами, эскадрон (199) уланов стоял на дворе. Вечером патрули верхом и пешие беспрестанно обезжали улицы. В экзерциргаузе была приготовлена артиллерия. Полицмейстеры скакали взад и вперед с казаками и жандармами, сам князь Голицын с адъютантами проехал верхом по городу. Этот военный вид скромной Москвы был странен и действовал на нервы. Я до поздней ночи лежал на окне под своей каланчой и смотрел на двор... Спешившиеся уланы сидели кучками около лошадей, другие садились на коней; офицеры расхаживали, с пренебрежением глядя на полицейских; плац-адъютанты приезжали с озабоченным видом, с желтым воротником и, ничего не сделавши, - уезжали.

Пожаров не было.

Вслед за тем явился сам государь в Москву. Он был недоволен следствием над нами, которое только началось, был недоволен, что нас оставили в руках явной полиции, был недоволен, что не нашли зажигателей, словом, был недоволен всем и всеми.

Мы вскоре почувствовали высочайшую близость.

ГЛАВА XI

Крутицкие казармы. - Жандармские повествования. - Офицеры.

Дня через три после приезда государя, поздно вечером- все эти вещи делаются в темноте, чтобы не беспокоить публику, - пришел ко мне полицейский офицер с приказом собрать вещи и отправляться с ним.

- Куда? - спросил я.

- Вы увидите, - отвечал умно и учтиво полицейский. После этого, разумеется, я не продолжал разговора, собрал вещи и пошел.

Ехали мы, ехали часа полтора, наконец проехали Симонов монастырь и остановились у тяжелых каменных ворот, перед которыми ходили два жандарма с карабинами. Это был Крутицкий монастырь, превращенный в жандармские казармы.

Меня привели в небольшую канцелярию. Писаря, адъютанты, офицеры - все было голубое. Дежурный офицер, в каске и полной форме, просил меня подождать и даже предложил закурить трубку, которую я держал в руках. После этого он принялся писать расписку в получении арестанта; отдав ее квартальному, он ушел и вернулся с другим офицером.

- Комната ваша готова, - сказал мне последний, - пойдемте.

Жандарм светил нам, мы сошли с лестницы, прошли несколько шагов двором, взошли небольшой дверью в длинный коридор, освещенный одним фонарем; по обеим сторонам были небольшие двери, одну из них отворил дежурный офицер; дверь вела в крошечную кордегардию, за которой была небольшая комнатка, сырья, холодная и с запахом подвала. Офицер с аксельбантом, который привел меня, обратился ко мне на французском языке, говоря, что он desole d'etre dans la пёсез-site9 шарить в моих карманах, но что военная служба, обязанность, повиновение... После этого

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru красноречивого вступления он очень просто обернулся к жандарму и указал на меня глазом. Жандарм в ту же минуту запустил невероятно- большую и шершавую руку в мой карман. Я заметил учтивому офицеру, что это вовсе не нужно, что я сам, пожалуй, выворочу все карманы, без таких насилистенных мер. К тому же, что могло быть у меня после полуторамесчного заключения?

- Знаем мы, - сказал, неподражаемо самодовольно улыбаясь, офицер с аксельбантом,
- знаем мы порядки частных домов.

Дежурный офицер тоже колко улыбнулся, однако жандарму сказали, чтоб он только смотрел; я вынул все, что было.

- Высыпьте на стол ваш табак, - сказал офицер desole10.

У меня в кисете был перочинный ножик и карандаш, завернутые в бумажке; я с самого начала думал об них и, говоря с офицером, играл с кисетом до тех пор, пока ножик мне попал в руку, я держал его сквозь материю и смело высypал табак на стол, жандарм снова его всыпал. Ножик и карандаш были спасены - вот жандарму с аксельбантом урок за его гордое пренебрежение к явной полиции. (201)

Это происшествие расположило меня чрезвычайно хорошо, я весело стал рассматривать мои новые владения.

В монашеских кельях, построенных за триста лет и ушедших в землю, устроили несколько светских келий для политических арестантов.

В моей комнате стояла кровать без тюфяка, маленький столик, на нем кружка с водой, возле стул, в большом медном шандале горела тонкая сальная свеча. Сырость и холод проникали до костей; офицер велел затопить печь, потом все ушли. Солдат обещал принести сена; пока, подложив шинель под голову, я лег на голую кровать и закурил трубку.

Через минуту я заметил, что потолок был покрыт прусскими тараканами. Они давно не видали свечи и бежали со всех сторон к освещенному месту, толкались, сутились, падали на стол и бегали потом опрометью взад и вперед по краю стола.

Я не любил тараканов, как вообще всяких незваных гостей; соседи мои показались мне страшно гадки, но делать было нечего, - не начать же было жаловаться на тараканов, - и нервы покорились. Впрочем, дня через три все прусаки перебрались за загородку к солдату, у которого было теплее; иногда только забежит, бывало, один, другой таракан, поводит усами и тотчас назад греться.

Сколько я ни просил жандарма, он печку все-таки закрыл. Мне становилось не по себе, в голове кружилось, я хотел встать и постучать солдату; действительно встал, но этим и оканчивается все, что я помню...

...Когда я пришел в себя, я лежал на полу, голову ломило страшно. Высокий, седой жандарм стоял, сложа руки, и смотрел на меня бессмысленно внимательно, в том роде, как в известных бронзовых статуэтках собака смотрит на черепаху.

- Славно угорели, ваше благородие, - сказал он, видя, что я очнулся. - Я вам хренку принес с солью и с квасом; я уж вам давал нюхать, теперь выпейте,

Я выпил, он поднял меня и положил на постель; мне было очень дурно, окно было с двойной рамой и без форточки; солдат ходил в канцелярию просить разрешения выйти на двор; дежурный офицер велел сказать, что ни полковника, ни адъютанта нет налицо, а что он на (202) свою ответственность взять не может. Пришлось оставаться в угарной комнате.

Обжился я и в Крутицких казармах, спрягая итальянские глаголы и почитывая кой- какие книжонки. Сначала содержание было довольно строго, в девять часов вечера при последнем звуке вестовой трубы солдат входил в комнату, тушил свечу и запирал дверь на замок. С десяти вечера до восьми следующего дня приходилось сидеть в потемках. Я никогда не спал много, в тюрьме без всякого движения мне за глаза было достаточно четырех часов сна - каково же наказание не иметь свечи? К тому же часовые с двух сторон коридора кричали каждые четверть часа протяжно и громко: "Слу-у-шай!"

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Через несколько недель полковник Семенов (братья знаменитой актрисы, впоследствии княгини Гагариной) позволил оставлять свечу, запретив, чтоб чем-нибудь завешивали окно, которое было ниже двора, так что часовой мог видеть все, что делается у арестанта, и не велел в коридоре кричать "слушай".

Потом комендант разрешил нам иметь чернильницу и гулять по двору. Бумага давалась счетом на том условии, чтоб все листы были целы. Гулять было дозволено раз в сутки на дворе, окруженном оградой и цепью часовых, в сопровождении солдата и дежурного офицера.

Жизнь шла однообразно, тихо, военная аккуратность придавала ей какую-то механическую правильность вроде цезуры в стихах. Утром я варил с помощью жандарма в печке кофей; часов в десять являлся дежурный офицер, внося с собой несколько кубических футов мороза, гремя саблей, в перчатках, с огромными обшлагами, в каске и шинели; в час жандарм приносил грязную салфетку и чашку супа, которую он держал всегда за края, так что два большие пальца были приметно чище остальных. Кормили нас сносно, но при этом не следует забывать, что за корм брали по два рубля ассигнациями в день, что в продолжении девятимесячного заключения составило довольно значительную сумму для неимущих. Отец одного арестанта просто сказал, что у него денег нет; ему хладнокровно ответили, что у него из жалованья вычтут. Если бы он не получал жалованья, весьма вероятно, что его посадили бы в тюрьму. (203)

В дополнение должно заметить, что в казармы присыпалось для нашего прокормления полковнику Семенову один рубль пятьдесят копеек из ордонансгауза. Из этого было вышел шум, но пользуясь этим плац-адъютанты задарили жандармский дивизион ложами на первые представления и бенефисы, тем дело и кончилось.

После вечерней зари наступала совершенная тишина, вовсе не прерываемая шагами солдата, хрустевшими по снегу перед самым окном, ни дальними окликами часовых. Обыкновенно я читал до часу и потом тушил свечу. Сон переносил на волю, иной раз впросоньях казалось: фу, какие тяжелые грезы приснились тюрьма, жандармы, и радуешься, что все это сон, а тут вдруг прогремит сабля по коридору, или дежурный офицер отворит дверь, сопровождаемый солдатом с фонарем, или часовой прокричит нечеловечески "кто идет?", или труба под самым окном резкой "зарей" раздерет утренний воздух...

В скучные минуты, когда не хотелось читать, я толковал с жандармами, караулившими меня, особенно с стариком, лечившим меня от угара. Полковник в знак милости отряжал старых солдат, избавляя их от строю, на спокойную должность беречь запертого человека, над ними назначается ефрейтор - шпион и плут. Пять-шесть жандармов делали всю службу.

Старик, о котором идет речь, был существо простое, доброе и преданное за всякую ласку, которых, вероятно, ему не много доставалось в жизни. Он делал кампанию 1812 года, грудь его была покрыта медалями, срок свой он выслужил и остался по доброй воле, не зная, куда деться.

- Я два раза, - говорил он, - писал на родину в Могилевскую губернию, да ответа не было, видно, из моих никого больше нет; так оно как-то и жутко на родину прийти, побудешь-побудешь, да, как окаянный какой, и пойдешь, куда глаза глядят, Христа ради просить.

Какое варварское и безжалостное устройство военной службы в России, с ее чудовищным сроком! Личность человека у нас везде принесена на жертву без малейшей щады, без всякого вознаграждения.

Старик Филимонов имел притязания на знание немецкого языка, которому обучался на зимних квартирах после взятия Парижа. Он очень удачно перекладывал на (204) русские нравы немецкие слова: лошадь он называл ферт, яйца - еры, рыбу - пиш, овес - обер, блины-панкхуй11. В его рассказах был характер наивности, наводивший на меня грусть и раздумье. В Молдавии, во время турецкой кампании 1805 года, он был в роте капитана, добрейшего в мире, который о каждом солдате, как о сыне, пекся и в деле был всегда впереди.

- Его приворожила к себе одна молдаванка; мы видим: наш ротный командир в заботе, а он, знаете, того, подметил, что молдаванка к другому офицеру похоживает. Вот раз позвал он меня и одного товарища - славного солдата, ему

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru потом под Малым Ярославцем обе ноги оторвало – и стал нам говорить, как его молдаванка обидела и что хотим ли мы помочь ему и дать ей науку. "Отчего же, говорим мы ему, – мы вашему высокоблагородию всегда ради стараться". Он поблагодарил, да и указал дом, в котором жил офицер, и говорит: "Вы ночью станьте на мосту, она беспременно пойдет к нему, вы ее без шума возьмите, да и в реку". – "Можно, мол, ваше высокоблагородие", – говорим мы ему, да и припасли с товарищем мешочек; сидим-с; только едак к полночи бежит молдаванка; мы, знаете, говорим ей: "что, мол, сударыня, торопитесь?" – да и дали ей раз по голове; она, голубушка, не пикнула, мы ее в мешок – да и в реку. А капитан на другой день к офицеру пришел и говорит: "Вы не гневайтесь на молдаванку, мы ее немножко позадержали, она, то есть, теперь в реке, а с вами, дескать, прогуляться можно на сабле или на пистолях, как угодно". Ну, и рубились. Тот нашему капитану грудь сильно прохватил, почах, сердечный, однаже месяца через три богу душу и отдал.

– А молдаванка, – спросил я – так и утонула?

– Утонула-с, – отвечал солдат.

Я с удивлением смотрел на детскую беспечность, с которой старый жандарм мне рассказывал эту историю. И он, как будто догадавшись или подумав в первый раз о ней, добавил, успокаивая меня и примиряясь с совестью:

– Язычница-с, все равно что некрещеная, такой народ. (205)

Жандармам дают всякий царский день чарку водки. Вахмистр позволял Филимонову отказываться раз пять-шесть от своей порции и получать разом все пять-шесть; Филимонов метил на деревянную бирку, сколько стаканчиков пропущено, и в самые большие праздники отправлялся за ними. Водку эту он выливал в миску, крошил в нее хлеб и ел ложкой. После такой закуски он закуривал большую трубку на крошечном чубучке, табак у него был крепости невероятной, он его сам крошил и вследствие этого остроумно называл "сан-краш". Куря, он укладывался на небольшом окне, – стула в солдатской комнате не было, – согнувшись в три погибели, и пел песню:

Вышли девки на лужок,

Где муравка и цветок.

По мере того как он пьянил, он иначе произносил слово цветок: "тветок", "кветок", "хветок", дойдя до "хветок", он засыпал. Каково здоровье человека, с слишком шестидесяти лет, два раза раненного и который выносил такие завтраки?

Прежде нежели я оставлю эти казарменно-фламандские картины а 1а Вуверман Калло и эти тюремные сплетни, похожие на воспоминания всех в неволе заключенных, – скажу еще несколько слов об офицерах.

Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпионы, а люди, случайно занесенные в жандармский дивизион. Молодые дворяне, мало или ничему не учившиеся, без состояния, не зная, куда преклонить главы, они были жандармами потому, что не нашли; другого дела. Должность свою они исполняли со всею военной точностью, но я не замечал тени усердия – исключая, впрочем, адъютанта, – но зато он и был адъютантом.

Когда офицеры ознакомились со мной, они делали все маленькие льготы и облегчения, которые от них зависели, жаловаться на них было бы грехом.

Один молодой офицер рассказывал мне, что в 1831 году он был командирован отыскать и захватить одного польского помещика, скрывавшегося в соседстве своего имения. Его обвиняли в сношениях с эмиссарами. Офицер отправился, по собранным сведениям он узнал место – где укрывался помещик явился туда с командой, (206) оцепил дом и взошел в него с двумя жандармами. Дом был пустой – походили они по комнатам, пошныряли, нигде никого, а между прочим, некоторые безделицы явно показывали, что в доме недавно были жильцы. Оставя жандармов внизу, молодой человек второй раз пошел на чердак; осматривая внимательно, он увидел небольшую дверь, которая вела к чулану или к какой-нибудь каморке; дверь была заперта изнутри, он толкнул ее ногой, она отворилась – и высокая женщина, красивая собой, стояла перед ней; она молча указывала ему на мужчину, державшего в своих руках девочку лет двенадцати, почти без памяти. Это был он и его семья. Офицер

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru смутился. Высокая женщина заметила это и спросила его:

- И вы будете иметь жестокость погубить их?

Офицер извинялся, говоря обычные пошлости о беспрекословном повиновении, о долге - и, наконец, в отчаянии, видя, что его слова нисколько не действуют, кончил свою речь вопросом:

- Что же мне делать?

Женщина гордо посмотрела на него и сказала, указывая рукой на дверь:

- Идти вниз и сказать, что здесь никого нет.

- Ей-богу, не знаю, - говорил офицер, - как это случилось и что со мной было, но я сошел с чердака и велел унтеру собрать команду. Через два часа мы его усердно искали в другом поместье, пока он пробирался за границу. Ну, женщина! Признаюсь!

...Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее, как оптовые осуждения целых сословий - по надписи, по нравственному каталогу, по главному характеру цеха. Названия страшная вещь. Ж.-П. Рихтер говорит с чрезвычайной верностью: если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что он солгал, но не говорите, что он лгун. Вы разрушаете его нравственное доверие к себе, определяя его как лгuna, "Это - убийца", - говорят нам, и нам тотчас кажется спрятанный кинжал, зверское выражение, черные замыслы, точно будто убивать постоянное занятие, ремесло человека, которому случилось раз в жизни кого-нибудь убить. Нельзя быть шпионом, торговцем чужого разврата и честным человеком, но можно быть жандармским офицером, - не утратив всего человеческого (207) достоинства, так, как сплошь да рядом можно найти женственность, нежное сердце и даже благородство в несчастных жертвах "общественной невоздержности".

Я имею отвращение к людям, которые не умеют, не хотят или не дают себе труда идти далее названия, перешагнуть через преступление, через запутанное, ложное положение, целомудренно отворачиваясь или грубо отталкивая. Это делают обыкновенно отвлеченные, сухие, себялюбивые, противные в своей чистоте натуры или натуры пошлые, низшие, которым еще не удалось или не было нужды заявить себя официально; они по сочувствию дома на грязном дне, на которое другие упали.

ГЛАВА XII

Следствие. - Голицын sen. - Голицын jun12. - Генерал Сталь. - Сентенция. - Соколовский.

...Но при всем этом что же дело, что же следствие и процесс?

В новой комиссии дело так же не шло на лад, как в старой. Полиция следила за нами давно, но, нетерпеливая, не могла в своем усердии дождаться дельного повода и сделала вздор. Она подослала отставного офицера Скарятку, чтобы нас завлечь, обличить; он познакомился почти со всем нашим кругом, но мы очень скоро угадали, что он такое, и удалили его от себя. Другие молодые люди, большую частью студенты, не были так осторожны, но эти другие не имели с нами никакой серьезной связи.

Один студент, окончивший курс, давал своим приятелям праздник 24 июня 1834 года. Из нас не только не было ни одного на пиру, но никто не был приглашен. Молодые люди перепились, дурачились, танцевали мазурку и между прочим спели хором известную песню Соколовского:

Русский император

В вечность отошел,

Ему оператор

Брюхо распорол. (208)

Плачет государство,

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Плачет весь народ,

Едет к ним на царство

Константин урод.

Но царю вселенной,

Богу высших сил,

Царь благословенный

Грамотку вручил.

Манифест читая,

Сжалился творец,

дал нам Николая,

С.... . подлец.

Вечером Скарятка вдруг вспомнил, что это день его именин, рассказал историю, как он выгодно продал лошадь, и пригласил студентов к себе, обещая дюжину шампанского. Все поехали. Шампанское явилось, и хозяин, покачиваясь, предложил еще раз спеть песню Соколовского. Середь пения отворилась дверь, и взошел Цынский с полицией. Все это было грубо, глупо, неловко и притом неудачно.

Полиция хотела захватить нас, она искала внешний повод запутать в дело человек пять-шесть, до которых добиралась, - и захватила двадцать человек невинных.

Но русскую полицию трудно сконфузить. Через две недели арестовали нас, как соприкосновенных к делу праздника. У Соколовского нашли письма Сатина, у Сатина - письма Огарева, у Огарева - мои, - тем не менее ничего не раскрывалось. Первое следствие не удалось. Для большего успеха второй комиссии государь послал из Петербурга отборнейшего из инквизиторов, А. Ф. Голицына.

Порода эта у нас редка. К ней принадлежал известный начальник Третьего отделения Мордвинов, виленский ректор Пеликан да несколько служилых оставшцев и падших поляков¹³.

Но, на беду инквизиции, первым членом был назначен московский комендант Сталь. Сталь - прямодушный воин, старый, храбрый генерал, разобрал дело и нашел, что оно состоит из двух обстоятельств, не имеющих ничего общего между собой: из дела о празднике, (209) за который следует полицейски наказать, и из ареста людей, захваченных бог знает почему, которых вся видимая вина в каких-то полувысказанных мнениях, за которые судить и трудно и смешно.

Мнение Стала не понравилось Голицыну младшему. Спор их принял колкий характер; старый воин вспыхнул от гнева, ударил своей саблей по полу и сказал:

- Вместо того чтобы губить людей, вы бы лучше сделали представление о закрытии всех школ и университетов, это предупредит других несчастных, - а впрочем, вы можете делать что хотите, но делать без меня, нога моя не будет в комиссии.

С этими словами старики поспешили оставить залу,

В тот же день это было донесено государю.

Утром, когда комендант явился с рапортом, государь спросил его, зачем он не хочет ездить в комиссию? Сталь рассказал зачем.

- Что за вздор? - возразил император. - Скоритесь с Голицыным, как не стыдно! Я надеюсь, что ты по-прежнему будешь в комиссии.

- Государь, - ответил Сталь, - пощадите мои седые волосы, я дожил до них без малейшего пятна. Мое усердие известно вашему величеству, кровь моя, остаток дней принадлежат вам. Но тут дело идет о моей чести - моя совесть восстает против

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
того, что делается в комиссии.

Государь сморщился, Сталль откланялся и в комиссии не был ни разу с тех пор.

Этот анекдот, которого верность не подлежит ни малейшему сомнению, бросает большой свет на характер Николая. Как же ему не пришло в голову, что если человек, которому он не отказывает в уважении, храбрый воин, заслуженный старец, - так упирается и так умоляет пощадить его честь, то, стало быть, дело не совсем чисто? Меньше нельзя было сделать, как потребовать налицо Голицына и велеть Сталлю при нем объяснить дело. Он этого не сделал, а велел нас строже содергать,

После него в комиссии остались одни враги подсудимых под председательством простенького старичка, князя С. М. Голицына, который через девять месяцев так же мало знал дело, как девять месяцев прежде его начала. Он хранил важно молчание, редко вступал в разговор и при окончании допроса всякий раз спрашивала (210)

- Его можно отпустить?
- Можно, - отвечал Голицын junior, и senior важно Говорил арестанту:
- Ступайте!

Первый допрос мой продолжался четыре часа.

Вопросы были двух родов. Одни имели целью раскрыть образ мыслей, "не свойственных духу правительства, мнения революционные и проникнутые пагубным учением Сен-Симона" - так выражался Голицын ijunior и аудитор Оранский.

Эти вопросы были легки, но не были вопросы. В захваченных бумагах и письмах мнения были высказаны довольно просто; вопросы, собственно, могли относиться к вещественному факту: писал ли человек, или нет такие строки. Комиссия сочла нужным прибавлять к каждой выписанной фразе: "Как вы объясняете следующее место вашего письма?"

Разумеется, объяснять было нечего, я писал уклончивые и пустые фразы в ответ. В одном месте аудитор открыл фразу: "Все конституционные хартии ни к чему не ведут, это контракты между господином и рабами; задача не в том, чтобы рабам было лучше, но чтобы не было рабов". Когда мне пришлось объяснять эту фразу, я заметил, что я не вижу никакой обязанности защищать конституционное правительство и что, если бы я его защищал, меня в этом обвинили бы.

- На конституционную форму можно нападать с двух сторон, - заметил своим нервным, шипящим голосом Голицын junior, - вы не с монархической точки зрения падаете, а то вы не говорили бы о рабах.

- В этом отношении я делю ошибку с императрицей Екатериной Второй, которая не велела своим подданным зваться рабами.

Голицын junior, задыхаясь от злобы за этот иронический ответ, сказал мне:

- Вы, верно, думаете, что мы здесь собираемся для того, чтобы вести схоластические споры, что вы в университете защищаете диссертацию?
- Зачем же вы требуете объяснений?
- Вы делаете вид, будто не понимаете, чего от вас хотят?
- Не понимаю. (211)
- Какая у них у всех упорность, - прибавил председатель Голицын senior, пожал плечами и взглянул на жандармского полковника Шубинского. Я улыбнулся, Точно Огарев, - довершил добреийший председатель.

Сделалась пауза. Комиссия собиралась в библиотеке князя Сергея Михайловича, я обернулся к шкафам и стал смотреть книги. Между прочим, тут стояло многотомное издание записок герцога Сен-Симона.

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Вот, - сказал я, обращаясь к председателю, - какая несправедливость! я под следствием за сен-симонизм, а у вас, князь, томов двадцать его сочинений!

Так как добряк отродясь ничего не читал, то он и не нашелся, что отвечать. Но Голицын *јип*, взглянул на меня глазами ехидны и спросил:

- Что, вы не видите, что ли, что это - записки герцога Сен-Симона, который был при Людовике Четырнадцатом?

Председатель улыбнулся, сделал мне знак головой, выражавший: "что, брат, обмишируился?", и сказал:

- Ступайте.

Когда я был в дверях, председатель спросил:

- Ведь это он писал о Петре Первом вот что вы мне показывали?

- Он, - отвечал Шубинский. Я приостановился.

- На *des moyens*¹⁴, - заметил председатель.

- Тем хуже. Яд в ловких руках опаснее, - прибавил инквизитор, - превредный и совершенно неисправимый молодой человек...

Приговор мой лежал в этих словах.

А propos к Сен-Симону. Когда полицмейстер брал бумаги и книги у Огарева, он отложил том истории французской революции Тьера, потом нашел другой.... третий... восьмой. Наконец, он не вытерпел и сказал: "Господи! какое количество революционных книг... И вот еще", - прибавил он, отдавая квартальному речь Кювье "Sur les révoltes du globe terrestre".

другой порядок вопросов был запутаннее. В них употреблялись разные полицейские уловки и следственные шалости, чтобы сбить, запутать, натянуть противоречие. Тут делались намеки на показание других и раз(212)ные нравственные пытки. Рассказывать их не стоит, довольно сказать, что между нами четырьмя, при всех своих уловках, они не могли натянуть ни одной очной ставки.

Получив последний вопрос, я сидел один в небольшой комнате, где мы писали. Вдруг отворилась дверь и взошел Голицын *јип*. с печальным и озабоченным видом.

- Я, - сказал он, - пришел поговорить с вами перед окончанием ваших показаний. Давнишняя связь моего покойного отца с вашим заставляет меня принимать в вас особенное участие. Вы молоды и можете еще сделать карьеру; для этого вам надо выпутаться из дела... а это зависит, по счастию, от вас. Ваш отец очень принял к сердцу ваш арест и живет теперь надеждой, что вас выпустят; мы с князем Сергием Михайловичем сейчас говорили об этом и искренно готовы многое сделать; дайте нам средства помочь.

Я видел, куда шла его речь - кровь у меня бросилась в голову - я с досадой грыз перо.

Он продолжал:

- Вы идете прямо под белый ремень или в казематы, по дороге вы убьете отца, он дня не переживет, увидев вас в серой шинели.

Я хотел что-то сказать, но он перервал мои слова.

- Я знаю, что вы хотите сказать. Потерпите немного. Что у вас были замыслы против правительства, это очевидно. Для того чтобы обратить на вас монаршую милость - нам надобны доказательства вашего раскаяния. Вы запираетесь во всем, уклоняетесь от ответов и из ложного чувства чести бережете людей, о которых мы знаем больше, чем вы, и которые не были так скромны, как вы¹⁵; вы им не поможете, а они вас стащат с собой в пропасть. Напишите письмо в комиссию, просто, откровенно скажите, что вы чувствуете свою вину, что вы были увлечены по молодости лет, назовите несчастных заблудших людей, которые вовлекли вас...

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Хотите ли вы этой легкой ценой искупить вашу будущность? - и жизнь вашего отца?

- Я ничего не знаю и не прибавлю к моим показаниям ни слова, - ответил я.

Голицын встал и сказал сухим голосом: (213)

- А, так вы не хотите, - не наша вина!

Этим заключились допросы.

В январе или феврале 1835 года я был в последний раз в комиссии. Меня призвали перечитать мои ответы, добавить, если хочу, и подписать. Один Шубинский был налицо. Окончив чтение, я сказал ему:

- Хотелось бы мне знать, в чем можно обвинить человека по этим вопросам и по этим ответам? Под какую статью Свода вы подведете меня?

- Свод законов назначен для преступлений другого рода, - заметил голубой полковник.

- Это дело иное. Перечитывая все эти литературные упражнения, я не могу поверить, что в этом-то все дело, по которому я сижу в тюрьме седьмой месяц.

- Да вы в самом деле воображаете, - возразил Шубинский, - что мы так и поверили вам, что у вас не составлялось тайного общества?

- Где же это общество? - спросил я.

- Ваше счастье, что следов не нашли, что вы не успели ничего наделать. Мы вовремя вас остановили, то есть, просто сказать, мы спасли вас.

Опять история слесарши Пошлепкиной и ее мужа в "Ревизоре".

Когда я подписал, Шубинский позвонил и велел позвать священника. Священник взошел и подписал под моей подписью, что все показания мною сделаны были добровольно и без всякого насилия. Само собою разумеется, что он не был при допросах и что даже не спросил меня из приличия, как и что было (а это опять мой добросовестный за воротами!).

По окончании следствия тюремное заключение несколько ослабили. Близкие родные могли доставать в ордонансгаузе дозволение видеться. Так прошли еще два месяца.

В половине марта приговор наш был утвержден; никто не знал его содержания; одни говорили, что нас посыпают на Кавказ, другие - что нас свезут в Бобруйск, третьи надеялись, что всех выпустят (таково было мнение Стаала, посланное им особо Государю; он предлагал вменить нам тюремное заключение в наказание).

Наконец нас собирали всех двадцатого марта к князю Голицыну для слушания приговора. Это был праздником праздник. Тут мы увиделись в первый раз после ареста. (214)

Шумно, весело, обнимаясь и пожимая друг другу руки, Стояли мы, окруженные цепью жандармских и гарнизонных офицеров. Свидание одушевило всех; расспросам, анекдотам не было конца.

Соколовский был налицо, несколько похудевший и бледный, но во всем блеске своего юмора.

Соколовский, автор "Мироздания", "Хевери" и других довольно хороших стихотворений, имел от природы большой поэтический талант, но не довольно дико самобытный, чтоб обойтись без развития, и не довольно образованный, чтоб развиться. Милый гуляка, поэт в жизни, он вовсе не был политическим человеком. Он был очень забавен, любезен, веселый товарищ в веселые минуты, *bon vivant*¹⁶, любивший покутить - как мы все... может, немного больше.

Попавшись невзначай с оргий в тюрьму, Соколовский превосходно себя вел, он вырос в остроге. Аудитор комиссии, педант, пietist, сыщик, похудевший, поседевший в зависти, стяжании и ябедах, спросил Соколовского, не смея из преданности к

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru престолу и религии понимать грамматического смысла последних двух стихов:

- К кому относятся дерзкие слова в конце песни?
- Будьте уверены, - сказал Соколовский, - что не к государю, и особенно обращаю ваше внимание на эту облегчающую причину.

Аудитор пожал плечами, возвел глаза горе и, долго молча посмотрев на Соколовского, понюхал табаку.

Соколовского схватили в Петербурге и, не сказавши, куда его повезут, отправили в Москву. Подобные шутки полиция у нас делает часто и совершенно бесполезно. Это ее поэзия. Нет на свете такого прозаического, такого отвратительного занятия, которое бы не имело своей артистической потребности, ненужной роскоши, украшений. Соколовского привезли прямо в острог и посадили в какой-то темный чулан. Почему его посадили в острог, когда нас содержали по казармам?

У него было с собой две-три рубашки и больше ничего. В Англии всякого колодника, приводимого в тюрьму, тотчас по приходе сажают в ванну, у нас берут предварительные меры против чистоты. (215)

Если б доктор Гааз не прислал Соколовскому связку своего белья, он зарос бы в грязи.

Доктор Гааз был преоригинальный чудак. Память об этом юродивом и поврежденном не должна заглохнуть в лебеде официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде гниения тела.

Старый, худощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался только что вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия. В этом grand gala¹⁷ похорон и свадьб и в приятном климате 59° северной широты Гааз ездил каждую неделю в этап на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств - греческих орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боящихся благотворением сделать удовольствие, боящихся больше благотворить, чем нужно, чтоб спасти от голодной смерти и трескучих морозов.

Но Гааз был несговорчив и, кротко выслушивая упреки за "глупое баловство преступниц", потирал себе руки и говорил: "Извольте видеть, милостивый сударинь, кусок клеба, крош им всякой дает, а конфекту или апфельзину долго они не увидят, этого им никто не дает, это я могу консервировать¹⁸ из ваших слов; потому я и делаю им это удовольствие, что оно долго не повторится".

Гааз жил в больнице. Приходит к нему перед обедом какой-то больной посоветоваться. Гааз осмотрел его и пошел в кабинет что-то прописать. Возвратившись, он не нашел ни больного, ни серебряных приборов, лежавших на столе. Гааз позвал сторожа и спросил, не входил ли кто, кроме больного? Сторож смекнул дело, бросился вон и через минуту возвратился с ложками и пациентом, которого он остановил с помощью другого больничного солдата. Мошенник бросился в ноги доктору и просил помилования. Гааз сконфузился. (216)

- Сходи за квартальным, - сказал он одному из сторожей. - А ты позови сейчас писаря.

Сторожа, довольные открытием, победой и вообще участием в деле, бросились вон, а Гааз, пользуясь их отсутствием, сказал вору:

- Ты фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть, бог тебя рассудит... а теперь беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... да постой, может, у тебя нет ни гроша, - вот полтинник; но старайся исправить свою душу - от бога не уйдешь, как от будочника!

Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый доктор толковал свое:

- Воровство - большой порок; но я знаю полицию, я знаю, как они истязают будут

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru допрашивать, будут сечь; подвергнуть ближнего розгам гораздо больший порок; да и почем знать - может, мой поступок тронет его душу!

Домочадцы качали головой и говорили: "Er hat einen Raptus"¹⁹; благотворительные, дамы говорили: "C'est un brave homme, mais ce n'est pas tout a fait en regie"²⁰, и они указывали на лоб. А Гааз потирал руки и делал свое.

...Едва Соколовский кончил свои анекдоты, как несколько других разом начали свои; точно все мы возвратились после долгого путешествия, расспросам, шуткам, остротам не было конца.

Физически Сатин пострадал больше других, он был худ и лишился части волос. Узнав в Тамбовской губернии, в деревне у своей матери, что нас схватили, он сам поехал в Москву, чтобы приезд жандармов не испугал мать, простудился на дороге и приехал домой в Горячке. Полиция его застала в постели, вести в часть было невозможно. Его арестовали дома, поставили у дверей спальной с внутренней стороны полицейского солдата и братом милосердия посадили у постели больного квартального надзирателя; так что, приходя в себя после бреда, он встречал слушающий взгляд одного или испитую рожу другого.

В начале зимы его перевезли в Лефортовский госпиталь; оказалось, что в больнице не было ни одной пустой секретной арестантской комнаты; за такой безделицей (217) останавливаться не стоило: нашелся какой-то отгороженный угол без печи, - положили больного в эту южную веранду и поставили к нему часового. Какова была температура зимой в каменном чулане, можно понять из того, что часовой ночью до того изнемог от стужи, что пошел в коридор погреться к печи, прося Сатина не говорить об этом дежурному.

Тропическое помещение показалось самим властям госпиталя, в такой близости к полюсу, невозможным; Сатина перевели в комнату, возле которой оттирали замерзлых.

Не успели мы пересказать и переслушать половину похождений, как вдруг адъютанты засуетились, гарнизонные офицеры вытянулись, квартальные оправились; дверь отворилась торжественно - и маленький князь Сергей Михайлович Голицын взошел en grande tenue²¹, лента через плечо; Цынский в свитском мундире, даже аудитор Оранский надел какой-то светло-зеленый статско-военный мундир для такой радости. Комендант, разумеется, не приехал.

Шум и смех между тем до того возрастали, что аудитор грозно вышел в залу и заметил, что громкий разговор и особенно смех показывают пагубное неуважение к высочайшей воле, которую мы должны услышать.

Двери растворились. Офицеры разделили нас на три отдела: в первом были: Соколовский, живописец Уткин и офицер Ибаев; во втором были мы; в третьем tutti trutti²².

Приговор прочли особо первой категории - он был ужасен: обвиненные в оскорблении величества, они ссылались в Шлюссельбург на бессрочное время.

Все трое выслушали геройски этот дикий приговор.

Когда Оранский, мямя для важности, с расстановкой читал, что за оскорбление величества и августейшей фамилии следует то и то... Соколовский ему заметил:

- Ну, фамильи-то я никогда не оскорблял.

У него в бумагах, сверх стихов, нашли шутя несколько раз писанные под руку великого князя Михаила Павловича резолюции с намеренными орфографическими ошибками, например: "утверждаю", "переговорить", "доло(218)жить мне" и проч., и эти ошибки способствовали к обвинению его.

Цынский, чтоб показать, что и он может быть развязным и любезным человеком, сказал Соколовскому после сентенции:

- А вы прежде в Шлюссельбурге бывали?

- В прошлом году, - отвечал ему тотчас Соколовский, - точно сердце чувствовало,

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
я там выпил бутылку мадеры.

Через два года Уткин умер в каземате. Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ, он умер в Пятигорске. Какой-то остаток стыда и совести заставил правительство после смерти двоих перевести третьего в Пермь. Ибаев умер по-своему: он сделался мистиком.

Уткин, "вольный художник, содержащийся в остроге", как он подписывался под допросами, был человек лет сорока; он никогда не участвовал ни в каком политическом деле, но, благородный и порывистый, он давал волю языку в комиссии, был резок и груб с членами. Его за это уморили в сыром каземате, в котором вода текла со стен.

Ибаев был виноватее других только эполетами. Не будь он офицер, его никогда бы так не наказали. Человек этот попал на какую-то пирюшку, вероятно, пил и пел, как все прочие, но наверное не более и не громче других.

Пришел наш черед. Оранский протер очки, откашлянулся и принял благоговейно возвещать высочайшую волю. В ней было изображено: что государь, рассмотрев доклад комиссии и взяв в особенное внимание молодые, лeta преступников, повелел под суд нас не отдавать, а объявить нам, что по закону следовало бы нас, как людей, уличенных в оскорблении величества пением возмутительных песен, - лишить жизни; а в силу других законов сослать на вечную каторжную работу. Вместо чего государь, в беспредельном милосердии своем, большую часть виновных прощает, оставляя их на месте жительства под надзором полиции. Более же виноватых повелевает подвергнуть исправительным мерам, состоящим в отправлении их на бессрочное время в дальние губернии на гражданскую службу и под надзор местного начальства.

Этих более виновных нашлось шестеро: Огарев, Сатин, Лахтин, Оболенский, Сорокин и я. Я назначался в Пермь. В числе осужденных был Лахтин, который вовсе не был арестован. Когда его позвали в комиссию слушать (219) сенкцию, он думал, что это для страха, для того чтобы он казнился, глядя, как других наказывают. Рассказывали, что кто-то из близких князя Голицына, сердясь на его жену, удружила ему этим сюрпризом. Слабый здоровьем, он года через три умер в ссылке.

Когда Оранский окончил чтение, выступил полковник Шубинский. Он отборными словами и ломоносовским слогом объявил нам, что мы обязаны предстательству того благородного вельможи, который председательствовал в комиссии, что государь был так милосерд.

Шубинский ждал, что при этом слове все примутся благодарить князя; но вышло не так.

Несколько из прощенных кивнули головой, да и то украдкой глядя на нас.

Мы стояли, сложа руки, никак не показывая вида, что сердце наше тронуто царской и княжеской милостью.

Тогда Шубинский выдумал другую уловку и, обращаясь к Огареву, сказал:

- Вы едете в Пензу, неужели вы думаете, что это случайно? В Пензе лежит в параличе ваш отец, князь просил государя вам назначить этот город для того, чтобы ваше присутствие сколько-нибудь ему облегчило удар вашей ссылки. Неужели и вы не находите причины благодарить князя?

Добренькому старику это понравилось, и он, не знаю почему, вслед за тем позвал меня. Я вышел вперед с святейшим намерением, что бы он и Шубинский ни говорили, не благодарить; к тому же меня посыпали дальше всех и в самый скверный город.

- А вы едете в Пермь, - сказал князь. Я молчал. Князь срезался и, чтобы что-нибудь сказать, прибавил:

- У меня там есть имение.

- Вам угодно что-нибудь поручить через меня вашему старосте? - спросил я

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru улыбаясь.

- Я таким людям, как вы, ничего не поручаю - карбонариям, - добавил находчивый князь.

- Что же вы желаете от меня?

- Ничего.

- Мне показалось, что вы меня позвали.

- Вы можете идти, - перервал Шубинский. (220)

- Позвольте, - возразил я, - благо я здесь, вам напомнить, что вы, полковник, мне говорили, когда я был в последний раз в комиссии, что меня никто не обвиняет в деле праздника, а в приговоре сказано, что я один из виновных по этому делу. Тут какая-нибудь ошибка.

- Вы хотите возражать на высочайшее решение? - заметил Шубинский. Смотрите, как бы Пермь не переменилась на что-нибудь худшее. Я ваши слова велю записать.

- Я об этом хотел просить. В приговоре сказано: по докладу комиссии, я возражаю на ваш доклад, а не на высочайшую волю. Я шлюсь на князя, что мне не было даже вопроса ни о празднике, ни о каких песнях.

- Как будто вы не знаете, - сказал Шубинский, начинавший бледнеть от злобы, - что ваша вина вдесятеро больше тех, которые были на празднике. Вот, он указал пальцем на одного из прощенных, - вот он под пьяную руку спел мерзость, да после на коленках со слезами просил прощения. Ну, вы еще от всякого раскаяния далеки.

Господин, на которого указал полковник, промолчал и. понурил голову, побагровев в лице... Урок был хороший. Вот и делай после подлости...

- Позвольте, не о том речь, - продолжал я, - велика ли моя вина, или нет; но если я убийца, я не хочу, чтоб меня считали вором. Я не хочу, чтоб обо мне, даже оправдывая меня, сказали, что я то-то наделал "под пьяную руку", как вы сейчас выразились.

- Если б у меня был сын, родной сын, с такой закоснелостью, я бы сам попросил государя сослать его в Сибирь.

Тут обер-полицмейстер вмешался в разговор какой-то бессвязный вздор. Жаль, что не было меньшего Голицына, вот был бы случай поораторствовать.

Все это, разумеется, окончилось ничем.

Лахтин подошел к князю Голицыну и просил отложить отъезд.

- Моя жена беременна, - сказал он.

- В этом я не виноват, - отвечал Голицын.

Зверь, бешеная собака, когда кусается, делает серьезный вид, поджимает хвост, а этот юродивый вельможа, аристократ, да притом с славой доброго человека... не постыдился этой подлой шутки. (221)

...Мы остановились еще раз на четверть часа в зале, вопреки ревностным увершениям жандармских и полицейских офицеров, крепко обнялись мы друг с другом и простились надолго. Кроме Оболенского, я никого не видел до возвращения из Вятки.

Отъезд был перед нами.

Тюрьма продолжала еще прошлую жизнь; но с отъездом в глушь она обрывалась.

Юношеское существование в нашем дружеском кружке оканчивалось.

Ссылка продолжится наверное несколько лет. Где и как встретимся мы, и встретимся

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
ли?..

Жаль было прежней жизни, и так круто приходилось ее оставить... не простясь.
Видеть Огарева я не имел надежды. Двое из друзей добрались ко мне в последние
дни, но этого мне было мало.

Еще бы раз увидеть мою юную утешительницу, пожать ей руку, как я пожал ей на
кладбище... В ее лице хотел я проститься с былым и встретиться с будущим...

Мы увиделись на несколько минут 9 апреля 1835 года, накануне моего отправления в
ссылку.

Долго святил я этот день в. моей памяти, это одно из счастливейших мгновений в
моей жизни.

...Зачем же воспоминание об этом дне и обо всех светлых днях моего былого
напоминают так много страшного?.. Могилу, венок из темно-красных роз, двух
детей, которых я держал за руки, факелы, толпу изгнаников, месяц, теплое море
под горой, речь, которую я не понимал и которая резала мое сердце...

Все прошло!

ГЛАВА XIII

Ссылка. - Городничий. - Волга. - Пермь.

Утром 10 апреля жандармский офицер привез меня в дом генерал-губернатора. Там, в
секретном отделении канцелярии, позволено было родственникам проститься со мною.

Разумеется, все это было неловко и щемило душу - шныряющие шпионы, писаря,
чтение инструкции жандарму, который должен был меня везти, невозможность (222)
сказать что-нибудь без свидетелей, - словом, оскорбительнее и печальнее
обстановки нельзя было придумать.

Я вздохну?!, когда коляска покатилась, наконец, по Владимирке.

Per me si va nella citta dolente;

Per me si va nel eterno dolore...23

На станции где-то я написал эти два стиха, которые равно хорошо идут к
предверию ада и к сибирскому тракту.

В семи верстах от Москвы есть трактир, называемый "Перовым". Там меня обещался
ждать один из близких друзей. Я предложил жандарму выпить водки, он согласился;
от городу было далеко. Мы взошли, но приятеля там не было. Я мешкал в трактире
всеми способами, жандарм не хотел больше ждать, ямщик трогал коней - вдруг
несется тройка и прямо к трактиру, я бросился к двери... двое незнакомых
гуляющих купеческих сынков шумно слезали с телеги. Я посмотрел вдаль - ни одной
движущейся точки, ни одного человека не было видно на дороге к Москве... Горько
было садиться и ехать. Я дал двугривенный ямщику, и мы понеслись, как из лука
стрела.

Мы ехали, не останавливаясь; жандарму велено было делать не менее двухсот верст
в сутки. Это было бы сносно, но только не в начале апреля. Дорога местами была
покрыта льдом, местами водой и грязью; притом, подвигаясь к Сибири, она
становилась хуже и хуже с каждой станцией:

Первый путевой анекдот был в Покрове.

Мы потеряли несколько часов за льдом, который шел по реке, прерывая все сношения
с другим берегом. Жандарм торопился; вдруг станционный смотритель в Покрове
объявляет, что лошадей нет. Жандарм показывает, что в подорожной сказано: давать
из курьерских, если нет почтовых. Смотритель отзыается, что лошади взяты под
товарища министра внутренних дел. Как разумеется, жандарм стал спорить, шуметь;
смотритель побежал доставать обывательских лошадей. Жандарм отправился с ним.

Надоело мне дожидаться их в нечистой комнате станционного смотрителя. Я вышел за
Страница 26

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru ворота и стал ходить (223) перед домом. Это была первая прогулка без солдата после девятимесечного заключения.

Я ходил с полчаса, как вдруг повстречался мне человек в мундирном сертуке без эполет и с голубым pour le mérite²⁴ на шее. Он с чрезвычайной настойчивостью посмотрел на меня, прошел, тотчас возвратился и с дерзким видом спросил меня:

- Вас везет жандарм в Пермь?
- Меня, - отвечал я, не останавливаясь.
- Позвольте, позвольте, да как же он смеет...
- С кем я имею честь говорить?
- Я здешний городничий, - ответил незнакомец голосом, в котором звучало глубокое сознание высоты такого общественного положения. - Прошу покорно, я с часу на час жду товарища министра, - а тут политические арестанты по улицам прогуливаются. Да что же это за осел жандарм!
- Не угодно ли вам адресоваться к самому жандарму?
- Не адресоваться, - а я его арестую, я ему велю влепить сто палок, а вас отправлю с полицейским.

Я кивнул ему головой, не дожидаясь окончания речи, и быстрыми шагами пошел в станционный дом. В окно мне было слышно, как он горячился с жандармом, как грозил ему. Жандарм извинялся, но, кажется, мало был испуган. Минуты через три они взошли оба, я сидел, обернувшись к окну, и не смотрел на них.

Из вопросов городничего жандарму я тотчас увидел, что он снедаем желанием узнать, за какое дело, почему и как я сослан. Я упорно молчал. Городничий начал безличную речь между мною и жандармом:

- В наше положение никто не хочет взойти. Что, мне весело, что ли, браниться с солдатом или делать неприятности человеку, которого я отродясь не видал? Ответственность! городничий - хозяин города. Что бы ни было, отвечай; казначейство обокрадут - виноват; церковь сгорела - виноват; пьяных много на улице - виноват; вина мало пьют - тоже виноват (последнее замечание ему очень понравилось, и он продолжал более веселым тоном); хорошо, вы меня встретили, ну, встретили бы ministra, да тоже бы эдак мимо, а тот спросил бы: "Как, политический арестант гуляет? - городничего под суд..." (224)

Мне, наконец, надоело его красноречие, и я, обращаясь к нему, сказал:

- Делайте все, что вам приказывает служба, но я вас прошу избавить меня от поучений. Из ваших слов я вижу, что вы ждали, чтоб я вам поклонился. Я не имею привычки кланяться незнакомым.

Городничий сконфузился.

"У нас всё так, - говорил А. А., - кто первый даст острастку, начнет кричать, тот и одержит верх. Если, говоря с начальником, вы ему позволите поднять голос, вы пропали: услышав себя кричащим, он сделается дикий зверь. Если же при первом грубом слове вы закричали, он непременно испугается и уступит, думая, что вы с характером и что таких людей не надобно дразнить".

Городничий устал жандарма спросить, что лошади, и, обращаясь ко мне, заметил вроде извинения:

- Я это больше для солдата и сделал, вы не знаете, что такое наш солдат ни малейшего попущения не следует допускать, но поверьте, я умею различать людей - позвольте вас спросить, какой несчастный случай...
- По окончании дела нам запретили рассказывать.
- В таком случае... конечно... я не смею... - и взгляд городничего выразил муку любопытства. Он помолчал. - У меня был родственник дальний, он сидел с год в

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Петропавловской крепости; знаете, тоже, сношения - позвольте, у меня это на
душе, вы, кажется, все еще сердитесь? Я человек военный, строгий, привык; по
семнадцатому году поступил в полк, у меня нрав горячий, но через минуту все
прошло. Я вашего жандарма оставлю в покое, черт с ним совсем...

Жандарм взошел с докладом, что ранее часа лошадей нельзя пригнать с выгона.

Городничий объявил ему, что он прощает его по моему ходатайству; потом,
обращаясь ко мне, прибавил:

- И вы уж не откажите в моей просьбе и в доказательство, что не сердитесь - я
живу через два дома отсюда - позвольте вас просить позавтракать чем бог послал.

Это было так смешно после нашей встречи, что я пошел к городничему и ел его
бальк и его икру и пил его водку и мадеру.

Он до того разлюбезничался, что рассказал мне все свои семейные дела, даже
семилетнюю болезнь жены. (225) После завтрака он с гордым удовольствием взял с
вазы, стоявшей на столе, письмо и дал мне прочесть "стихотворение" его сына,
удостоенное публичного чтения на экзамене в кадетском корпусе. Одолжив меня
такими знаками несомненного доверия, он ловко перешел к вопросу, косвенно
поставленному, о моем деле. На этот раз я долею удовлетворил городничего.

Городничий этот напомнил мне того секретаря уездного суда, о котором рассказывал
наш Щепкин. "Девять исправников переменились, а секретарь остался бессменно и
управлял по-прежнему уездом. "Как это вы ладите со всеми?" - спросил его Щепкин.
"Ничего-с, с божией помощью обходимся кой-как. Иной, точно, сначала такой
сердитый, бьет передними и задними ногами, кричит, ругается, и в отставку,
говорит, выгоню и в губернию, говорит, отпишу - ну, знаете, наше дело
подчиненное, смолчишь и думаешь: дай срок, надорвется еще! так это - еще первая
упряжка. И действительно, глядишь - куда потом в езде хорош..."

...Когда мы подъехали к Казани, Волга была во всем блеске весеннего разлива;
целую станцию от Услона до Казани надобно было плыть на дощанике, река
разливалась верст на пятнадцать или больше. День был ненастный. Перевоз
остановился, множество телег и всяких повозок ждали на берегу.

Жандарм пошел к смотрителю и требовал дощаника. Смотритель давал его нехотя,
говорил, что, впрочем, лучше обождать, что неровен час. Жандарм торопился,
потому что был пьян, потому что хотел показать свою власть.

Уставили мою коляску на небольшом дощанике, и мы поплыли. Погода, казалось,
утихла; татарин через полчаса поднял парус, как вдруг утихавшая буря снова
усилилась. Нас понесло с такой силой, что, нагнав какое-то бревно,, мы так в
него стукнулись, что дрянной порой проломился, и вода разлилась по палубе.
Положение было неприятное; впрочем, татарин сумел направить дощаник на мель.

Купеческая барка прошла в виду, мы ей кричали, просили прислать лодку; бурлаки
слушали и проплыли, не сделав ничего.

Крестьянин подъехал на небольшой комяге с женой, спросил нас, в чем дело, и,
заметив: "Ну, что же? Ну, заткнуть дыру, да, благословясь, и в путь. Что тут
киснуть? (226) ты вот для того, что татарин, так ничего и не умеешь сделать", -
взошел на дощаник.

Татарин в самом деле был очень встревожен. Во-первых, когда вода залила спящего
жандарма, тот вскочил и тотчас начал бить татарина. Во-вторых, дощаник был
казенный, и татарин повторял:

- Ну, вот потонет, что мне будет! что мне будет! Я его утешал, говоря, что и он
тогда с дощаником потонет.

- Хорошо, бачька, коли потону, а как нет? - отвечал он.

Мужик и работники заткнули дыру всячиной; мужик постучал топором, прибил
какую-то дощечку; потом, по пояс в воде, помог другим сташить дощаник с мели, и
мы скоро вплыли в русло Волги. Река несла свирепо. Ветер и дождь со снегом секли
лицо, холод проникал до костей, но вскоре стал вырезываться из-за тумана и

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru потоков воды памятник Иоанна Грэзного. Казалось, опасность прошла, как вдруг татарин жалобным голосом закричал: "Тече, тече!" - и действительно, вода с силой вливалась в заткнутую дыру. Мы были на самом стражне реки, дощаник двигался тише и тише, можно было предвидеть, когда он совсем погрузнет. Татарин снял шапку и молился. Мой камердинер, растерянный, плакал и говорил: "Прощай, моя матушка, не увижу я с тобой больше". Жандарм бранился и обещался на берегу всех исколотить.

Сначала и мне было жутко, к тому же ветер с дождем прибавлял какой-то беспорядок, смятение. Но мысль, что это нелепо, чтоб я мог погибнуть, ничего не сделав, это юношеское *quid timeas? Caesarem vehis!*²⁵ взяло верх, и я спокойно ждал конца, уверенный, что не погибну между Услоном и Казанью. Жизнь впоследствии отучает от гордой веры, наказывает за нее; оттого-то юность и отважна и полна героизма, а в летах человек осторожен и редко увлекается.

...через четверть часа мы были на берегу подле стен казанского кремля, передрогнувшие и вымоченные. Я взошел в первый кабак, выпил стакан пенного вина, закусил печеным яйцом и отправился в почтамт. (227)

В деревнях и маленьких городках у станционных смотрителей есть комната для проезжих. В больших городах все останавливаются в гостиницах, и у смотрителей нет ничего для проезжающих. Меня привели в почтовую канцелярию. Станционный смотритель показал мне свою комнату; в ней были дети и женщины, большой старик не сходил с постели, - мне решительно не было угла переодеться. Я написал письмо к жандармскому генералу и просил его отвести комнату где-нибудь, для того чтобы обогреться и высушить платье.

Через час времени жандарм воротился и сказал, что граф Апраксин велел отвести комнату. Подождал я часа два, никто не приходил, и я опять отправил жандарма. Он пришел с ответом, что полковник Поль, которому генерал приказал отвести мне квартиру, в дворянском клубе играет в карты и что квартиры до завтра отвести нельзя.

Это было варварство, и я написал второе письмо к графу Апраксину, прося меня немедленно отправить, говоря, что я на следующей станции могу найти приют. Граф изволил почивать, и письмо осталось до утра. Нечего было делать; я снял мокре платье и лег на столе почтовой конторы, завернувшись в шинель "старшого", вместо подушки я взял толстую книгу и положил на нее немного белья.

Утром я послал принести себе завтрак. Чиновники уже собирались. Экзекутор ставил мне на вид, что, в сущности, завтракать в присутственном месте не хорошо, что ему лично это все равно, но что почтмейстеру это может не понравиться.

Я шутя говорил ему, что выгнать можно только того, кто имеет право выйти, а кто не имеет его, тому поневоле приходится есть и пить там, где он задержан...

На другой день граф Апраксин разрешил мне оставаться до трех дней в Казани и остановиться в гостинице.

Три дня эти я бродил с жандармом по городу. Татарки с покрытыми лицами, скучающие мужья их, правоверные мечети рядом с православными церквами, все это напоминает Азию и Восток. В Владимире, Нижнем - подозревается близость к Москве, здесь - даль от нее.

...В Перми меня привезли прямо к губернатору. У него был большой съезд, в этот день венчали его дочь с каким-то офицером. Он требовал, чтоб я взошел, и я должен был представиться всему пермскому обществу в замаранном дорожном архалуке, в грязи и пыли. Губернатор, потолко⁽²²⁸⁾вав всякий вздор, запретил мне знакомиться с сосланными поляками и велел на днях прийти к нему, говоря, что он тогда същет мне занятие в канцелярии.

Губернатор этот был из малороссиян, сосланных не тесnil и вообще был человек смиренный. Он как-то втихомолку улучшал свое состояние, как крот где-то под землею, незаметно, он прибавлял зерно к зерну и отложил-таки малую толику на черные дни.

Для какого-то непонятного контроля и порядка он приказывал всем сосланным на житье в Пермь являться к себе в десять часов утра по субботам. Он выходил с

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru трубкой и с листом, поверял, все ли налицо, а если кого не было, посыпал квартального узнавать о причине, ничего почти ни с кем не говорил и отпускал. Таким образом я в его зале перезнакомился со всеми поляками, с которыми он предупреждал, чтоб я не был знаком.

На другой день после моего приезда уехал жандарм, и я впервые после ареста очутился на воле.

На воле... в маленьком городе на сибирской границе, без малейшей опытности, не имея понятия о среде, в которой мне надобно было жить.

Из детской я перешел в аудиторию, из аудитории - в дружеский кружок, теории, мечты, свои люди, никаких деловых отношений. Потом тюрьма, чтоб дать всему осесться. Практическое соприкосновение с жизнью начиналось тут - возле Уральского хребта.

Она тотчас заявила себя; на другой день после приезда я пошел с сторожем губернаторской канцелярии искать квартиру, он меня привел в большой одноэтажный дом. Сколько я ему ни толковал, что я ищу дом очень маленький и, еще лучше, часть дома, он упорно требовал, чтоб я взошел.

Хозяйка усадила меня на диван, узнав, что я из Москвы, спросила - видел ли я в Москве г. Кабрита? Я ей сказал, что никогда и фамилии подобной не слыхал.

- Что ты это, - заметила старушка. - Кабрит-то? - и она назвала его по имени и по отчеству. - Помилуй, батюшка, он у нас вист-то губернатором.

- Да я девять месяцев в тюрьме сидел, может, потому не слыхал, - сказал я, улыбаясь.

- Пожалуй, что и так. Так ты, батюшка, домик нанимаешь?

- Велик, больно велик, я служивому-то говорил. (229)

- Лишнее добро за плечами не висит,

- Оно так, но за лишнее добро вы попросите и денег побольше.

- Ах, отец родной, да кто же это тебе о моих ценах говорил, я и не молвила еще.

- Да я понимаю, что нельзя дешево взять за такой дом.

- Даешь-то ты сколько?

Чтоб отделаться от нее, я сказал, что больше трехсот" пятидесяти рублей (ассигнациями) не дам.

- Ну, и на том спасибо, вели-ка, голубчик мой, чемоданчики-то перенести да выпей тенериifu рюмочку.

Цена ее мне показалась баснословно дешевой, я взял дом, и, когда совсем собрался идти, она меня остановила.,

- Забыла тебя спросить, а что, коровку свою станешь держать?

- Нет, помилуйте, - отвечал я, до оскорблении пораженный ее вопросом.

- Ну, так я буду тебе сливочек приносить.

Я пошел домой, думая с ужасом, где я и что я, что меня заподозрили в возможности держать свою коровку.

Но я еще не успел обглядеться, как губернатор мне объявил, что я переведен в Вятку, потому что другой сосланный, назначенный в Вятку, просил его перевести в Пермь, где у него были родственники. Губернатор хотел, чтоб я ехал на другой же день. Это было невозможно; думая остаться несколько времени в Перми, я накупил всякой всячины, надобно было продать хоть за полцены. После разных уклончивых ответов губернатор разрешил мне остаться двое суток, взяв слово, что я не буду

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
искать случая увидеться с другим сосланным.

Я собирался на другой день продать лошадь и всякую дрянь, как вдруг явился полицмейстер с приказом выехать в продолжение двадцати четырех часов. Я объяснил ему, что губернатор дал мне отсрочку. Полицмейстер показал бумагу, в которой действительно было ему предписано выпроводить меня в двадцать четыре часа. Бумага была подписана в самый тот день, следовательно после разговора со мною.

- А, - сказал полицмейстер, - понимаю, понимаю это, наш герой-то хочет оставить дело на моей ответственности.

- Поедемте его уличать. (230)

- Поедемте!

Губернатор сказал, что он забыл разрешение, данное мне. Полицмейстер лукаво спросил, не прикажет ли он переписать бумагу.

- Стоит ли труда! - прибавил простодушно губернатор.

- Поймали, - сказал мне полицмейстер, потирая от удовольствия руки... чернильная душа!

Пермский полицмейстер принадлежал к особому типу военно-гражданских чиновников. Это люди, которым посчастливилось в военной службе как-нибудь наткнуться на штык или подвернуться под пулю, за это им даются преимущественно места городничих, экзекуторов.

В полку они привыкли к некоторым замашкам откровенности, затвердили разные сентенции о неприкосновенности чести, о благородстве, язвительные насмешки над писарями. Младшие из них читали Марлинского и Загоскина, знают на память начало "Кавказского пленника", "Войнаровского" и часто повторяют затверженные стихи. Например, иные говорят всякий раз, заставая человека курящим:

Янтарь в устах его дымился.

Все они без исключения глубоко и громко сознают, что их положение гораздо ниже их достоинства, что одна нужда может их держать в этом "чернильном мире", что если б не бедность и не раны, то они управляемы бы корпусами армии или были бы генерал-адъютантами. Каждый прибавляет поразительный пример кого-нибудь из прежних товарищей и говорит:

- Ведь вот - Крейц или Ридигер - в одном приказе в корнеты произведены были. Жили на одной квартире, - Петруша, Алеша - ну, я, видите, не немец, да и поддержки не было никакой - вот и сиди будочником. Вы думаете, легко благородному человеку с нашими понятиями занимать полицейскую должность?

Жены их еще более горюют и с стесненным сердцем возят в ломбард всякий год денежки класть, отправляясь в Москву под предлогом, что мать или тетка больна и хочет в последний раз видеть.

. И так они живут себе лет пятнадцать. Муж, жалуясь на судьбу, - сечет полицейских, бьет мещан, подличает перед губернатором, покрывает воров, крадет (231) документы и повторяет стихи из "Бахчисарайского фонтана". Жена, жалуясь на судьбу и на провинциальную жизнь, берет все на свете, грабит просителей, лавки и любит месячные ночи, которые называет "лунными".

Я потому остановился на этой характеристике, что сначала я был обманут этими господами, и в самом деле считал их несколько получше других; что вовсе не так...

Я увез из Перми одно личное воспоминание, которое дорого мне.

На одном из губернаторских смотров ссылальным меня пригласил к себе один ксендз. Я застал у него несколько поляков. Один из них сидел молча, задумчиво куря маленькую трубку; тоска, тоска безвыходная видна была в каждой черте. Он был сутуловат, даже кривобок, лицо его принадлежало к тому неправильному польско-литовскому типу, который удивляет сначала и привязывает потом; такие

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzen@alexander.ru
чертцы были у величайшего из поляков - у Фаддея Костюшки. Одежда Цехановича
свидетельствовала о страшной бедности.

Спустя несколько дней я гулял по пустынному бульвару, которым оканчивается в одну сторону Пермь; это было во вторую половину мая, молодой лист развертывался, березы цвели (помнится, вся аллея была березовая) , - и никем никого. Провинциалы наши не любят платонических гуляний. Долго бродя, я увидел наконец по другую сторону бульвара, то есть на поле, какого-то человека, гербаризированного или просто рвавшего однообразные и скучные цветы того края. Когда он поднял голову, я узнал Цехановича и подошел к нему.

Впоследствии я много видел мучеников польского дела; четыри-минеи польской борьбы чрезвычайно богаты, - Цеханович был первый. Когда он мне рассказал, как их преследовали заплечные мастера в генерал-адъютантских мундирах, эти кулаки, которыми дрался рассвирепелый деспот Зимнего дворца, - жалки показались мне тогда наши невзгоды, наша тюрьма и наше следствие.

В Вильне был в то время начальником, со стороны победоносного неприятеля, тот знаменитый ренегат Муравьев, который обессмертил себя историческим изречением, что "он принадлежит не к тем Муравьевым, которых вешают, а к тем, которые вешают". Для узкого мстительного взгляда Николая люди раздражительного (232) властолюбия и грубой беспощадности были всего пригоднее, по крайней мере всего симпатичнее.

Генералы, сидевшие в застенке и мучившие эмиссаров, их знакомых, знакомых их знакомых, обращались с арестантами, как мерзавцы, лишенные всякого воспитания, всякого чувства деликатности и притом очень хорошо знающие, что все их действия покрыты солдатской шинелью Николая, облитой и польской кровью мучеников и слезами польских матерей... Еще эта страстная неделя целого народа ждет своего Луки или Матфия... Но пусть они знают: один палач за другим будет выведен к позорному столбу истории и оставит там свое имя. Это будет портретная галерея николаевского времени в pendant галерее полководцев 1812 года.

Муравьев говорил арестантам "ты" и ругался площадными словами. Раз он до того разъярился, что подошел к Цехановичу и хотел его взять за грудь, а может, и ударить - встретил взгляд скованного арестанта, сконфузился и продолжал другим тоном.

Я догадывался, каков должен был быть этот взгляд; рассказывая мне года через три после события эту историю, глаза Цехановича горели, и жилы налились у него на лбу и на перекошенной шее его.

- Что же бы вы сделали в цепях?

- Я разорвал бы его зубами, я своим черепом, я цепями избил бы его, сказал он дрожа.

Цеханович сначала был сослан в Верхотурье, один из дальнейших городов Пермской губернии, потерянный в Уральских горах, занесенный снегом и так стоящий вне всяких дорог, что зимой почти нет никакого сообщения. Разумеется, что жить в Верхотурье хуже, чем в Омске или Красноярске. Совершенно одинокий, Цеханович занимался там естественными науками, собирая скучную флору Уральских гор, наконец получил дозволнение перебраться в Пермь; и это уже для него было улучшение: снова услышал он звуки своего языка, встретился с товарищами по несчастью. Жена его, оставшаяся в Литве, писала к нему, что она отправится к нему пешком из Виленской губернии... Он ждал ее.

Когда меня перевели так неожиданно в Вятку, я пошел проститься с Цехановичем. Небольшая комната, в которой он жил, была почти совсем пуста; небольшой старый чемоданчик стоял возле скучной постели, деревянный стол (233) и один стул составляли всю мебель, - на меня пахнуло моей крутицкой кельей.

Весть о моем отъезде огорчила его, но он так привык к лишениям, что через минуту, почти светло улыбнувшись, сказал мне:

- Вот за то-то я и люблю природу: ее никак не отнимешь, где бы человек ни был.

Мне хотелось оставить ему что-нибудь на память, я снял небольшую запонку с

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
рубашки и просил его принять ее.

- К моей рубашке она не идет, - сказал он мне, - но запонку вашу я сохраню до конца жизни и наряжусь в нее на своих похоронах.

Потом он задумался и вдруг быстро начал рыться в чемодане. Достал небольшой мешочек, вынул из него железную цепочку, сделанную особым образом, оторвав от нее несколько звеньев, подал мне с словами:

- Цепочка эта мне очень дорога, с ней связаны святейшие воспоминания иного времени; все я вам не дам, а возьмите эти кольцы. Не думал, что я, изгнаник из Литвы, подарю их русскому изгнанинику,

я обнял его и простился.

-- Когда вы едете? - спросил он. . - Завтра утром, но я вас не зову, у меня уже на квартире ждет бессменный жандарм.

- Итак, добрый путь вам, будьте счастливее меня.

На другой день с девяти часов утра полицмейстер был уже налицо в моей квартире и торопил меня. Пермский жандарм, гораздо более ручной, чем крутицкий, не скрывая радости, которую ему доставляла надежда, что он будет 350 верст пьян, работал около коляски. Все было готово; я нечаянно взглянул на улицу - идет мимо Цеханович, я -бросился к окну.

- Ну, слава богу, - сказал он, - я вот четвертый раз прохожу, 'чтоб проститься с вами хоть издали, но вы все не видали.

Глазами, полными слез, поблагодарил я его. Это нежное, женское внимание глубоко тронуло меня; без этой встречи мне нечего было бы и пожалеть в Перми!

...На другой день после отъезда из Перми с рассвета полил дождь сильный, беспрерывный, как бывает в лесистых местах, и продолжался весь день; часа в два мы (234) приехали в беднейшую вятскую деревню. Станционного дома не было: вотяки (безграмотные)правляли должность смотрителей, развертывали подорожную, спрашивались, две ли печати, или одна, кричали "айда, айда!" и запрягали лошадей, разумеется, вдвое скорее, чем бы это сделалось при смотрителе. Мне хотелось обсушиться, обогреться, съесть что-нибудь. Пермский жандарм согласился на мое предложение часа два отдохнуть. Все это было сделано, подъезжая к деревне. Когда же я взошел в избу, душную, черную, и узнал, что решительно ничего достать нельзя, что даже и кабака нету верст пять, я было раскаялся и хотел спросить лошадей.

Пока я думал, ехать или не ехать, взошел солдат и отрапортовал мне, что этапный офицер прислал меня звать на чашку чая.

- С большим удовольствием, где твой офицер?

- Возле, в избе, ваше благородие! - и солдат выделал известное па налево кру-ом.

Я пошел вслед за ним.

Пожилых лет, небольшой ростом офицер, с лицом, выражавшим много перенесенных забот, мелких нужд, страха перед начальством, встретил меня со всем радушием мертвящей скуки. Это был один из тех недальних, добродушных служак, тянувший лет двадцать пять свою лямку и затянувшийся, без рассуждений, без повышений, в том роде, как служат старые лошади, полагая, вероятно, что так и надобно на рассвете надеть хомут и что-нибудь тащить.,

- Кого и куда вы ведете?

- И не спрашивайте, индо сердце надрывается; ну, да про то знают первые, наше дело исполнять приказания, не мы в ответе; а по-человеческому некрасиво.

- Да в чем дело-то?

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
– Видите, набрали ораву проклятых жиенят с восьми-девятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают – не знаю. Сначала было их велели гнать в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань. Я их принял верст за . сто; офицер, что сдавал, говорил: "Беда да и только, третья осталась на дороге" (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения, – прибавил он.

– Повальные болезни, что ли? – спросил я, потрясенный до внутренности. (235)

– Нет, не то, чтоб повальные, а так, мрут, как мухи; жиенок, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная, не привык часов десять месить грязь да есть сухари – опять чужие люди, ни отца, ни матери, "и баловства; ну, покашляет, покашляет да и в Могилев. И скажите, сделайте милость, что это им далось, что можно с ребятишками делать?

Я молчал,

– Вы когда выступаете?

– Да пора бы давно, дождь был уже больно силен... Эй ты, служба, вели-ка мелюзгу собрать!

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел, – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях с стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами – показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без уходу, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с ледовитого моря, шли в могилу.

И притом заметьте, что их вел добряк-офицер, которому явно было жаль детей. Ну, а если б попался военно-политический эконом?

Я взял офицера за руку и, сказав: "поберегите их", бросился в коляску; мне хотелось рыдать, я чувствовал, что не удержусь...

Какие чудовищные преступления безвестно скроены в архивах злодейского, безнравственного царствования Николая! Мы к ним привыкли, они делались обыденно, делались . как ни в чем не бывало, никем не замеченные, потерянные за страшной далью, беззвучно заморенные в немых канцелярских омутах или задержанные полицейской цензурой.

Разве мы не видали своими глазами семьи голодных псковских мужиков, переселяемых насильственно в Тобольскую губернию и кочевавших без корма и ночлегов по Тверской площади в Москве до тех пор, пока князь д. в. Голицын на свои деньги велел их презреть? (236)

ГЛАВА XIV

Вятка. – Канцелярия и столовая его превосходительства. – К. Я. Тюфяев.

Вятский губернатор не принял меня, а велел сказать, чтоб я явился к нему на другой день в десять часов.

В зале утром я застал исправника, полицмейстера и двух чиновников; все стояли, говорили шепотом и с беспокойством посматривали на дверь. Дверь растворилась, и взошел небольшого роста плечистый старик, с головой, посаженной на плечи, как у бульдога, большие челюсти продолжали сходство с собакой, к тому же они как-то плотоядно улыбались; старое и с тем вместе приапическое выражение лица, небольшие, быстрые, серенькие глазки и редкие прямые волосы делали невероятно гадкое впечатление.

Он сначала сильно намылил голову исправнику за дорогу, по которой вчера ехал. Исправник стоял с несколько опущенной, в знак уважения и покорности, головою и ко всему прибавлял, как это встарь делывали слуги: "Слушаю, ваше

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
превосходительство".

После исправника он обратился ко мне. Дерзко посмотрел на меня и спросил:

- Вы ведь кончили курс в Московском университете?
- Я кандидат.
- Потом служили?
- В кремлевской экспедиции.
- Ха, ха, ха - хорошая служба! вам, разумеется, при такой службе был досуг пировать и песни петь. Аленицын! - закричал он.

Взошел молодой золотушный человек.

- Послушай, братец, вот кандидат Московского университета; он, вероятно, все знает, кроме службы; его величеству угодно, чтоб он ей у нас поучился. Займи его у себя в канцелярии и докладывай мне особо. Завтра вы явитесь в канцелярию в* девять утром, а теперь можете идти. Да, позвольте, я забыл спросить, как вы пишете?

Я сразу не понял.

- Ну, то есть почерк.
- У меня ничего нет с собой.
- Дай бумаги и перо, - и Аленицын подал мне перо.
- Что же я буду писать? (237)
- Что вам угодно, - заметил секретарь, "- напишите: А по справке оказалось.
- Ну, к государю переписывать вы "е будете, - заметил, иронически улыбаясь, губернатор.

Я еще в Перми многое слышал о Тюфяеве, но он далеко превзошел все мои ожидания.

Что и чего не производит русская жизнь!

Тюфяев родился в Тобольске. Отец его чуть ли не был сослан и принадлежал к беднейшим мещанам. Лет тридцати молодой Тюфяев пристал к ватаге бродячих комедиантов, которые слоняются с ярмарки на ярмарку, пляшут на канате, кувыркаются колесом и проч. Он с ними дошел от Тобольска до польских губерний, потешая православный народ. Там его, не знаю почему, арестовали и, так как он был без вида, его, как бродягу, отправили пешком при партии арестантов в Тобольск. Его мать овдовела и жила в большой крайности, сын клал сам печку, когда она развалилась; надобно было прискать какое-нибудь ремесло; мальчику далась грамота, и он стал заниматься писцом в магistrате. Развязный от природы и изощривший свои способности многосторонним воспитанием в таборе акробатов и в пересыльных арестантских партиях, с которыми прошел с одного конца России до другого, он сделался лихим дельцом.

В начале царствования Александра в Тобольск приезжал какой-то ревизор. Ему нужны были деловые писаря, кто-то рекомендовал ему Тюфяева. Ревизор до того был доволен им, что предложил ему ехать с ним в Петербург. Тогда Тюфяев, у которого, по собственным словам, самолюбие не шло дальше места секретаря в уездном суде, иначе оценил себя и с железной волей решил сделать карьеру.

И сделал ее. Через десять лет мы его уже видим неутомимым секретарем Канкрина, который тогда был генерал-интендантом. Еще год спустя он уже заведует одной экспедицией в канцелярии Аракчеева, заведовавшей всею Россией; он с графом был в Париже во время занятия его союзными войсками.

Тюфяев все время просидел безвыходно в походной канцелярии и a la lettre ne видал ни одной улицы в Париже. День и ночь сидел он, составляя и переписывая

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
бумаги с достойным товарищем своим Клейнмихелем. (238)

Канцелярия Аракчеева была вроде тех медных рудников, куда работников посыпают только на несколько месяцев, потому что если оставить долее, то они мрут. Устал наконец и Тюфяев на этой фабрике приказов и указов, распоряжений и учреждений и стал проситься на более спокойное место. Аракчеев не мог не полюбить такого человека, как Тюфяев: без высших притязаний, без развлечений, без мнений, человека формально честного, снедаемого честолюбием и ставящего повиновение в первую добродетель людскую. Аракчеев наградил Тюфяева местом вице-губернатора. Спустя несколько лет он ему дал пермское воеводство. Губерния, по которой Тюфяев раз прошел по веревке и раз на веревке, лежала у его ног.

Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири. Такой-то край и был нужен Тюфяеву.

Тюфяев был восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый, Тюфяев был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году, - каким-нибудь Карье.

Развратный по жизни² грубый по натуре, не терпящий никакого возражения, его влияние было чрезвычайно вредно. Он не брал взяток, хотя состояние себе-таки составил, как оказалось после смерти. Он был строг к подчиненным; без пощады преследовал тех, которые попадались, а чиновники крали больше, чем когда-нибудь. Он злоупотребление влияний довел до нельзя; например, ; отправляя чиновника на, следствие, разумеется если он был интересован в деле, говорил ему: что, вероятно, откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, если б открылось что-нибудь другое.

В Перми все еще было полно славою Тюфяева, у него там была партия приверженцев, враждебная новому губернатору, который, как разумеется окружил себя своими клевретами.

Но зато были люди, ненавидевшие его. Один из них, довольно оригинальное произведение русского надлома,. особенно предупреждал меня, что такое Тюфяев. Я говорю об докторе на одном из заводов. Человек этот, умный и очень нервный, вскоре после курса как-то несчастно женился, потом был занесен в Екатеринбург и, без всякой (239) опыта, затерт в болото провинциальной жизни. Поставленный довольно независимо в этой среде, он все-таки сломился; вся деятельность его обратилась на преследование чиновников сарказмами. Он хохотал над ними в глаза, он с гримасами и кривлянием говорил им в лицо самые оскорбительные вещи. Так как никому не было пощады, то никто особенно не сердился на злой язык доктора. Он сделал себе общественное положение своими нападками и заставил бесхарактерное общество терпеть розги, которыми он хлестал его без отдыха.

Меня предупредили, что он хороший доктор, но поврежденный, и что он чрезвычайно дерзок.

Его болтовня и шутки не были ни грубы, ни плоски; совсем напротив, они были полны юмора и сосредоточенной желчи, это была его поэзия, его месть, его крик досады, а может, долею и отчаяния. Он изучил чиновнический круг, как артист и как медик, он знал все мелкие и затаенные страсти их и, ободренный ненаходчивостью, трусостью своих знакомых, позволял себе все.

Ко всякому слову прибавлял он: "Ни копейки не стоит". Я раз шутя заметил ему это повторение.

- Чему же вы удивляетесь? - возразил доктор, - цель всякой речи убедить, я и тороплюсь прибавить сильнейшее доказательство, которое существует на свете. Уверьте человека, что убить родного отца ни копейки не будет стоить, - он убьет его.

Чеботарев никогда не отказывал давать взаймы небольшие суммы в сто, двести рублей ассигнациями. Когда кто у него просил, он вынимал свою записную книжку и, подробно спрашивал, когда тот ему отдаст.

- Теперь, - говорил он, - позвольте держать пари на целковый, что вы не отадите в срок.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Да помилуйте, - возражал тот, - за кого же вы меня принимаете?
- Вам это ни копейки не стоит, - отвечал доктор, - за кого я вас принимаю, а дело в том, что я шестой год .веду книжку, и ни один человек еще не заплатил в срок, да никто почти и после срока не платил.

Срок проходил, и доктор пресерьезно требовал выигранный целковый.

Пермский откупщик продавал дорожную коляску; доктор явился к нему и, не прерываясь, произнес следующую речь: (240)

- Вы продаете коляску, мне нужно ее, вы богатый человек, вы миллионер, за это вас все уважают, и я потому пришел свидетельствовать вам мое почтение; как богатый человек, вам ни копейки не стоит, продадите ли вы коляску, или нет, мне же ее очень нужно, а денег у меня мало. Вы захотите меня притеснить, воспользоваться моей необходимостью и спросите за коляску тысячу пятьсот; я предложу вам рублей семьсот, буду ходить всякий день торговаться; через неделю вы уступите за семьсот пятьдесят или восемьсот, - не лучше ли с этого начать? Я готов их дать.

- Гораздо лучше, - отвечал удивленный откупщик и отдал коляску.

Аnekdotam и шалостям Чеботарева не было конца; прибавлю еще два26.

- Верите ли вы в магнетизм? - спросила его при мне одна дама, довольно умная и образованная.

- Да что вы разумеете под магнетизмом? Дама ему сказала какой-то общий вздор.

- Вам ни копейки не стоит знать, - отвечал он,- верю я магнетизму или нет, а хотите, я вам расскажу, что я видел по этой части?

- Пожалуйста.

- Только слушайте внимательно.

После этого он передал очень живо, умно и интересно опыты какого-то харьковского доктора, его знакомого.

Середь разговора человек принес на подносе закуску. Дама сказала ему, когда он выходил:

- Ты забыл подать горчицы. Чеботарев остановился.
- Продолжайте, продолжайте, - сказала дама, несколько уже испуганная, - я слушаю.
- Соль-то принес ли он?
- Это вы уже и рассердились, - прибавила дама, краснея.
- Нисколько, будьте уверены; я знаю, что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина, как бы ни была умна и о чем бы ни шла речь, не может никогда стать выше кухни - за что же я лично на вас смел бы сердиться? (241)

На заводах графини Полье, где он тоже лечил, .понравился ему дворовый мальчик, он его пригласил к себе в услужение. Мальчик был согласен, но управляющий сказал, что без разрешения графини он его не может уволить. Чеботарев написал к графине. Она велела управляющему выдать паспорт, но на том условии, чтобы Чеботарев заплатил за пять лет вперед оброк. Получив этот ответ, он немедленно написал к графине, что согласен - но что просит ее предварительно разрешить ему следующее сомнение, с кого ему получить заплаченные деньги в том случае, если Энкиева комета, пересекая орбиту земного шара, сбьет его с пути - что может случиться за полтора года до окончания срока.

В день моего отъезда в Вятку утром рано явился доктор и начал с следующей глупости:

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Вы - как Гораций: раз пели, и до сих пор вас все переводят.

Потом он вынул бумажник и спросил, не нужно ли мне денег на дорогу. Я поблагодарил его и отказался.

- Отчего же вы не берете? Вам это ни копейки не стоит.

- У меня есть деньги.

- Плохо, - сказал он, - мир кончается, - раскрыл свою записную книжку и вписал: "После пятнадцатилетней практики в первый раз встретил человека, который не взял денег, да еще будучи на отъезде".

Отдурачившись, он сел ко мне на постель и серьезно сказал:

- Вы едете к страшному человеку. Остерегайтесь его и удаляйтесь как можно более. Если он вас полюбит, плохая вам рекомендация; если же возненавидит, так уж он вас доедет, клеветой, ябедой, не знаю чем, но доедет, ему это ни копейки не стоит.

При этом он мне рассказал происшествие, истинность которого я имел случай после поверить по документам в канцелярии министра внутренних дел.

Тюфяев был в открытой связи с сестрой одного бедного чиновника. Над братом смеялись, брат хотел разорвать эту связь, грозился доносом, хотел писать в Петербург, словом шумел и беспокоился до того, что его однажды полиция схватила и представила как сумасшедшего для освидетельствования в губернскоеправление. (242)

Губернскоеправление, председатели палат и инспектор врачебной управы, старики немец, пользовавшийся большой любовью народа и которого я лично знал, все нашли, что Петровский - сумасшедший.

Наш доктор знал Петровского и был его врачом. Опросили и его для формы. Он объявил инспектору, что Петровский вовсе не сумасшедший и что он предлагает переосвидетельствовать, иначе должен будет дело это вести дальше. Губернскоеправление было вовсе не прочь, но, по несчастью, Петровский умер в сумасшедшем доме, не дождавшись дня, назначенного для вторичного свидетельства, и несмотря на то что он был молодой, здоровый малый.

Дело дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное следствие. Ответы диктовал Тюфяев, он превзошел себя в этом деле. Чтобы разом остановить его и отклонить от себя опасность вторичного непроизвольного путешествия в Сибирь, Тюфяев научил Петровскую сказать, что брат ее с тех пор с нею в склоне, как она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проезде императора Александра в Пермь, за что и получила через генерала Соломку пять тысяч рублей.

Привычки Александра были таковы, что невероятного ничего тут не было. Узнать, правда ли, было нелегко и во всяком случае наделало бы много скандалу. На вопрос г. Бенкендорфа генерал Соломка отвечал, что через его руки проходило столько денег, что он не припомнит об этих пяти тысячах.

"La regina en. aveva moltob27 - говорит импровизатор в "Египетских ночных" Пушкина...

И вот этот-то почтенный ученик Аракчеева и достойный товарищ Клейнмихеля, акробат, бродяга, писарь, секретарь, губернатор, нежное сердце, бескорыстный человек, запирающий здоровых в сумасшедший дом и уничтожающий их там, человек, оклеветавший императора Александра для того, чтобы отвести глаза императора Николая, брался теперь приучать меня к службе.

Зависимость моя от него была велика. Стоило ему написать какой-нибудь вздор министру, меня отослали бы куда-нибудь в Иркутск. Да и зачем писать? он имел право перевести в какой-нибудь дикий город Кай или Царево(243)Санчурск без всяких сообщений, без всяких ресурсов. Тюфяев отправил в Глазов одного молодого поляка за то, что дамы предпочитали танцевать с ним мазурку, а не с его

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
превосходительством.

Так князь Долгоруков был отправлен из Перми в Верхотурье. Верхотурье, потерянное в горах и снегах, принадлежит еще к Пермской губернии, но это место стоит Березова по климату, - оно хуже Березова - по пустоте.

Князь Долгоруков принадлежал к аристократическим повесам в дурном роде, которые уж редко встречаются в наше время. Он делал всякие проказы в Петербурге, проказы в Москве, проказы в Париже.

На это тратилась его жизнь. Это был Измайлова на маленьком размере, князь Е. Грузинский без притона беглых в Лыскове, то есть избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе. Когда его проделки перешли все границы, ему велели отправиться на житье в Пермь.

Он приехал в двух каретах: в одной он сам с собакой, в другой - его повар-француз с попугаями. В Перми обрадовались богатому гостю, и вскоре весь город толокся в его столовой. Долгорукий завел шашни с пермской барыней; барыня, заподозрив какие-то неверности, явилась невзначай утром к князю и застала его с горничной. Из этого, вышла сцена, кончившаяся тем, что неверный любовник снял со стены арапник; советница, видя его намерение, пустилась бежать; он - за ней, небрежно одетый в один халат; нагнав ее на небольшой площади, где учили обыкновенно батальон, он вытянул раза три ревнившую советницу арапником и спокойно отправился домой, как будто сделал дело.

Подобные милые шутки навлекли на него гонение пермских друзей, и начальство решилось сорокалетнего шалуна отослать в Верхотурье. Он дал накануне отъезда богатый обед, и чиновники, несмотря на разлад, все-таки поехали: Долгорукий обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом.

Пирог был действительно превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки, Долгорукий патетически обратился к гостям и сказал:

- Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего Гарди для пирога. (244)

Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собачку: ее не было. Князь догадался и велел слуге принести бренные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских желудках. Полгорода занемогло от ужаса.

Между тем Долгорукий, довольный тем, что ловко подшутил над приятелями, ехал торжественно в Верхотурье. Третья повозка везла целый курятник, курятник, едущий на почтовых! По дороге он увез с нескольких станций приходные книги, перемешал их, поправил в них цифры и чуть не свел с ума почтовое ведомство, которое и с книгами не всегда ловко сводило концы с концами.

Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие юродства.

В петушьем крике Суворова, как в собачьем паштете князя Долгорукова, в диких выходках Измайлова, в полудобровольном безумии Мамонова и буйных преступлениях Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием или направлена на что-нибудь другое.

Я лично знал Толстого и именно в ту эпоху, когда он лишился своей дочери Сарры, необыкновенной девушки, с высоким поэтическим даром. Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы. Он развел одни буйные страсти, одни дурные наклонности, и это не удивительно: всему порочному позволяют у нас развиваться долгое время беспрепятственно, а за страсти человеческие посыпают в гарнизон или в Сибирь при первом шаге... Он буйствовал, обыгрывал, дрался, уродовал людей, разорял семейства лет двадцать сряду, пока, наконец, был сослан в Сибирь, откуда "вернулся алеутом", как говорит Грибоедов, то есть пробрался через Камчатку в Америку и оттуда выросил дозволения возвратиться в Россию. Александр его простил - и он, на другой день после приезда, продолжал прежнюю жизнь. Женатый на цыганке, известной своим голосом и принадлежавшей к московскому табору, он превратил свой дом в игорный,

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru проводил все время в оргиях, все ночи за картами, и дикие сцены алчности и пьянства совершались возле колыбели маленькой Сарры. Говорят, что он раз, в доказательство (245) меткости своего глаза, велел жене стать на стол и прострелил ей каблук башмака.

Последняя его проделка чуть было снова не свела его в Сибирь. Он был давно сердит на какого-то мещанина, поймал его как-то у себя в доме, связал по рукам и ногам и вырвал у него зуб. Вероятно ли, что этот случай был лет десять или двенадцать тому назад? Мещанин подал просьбу. Толстой задарил полицейских, задарил суд, и мещанина посадили в острог за ложный извят. В это время один известный русский литератор, Н. Ф. Павлов, служил в тюремном комитете. Мещанин рассказал ему дело, неопытный чиновник поднял его. Толстой струхнул не на шутку, дело клонилось явным образом к его осуждению, но русский бог велик! Граф Орлов написал князю Щербатову секретное отношение, в котором советовал ему дело затушить, чтоб не дать такого прямого торжества низшему сословию над высшим. Н. Ф. Павлова граф Орлов советовал удалить от такого места... Это почти невероятнее вырванного зуба. Я был тогда в Москве и очень хорошо знал неосторожного чиновника. Но возвратимся в Вятку.

Канцелярия была без всякого сравнения хуже тюрьмы. Не матерьяльная работа была велика, а удушающий, как в собачьем гроте, воздух этой затхлой среды и страшная, глупая потеря времени, вот что делало канцелярию невыносимой. Аленицын меня не теснил, он был даже вежливее, чем я ожидал, он учился в казанской гимназии и в силу этого имел уважение к кандидату Московского университета.

В канцелярии было человек двадцать писцов. Большей частию люди без малейшего образования и без всякого нравственного понятия - дети писцов и секретарей, с колыбели привыкнувшие считать службу средством приобретения, а крестьян - почвой, приносящей доход, они продавали справки, брали двугривенные и четвертаки, обманывали за стакан вина, унижались, делали всякие подлости. Мой камердинер перестал ходить в "бильярдную", говоря, что чиновники плутуют хуже всякого, а проучить их нельзя, потому что они - офицеры.

Вот с этими-то людьми, которых мой слуга не бил только за их чин, мне приходилось сидеть ежедневно от девяти до двух утра и от пяти до восьми часов вечера.

Сверх Аленицына, общего начальника канцелярии, у меня был начальник стола, к которому меня посадили, существо тоже не злое, но пьяное и безграмотное. За одним столом со мною сидели четыре писца. С ними надобно было говорить и быть знакомым, да и со всеми другими тоже. Не говоря уже о том, что эти люди "за гордость" рано или поздно подставили бы мне ловушку, просто нет возможности проводить несколько часов дня с одними и теми же людьми, не перезнакомившись с ними. Сверх того, не должно забывать, как провинциалы льнут к постороннему, особенно приехавшему из столицы, и притом еще с какой-то интересной историей за спиной.

Просидевши день целый в этой галерее, я приходил иной раз домой в каком-то отупении всех способностей и бросался на диван - изнуренный, униженный и не способный ни на какую работу, ни на какое занятие. Я душевно жалел о моей крутицкой келье с ее чадом и тараканами, с жандармом у дверей и с замком на дверях. Там я был волен, делал, что хотел, никто мне не мешал; вместо этих пошлых речей, грязных людей, низких понятий, грубых чувств там были мертвая тишина и невозмущаемый досуг. И когда мне приходило в голову, что после обеда опять следует идти и завтра опять, мною подчас овладевало бешенство и отчаяние, и я пил вино и водку для утешения,

А тут еще придет "по дороге" кто-нибудь из сослуживцев посидеть от скуки, поговорить, пока до узаконенного часа идти на службу...

Через несколько месяцев, впрочем, канцелярия сделалась несколько полегче.

Долгое, равномерное преследование не в русском характере, если не примешивается личностей или денежных видов; и это совсем не оттого, чтоб правительство не хотело душить и добивать, а от русской беспечности, от нашего *laisser-aller*²⁸. Русские власти все вообще неотесанны, наглы, дерзки, на грубость с ними накупиться очень легко, но постоянное доколачивание людей не в их нравах, у них на это недостает терпения, может оттого, что оно не приносит никакого барыша.

Сначала, сгоряча, чтоб показать в одну сторону усердие, в другую - власть, делаются всякие глупости и ненужности, потом мало-помалу человека оставляют в покое.

Так случилось и с канцелярией. Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики; оно велело (247) везде завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд возможно ли было бы исполнить где-нибудь в Бельгии или Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maxima* и *minima*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тещ не собирались!), с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями. На комитет и на собрание сведений денег не назначалось ни копейки; все это следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию, и приводить в порядок в губернаторской канцелярии. Канцелярия, заваленная делами, земская полиция, ненавидящая все мирные и теоретические занятия, смотрели на статистический комитет как на ненужную роскошь, как на министерскую шалость; однако отчеты надобно было представить с таблицами и выводами.

Это дело казалось безмерно трудным всей канцелярии; оно было просто невозможно; но на это никто не обратил внимания, хлопотали о том, чтоб не было выговора. Я обещал Аленицыну приготовить введение и начало, очерки таблиц с красноречивыми отметками, с иностранными словами, с цитатами и поразительными выводами - если он разрешит мне этим тяжелым трудом заниматься дома, а не в канцелярии. Аленицын переговорил с Тюфяевым и согласился.

Начало отчета о занятиях комитета, в котором я говорил о надеждах и проектах, потому что в настоящем ничего не было, тронули Аленицына до глубины душевной., Сам Тюфяев нашел, что оно мастерски написано. Тем и окончились труды по части статистики, но комитет дали в мое заведование. На барщину переписки бумаг меня больше не гоняли, и мой пьяненький столоначальник сделался почти подчиненное мне лицо. Аленицын требовал только из каких-то соображений высшего приличия, чтоб я на короткое время заходил всякий день в канцелярию.

Для того чтоб показать всю меру невозможности серьезных таблиц, я упомяну сведения, присланные из заштатного города Кая. Там между разными нелепостями было: "Утопших - 2, причины утопления неизвестны - 2", и в графе сумм выставлено "четыре". Под рубрикой чрезвычайных происшествий значился следующий трагический анекдот: "Мещанин такой-то, расстроив горячительными напитками свой ум, - повесился". Под рубрикой о нрав(248)ственности городских жителей было написано: "Жидов в городе Кае не находилось". На вопрос, не было ли ассигновано сумм на постройку церкви, биржи, богадельни, ответы шли так: "На постройку биржи ассигновано было - не было"...

Статистика, спасая меня от канцелярской работы, имела несчастным последствием личные сношения с Тюфяевым.

Было время, когда я этого человека ненавидел, это время давно прошло, да и человек этот прошел, он умер в своих казанских поместьях около 1845 года. Теперь я вспоминаю о кем без злобы, как об особенном звере, попавшемся в лесу, и дики, которого надо было изучать, но на которого нельзя было сердиться за то, что он зверь; тогда я не мог не вступить с ним в борьбу: это была необходимость для всякого порядочного человека. Случай мне помог, иначе он сильно повредил бы мне; иметь зуб за зло, которое он мне не сделал, было бы смешно и жалко.

Тюфяев жил один. Жена его была с ним в разводе. На задней половине губернаторского дома, как-то намеренно неловко, пряталась его фаворитка, жена повара, удаленного .именно за вину своего брака в деревню. Она не являлась официально, но чиновники, особенно преданные губернатору, то есть особенно боявшиеся следствий, составляли придворный штат супруги -повара "в случае". Их жены и дочери, не хвастаясь этим, потихоньку, вечером делали ей визиты. Госпожа эта отличалась тем тактом, который имел один из блестящих ее предшественников - Потемкин: зная нрав старика и боясь быть смененной, она сама приискивала ему неопасных соперниц. Благодарный старик платил привязанностью за такую снисходительную любовь, и они жили ладно. Тюфяев все утро работал и был в губернском правлении. Поэзия жизни начиналась с трех часов. Обед для него была вещь не шуточная. Он любил поесть, и поесть на людях. У него на кухне готовилось всегда на двенадцать человек; если гостей не было меньше половины, он огорчался; если не больше двух человек, он был несчастен; если же никого не было, он уходил

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru обедать, близкий к отчаянию, в комнаты дульцинеи. Достать людей для того, чтоб их накормить до тошноты, - не трудная задача, но его официальное положение и страхи чиновников перед ним не позволяли ни им свободно пользоваться его (249) гостеприимством, ни ему сделать трактир из своего дома.; Надобно было ограничиться советниками, председателями (но с половиной он был в ссоре, то есть не благоволил к ним), редкими проезжими, богатыми купцами, откупщиками и странностями, нечто вроде *caracites*²⁹, которые хотели ввести при Людовике-Филиппе в выборы. Разумеется, я был странность первой величины в Вятке.

Людей, сосланных на житье "за мнения" в дальние города, несколько боятся, но никак не смешивают с обычновенными смертными. "Опасные люди" имеют тот интерес для провинции, который имеют известные Ловласы для женщин и куртизаны для мужчин. Опасных людей гораздо больше избегают петербургские чиновники и московские тузы, чем провинциальные жители, особенно сибириаки.

Сосланные по четырнадцатому декабря пользовались огромным уважением. К вдове Юшневского делали чиновники первый визит в Новый год. Сенатор Толстой, ревизовавши Сибирь, руководствовался сведениями, получаемыми от сосланных декабристов - для поверки тех, которые доставляли чиновники.

Мюних заведовал из своей башни в Пельше делами Тобольской губернии. Губернаторы ходили к нему совещаться о важных делах.

Простой народ еще менее враждебен к сосланным, он вообще со стороны наказанных. Около сибирской границы слово "ссыльный" исчезает и заменяется словом "несчастный". В глазах русского народа судебный приговор не пятнает человека. В Пермской губернии, по дороге в Тобольск, крестьяне выставляют часто квас, молоко и хлеб в маленьком окошке на случай, если "несчастный" будет тайком пробираться из Сибири.

Кстати, говоря о сосланных, за Нижним начинают встречаться сосланные поляки, с Казани число их быстро возрастает. В Перми было человек сорок, в Вятке не меньше; сверх того, в каждом уездном городе было несколько человек.

Они жили совершенно отдельно от русских и удалялись от всякого сообщения с жителями; между собою у них было большое единодушие, и богатые делились братски с бедными. (250) Со стороны жителей я не видел ни ненависти, ни особенного расположения к ним. Они смотрели на них как на посторонних - к тому же почти ни один поляк не знал по-русски.

Один закоснелый сармат, стариk, уланский офицер при Понятовском, делавший часть наполеоновских походов, получил в 1837 году дозволение возвратиться в свои литовские поместья. Накануне отъезда стариk позвал меня и несколько поляков отобедать. После обеда мой кавалерист подошел ко мне с бокалом, обнял меня и с военным простодушием сказал мне на ухо: "да зачем же вы русский?!" Я не отвечал ни слова, но замечание это сильно запало мне в грудь. Я понял что этому поколению нельзя было освободить Польшу.

С Конарского начиная, поляки совсем иначе смотрят на русских.

Вообще поляков, сосланных на житье, не теснят, но материальное положение ужасно для тех, которые не имеют состояния. Правительство дает неимущим по 15 рублей ассигнациями в месяц; из этих денег следует платить за квартиру, одеваться, есть и отапливаться. В довольно больших городах, в Казани, Тобольске, можно было что-нибудь выработать уроками, концертами, играя на балах, рисуя портреты, завода танцклассы. В Перми и Вятке не было и этих средств. И несмотря на то, у русских они не просили ничего.

...Приглашения Тюфяева на его жирные, сибирские обеды были для меня истинным наказанием. Столовая его была та же канцелярия, но в другой форме, менее грязной, но более пошлой, потому что она имела вид добной воли, а не насилия.

Тюфяев знал своих гостей насквозь, презирал их, показывал им иногда когти и вообще обращался с ними в том роде, как хозяин обращается с своими собаками: то с излишней фамильярностью, то с грубостью, выходящей из всех пределов, - и все-таки он звал их на свои обеды, и они с трепетом и радостью являлись к нему, унижаясь, сплетничая,, подслуживаясь, угождая, улыбаясь, кланяясь.,

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
я за них краснел и стыдился.

Дружба наша недолго продолжалась. Тюфяев скоро догадался, что я не гожусь в "высшее" вятское общество. (251)

Через несколько месяцев он был мною недоволен, через несколько других он меня ненавидел, и я не только не ходил на его обеды, но вовсе перестал к немуходить. Проезд наследника спас меня от его преследований, как мы увидим после.

Притом необходимо заметить, что я решительно ничего не сделал, чтоб заслужить сначала его внимание и приглашения, потом гнев и немилость. Он не мог вынести во мне человека, державшего себя независимо, но вовсе не дерзко; я был с ним всегдаен regie30, он требовал подобострастия.

Он ревниво любил свою власть, она ему досталась трудовой копейкой, и он искал не только повиновения, но вида беспрекословной подчиненности. По несчастию, в этом он был национален.

Помещик говорит слуге: "Молчать! Я не потерплю, чтоб ты мне отвечал!"

Начальник департамента замечает, бледнея, чиновнику, делающему возражение: "Вы забываетесь, знаете ли вы, с кем вы говорите?"

Государь "за мнения" посыпает в Сибирь, за стихи морит в казематах – и все трое скорее готовы простить воровство и взятки, убийство и разбой, чем наглость человеческого достоинства и дерзость независимой речи.

Тюфяев был настоящий царский слуга, его оценили, но мало. В нем византийское рабство необыкновенно хорошо соединялось с канцелярским порядком. Уничтожение себя, отречение от воли и мысли перед властью шло неразрывно с суровым гнетом подчиненных. Он бы мог быть статский Клейнмихель, его "усердие" точно так же превозмогло бы все, и он точно так же штукатурил бы стены человеческими трупами, сушил бы дворец людскими легкими, а молодых людей инженерного корпуса сек бы еще больше за то, что они не доносчики.

У Тюфяева была живучая, затаенная ненависть ко всему аристократическому, ее он сохранил от горьких испытаний. Для Тюфяева каторжная канцелярия Аракчеева была первой гаванью, первым освобождением. Прежде начальники не предлагали ему стула, употребляли его на мелкие комиссии. Когда он служил по интенданской части, офицеры по-армейски преследовали его, и (252) один полковник вытянул его на улице в Вильне хлыстом... Все это взошло и назрело в душе писаря; теперь, губернатором, его черед теснить, не давать стула, говорить ты, поднимать голос больше, чем нужно, а иной раз отдавать под суд столбовых дворян.

Из Перми Тюфяев был переведен в Тверь. Дворянство, при всей уступчивости и при всем раболепии, не могло вынести Тюфяева. Они упросили министра Блудова удалить его. Блудов назначил его в Вятку.

Тут он снова очутился в своей среде. Чиновники и откупщики, заводчики и чиновники – раздолье, да и только. Все трепетало его, все вставало перед ним, все поило его, все давало ему обеды, все глядело в глаза; на свадьбах и именинах первый тост предлагали "за здравие его превосходительства!"

ГЛАВА XV

Чиновники. – Сибирские генерал-губернаторы. – Хищный полицмейстер. Ручный судья. – Жареный исправник. – Равноапостольный татарин. – Мальчик женского пола. – Картофельный террор и проч.

Один из самых печальных результатов петровского переворота – это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме "служения", ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых.

Гоголь приподнял одну сторону занавеси и показал нам русское чиновничество во всем безобразии его; но Гоголь невольно примиряет смехом, его огромный комический талант берет верх над негодованием. Сверх того, в колодках русской

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
цензуры он едва мог касаться печальной стороны этого грязного подземелья, в котором куются судьбы бедного русского народа.

Там, где-то в закоптелых канцеляриях, через которые мы спешим пройти, обтерханные люди пишут - пишут на серой бумаге, переписывают на гербовую, и лица, семьи, целые деревни обижены, испуганы, разорены. Отец идет (253) на поселенье, мать в тюрьму, сын в солдаты - и все это разразилось, как гром, нежданно, большей частью неповинно. А из-за чего? Из-за денег. Складчину... или начнется следствие о мертвом теле какого-нибудь пьяницы, сгоревшего от вина и замерзнувшего от мороза. И голова собирает, староста собирает, мужики несут последнюю копейку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить, да и жену содержать; советнику надобно жить, да и детей воспитать, советник примерный отец...

Чиновничество царит в северо-восточных губерниях Руси и в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится res publica³¹. Самая власть царская, которая бьет как картечь, не может пробить эти подснежные, болотистые траншеи из топкой грязи. Все меры правительства - ослаблены, все желания искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано, и все с видом верноподданнического раболепия и с соблюдением всех канцелярских форм.

Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, как кто крадет поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плотов и сотнями принял новых. Сначала он нагнал такой ужас на земскую полицию, что мужики брали деньги с чиновников, чтоб неходить с челобитьем. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым.

Нашелся другой чудак, генерал Вельяминов. Года два он побился в Тобольске, желая уничтожить злоупотребления, но, видя безуспешность, бросил все и совсем перестал заниматься делами.

Другие, благоразумнее его, не делали опыта, а наживались и давали наживаться.

- Я искореню взятки, - сказал московский губернатор Сенявин седому крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старик улыбнулся.

- Что же ты смеешься? - спросил Сенявин.

- Да, батюшка, - отвечал мужик, - ты прости; на ум пришел мне один молодец наш, похвалялся царь-пушку поднять и, точно, пробовал - да только пушку-то не поднял! (254)

Сенявин, который сам рассказывал этот анекдот, принадлежал к тому числу непрактических людей в русской службе, которые думают, что риторическими выходками о честности и деспотическим преследованием двух-трех плотов, которые подвернутся, можно помочь, такой всеобщей болезни, как русское взяточничество, свободно растущее под тенью цензурного древа.

Против него два средства: гласность и совершенно другая организация всей машины, введение снова народных начал третейского суда, изустного процесса, целовальников и всего того, что так ненавидит петербургское правительство.

Генерал-губернатор Западной Сибири Пестель, отец знаменитого Пестеля, казненного Николаем, был настоящий римский проконсул, да еще из самых яростных. Он завел открытый, систематический грабеж во всем kraе, отрезанном его лазутчиками от России. Ни одно письмо не переходило границы нераспечатанное, и горе человеку, который осмелился бы написать что-нибудь о его управлении. Он купцов первой гильдии держал по году в тюрьме, в цепях, он их пытал. Чиновников посыпал на границу Восточной Сибири и оставлял там года на два, на три.

Долго терпел народ; наконец какой-то тобольский мещанин решился довести до сведения государя о положении дел. Боясь обыкновенного пути, он отправился на Кяхту и оттуда пробрался с караваном чаев через сибирскую границу. Он нашел случай в Царском Селе подать Александру свою просьбу, умоляя его прощать ее. Александр был удивлен, поражен страшными вещами, прочтенными им. Он позвал мещанина и, долго говоря с ним, убедился в печальной истине его доноса.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Огорченный и несколько смущенный, он сказал ему:

- Ступай, братец, теперь домой, дело это будет разобрано.
- Ваше величество, - отвечал мещанин, - як себе теперь не пойду. Прикажите лучше меня запереть в острог. Разговор мой с вашим величеством не останется в тайне -- меня убьют.

Александр содрогнулся и сказал, обращаясь к Милорадовичу, который тогда был генерал-губернатором в Петербурге:

- Ты мне отвечаешь за него. (255)
- В таком случае, - заметил Милорадович, - позвольте мне его взять к себе в дом.

Там мещанин действительно и оставался до окончания дела.

Пестель почти всегда жил в Петербурге. Вспомните, что и проконсулы живали обыкновенно в Риме. Он своим присутствием и связями, а всего более дележом добычи предупреждал всякие неприятные слухи и дрязги³². Государственный совет, пользуясь отсутствием Александра, бывшего в Вероне или Аахене, умно и справедливо решил, что так как речь в доносе идет о Сибири, то дело и передать на разбор Пестелю, благо он налицо. Милорадович, Мордвинов и еще человека два восстали против этого предложения, и дело пошло в сенат.

Сенат, с тою возмутительной несправедливостью, с которой постоянно судит дела высших чиновников, выгородил Пестеля, а Трескина, тобольского гражданского губернатора, лишив чинов и дворянства, сослал куда-то на житье. Пестель был только отрешен от службы.

После Пестеля явился в Тобольск Капцевич, из школы Аракчеева. Худой, желчевой, тиран по натуре, тиран потому, что всю жизнь служил в военной службе, беспокойный исполнитель - он приводил все во фронт и строй, объявляя *maximum* на цены, а обыкновенные дела оставлял в руках разбойников. В 1824 году государь хотел посетить Тобольск. По Пермской губернии идет превосходная широкая дорога, давно наезженная и которой, вероятно, способствовала почва. Капцевич сделал такую же до Тобольска в несколько месяцев. Весной в распутьи и стужу, он заставил тысячи работников делать дорогу; их сгоняли по раскладке из ближних и дальних поселений; открылись болезни, половина рабочих перемерла, но "усердие все превозмогает" - дорога была сделана.

Восточная Сибирь управляет еще больше спустя рукава. Это уж так далеко, что и вести едва доходят до Петербурга. В Иркутске генерал-губернатор Броневский любил палить в городе из пушек, когда "гулял". А другой (256) служил пьяный у себя в доме обедню в полном облачении и в присутствии архиерея. По крайней мере шум одного и набожность другого не были так вредны, как осадное положение Пестеля и неусыпная деятельность Капцевича.

Жаль, что Сибирь так скверно управляет. Выбор генерал-губернаторов особенно несчастен. Не знаю, каков Муравьев; он известен умом и способностями; остальные были никуда не годны. Сибирь имеет большую будущность - на нее смотрят только как на подвал, в' котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно.

Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед. Увидим, что будет, когда устья Амура откроются для судоходства и Америка встретится с Сибирью возле Китая.

Я давно говорил, что Тихий океан - Средиземное море будущего³³. В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна. Разумеется, Сибирь должна спуститься к китайской границе. Не в самом же деле мерзнуть и дрожать в Березове и Якутске, когда есть Красноярск, Минусинск и проч.

Самое русское народонаселение в Сибири имеет в характере своем начала, намекающие на иное развитие. Вообще сибирское племя здоровое, рослое, умное и

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru чрезвычайно положительное. Дети посельщиков, сибиряки, вовсе не знают помещичьей власти. Дворянства в Сибири нет, а с тем вместе нет и аристократии в городах; чиновник и офицер, представители власти, скорее похожи на неприятельский гарнизон, поставленный победителем, чем на аристократию. Огромные расстояния спасают крестьян от частого сношения с ними; деньги спасают купцов, которые в Сибири презирают чиновников и, наружу уступая им, принимают их за то, что они есть - за, своих приказчиков по гражданским делам.

Привычка к оружию, необходимая для сибиряка, повсеместна; привычка к опасностям, к расторопности сделали сибирского крестьянина более воинственным, (257) находчивым, готовым на отпор, чем великорусского. Даль церквей оставила его ум свободнее от изуверства, чем в России, он холоден к религии, большей частью раскольник. Есть дальние деревеньки, куда поп ездит раза три в год и гуртом накрещивает, хоронит и исповедует за все времена.

По сю сторону Уральского хребта дела делаются скромнее, и, несмотря на то, я томы мог бы наполнить анекдотами о злоупотреблениях и плутовстве чиновников, слышанными мною в продолжение моей службы в канцелярии и столовой губернатора.

- Вот был профессор-с - мой предшественник, - говорил мне в минуту задушевного разговора вятский полицмейстер. - Ну, конечно, эдак жить можно, только на это надо родиться-с; это в своем роде, могу сказать, Сеславин, Фигнер, - и глаза хромого майора, за рану произведённого в полицмейстеры, блистали при воспоминании славного предшественника.

- Показалась шайка воров, недалеко от города, раз, другой доходит до начальства - то у купцов товар ограблен, то у управляющего по откупам деньги взяты. Губернатор, в хлопотах, пишет одно предписание за другим. Ну знаете, земская полиция трус; так какого-нибудь воришку связать да представить она умеет - а там шайка, да и, пожалуй, с ружьями. Земские ничего не сделали. Губернатор призывает полицмейстера и говорит: "Я, мол, знаю, что это вовсе не ваша должность, но ваша распорядительность заставляет меня обратиться к вам". Полицмейстер прежде уж о деле был наслышан. "Генерал, - отвечает он, - я еду через час. Воры должны быть там-то и там-то; я беру с собой команду, найду их там-то и там-то и через два-три дня приведу их в цепях в губернский острог". Ведь это Суворов-с у австрийского императора! действительно: сказано, сделано - он их так и накрыл с командой, денег не успели спрятать, полицмейстер все взял и представил воров в город.

Начинается следствие. Полицмейстер спрашивает:

- Где деньги?
- Да мы их тебе, батюшка, сами в руки отдали, - отвечают двое воров.
- Мне? - говорит полицмейстер, пораженный удивлением.
- Тебе! - кричат воры, - тебе. (258)

- Вот дерзость-то, - говорит полицмейстер частному приставу, бледнея от негодования, - да вы, мошенники, пожалуй, уверите, что я вместе с вами грабил. Так вот я вам покажу, каково марать мой мундир; я уланский корнет и честь свою не дам в обиду!

Он их сечь - признавайся, да и только, куда деньги дели? Те сначала свое. Только как он велел им закатить на две трубки, так главный-то из воров закричал:

- Виноваты, деньги прогуляли.
- Давно бы так, - говорит полицмейстер, - а то несешь вздор такой; меня, брат, не скоро надуешь.
- Ну, уж точно нам у вашего благородия надо учиться, а не вам у нас. Где нам! - пробормотал старый плут, с удивлением поглядывая на полицмейстера.
- А ведь он за это дело получил Владимира в петлицу.
- Позвольте, - спросил я, перебивая похвальное слово великому полицмейстеру,

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
что же это значит: на две трубки?

- Это так у нас, домашнее выражение. Скучно, знаете, при наказании, ну, так велишь сечь да и куришь трубку; обыкновенно к концу трубки и наказанию конец - ну а в экстренных случаях велишь иной раз и на две трубки угостить приятеля. Полицейские привычны, знают, примерно, сколько.

Об этом Фигнере и Сеславине ходили целые легенды в Вятке. Он чудеса делал. Раз, не помню по какому поводу, приезжал ли генерал-адъютант какой, или министр, полицмейстеру хотелось показать, что он недаром носил уланский мундир и что кольнет шпорой не хуже другого свою лошадь. Для этого он адресовался с просьбой к одному из Машковцевых, богатых купцов того края, чтоб он ему дал свою серую дорогую верховую лошадь. Машковцев не дал.

- Хорошо, - говорит Фигнер, - вы этакой безделицы не хотите сделать по доброй воле, я и без вашего позволения возьму лошадь.

- Ну, это еще посмотрим! - сказало злато.

- Ну, и увидите, - сказал булат.

Машковцев запер лошадь, приставил - двух караульных. На этот раз полицмейстер ошибется.

Но в эту ночь, как нарочно, загорелись пустые сараи, принадлежавшие откупщикам и находившиеся за самым (259) машковцевым домом. Полицмейстер и полицейские действовали отлично; чтоб спасти дом Машковцева, они даже разобрали стену конюшни и вывели, не опаливши ни гривы, ни хвоста, спорную лошадь. Через два часа полицмейстер, парадируя на белом жеребце, ехал получать благодарность особы за примерное потушение пожара. После этого никто не сомневался в том, что полицмейстер все может сделать.

Губернатор Рыхлевский ехал из собрания; в то время как его карета двинулась, какой-то кучер с небольшими санками, зазевавшись, попал между постремок двух коренных и двух передних лошадей. Из этого вышла минутная конфузия, не помешавшая Рыхлевскому преспокойно приехать домой. На другой день губернатор спросил полицмейстера, знает ли он, чей кучер въехал ему в постремки и что его следует постращать.

- Этот кучер, ваше превосходительство, не будет более в постремки заезжать, я ему влепил порядочный урок, - отвечал, улыбаясь, полицмейстер.

- Да чей он?

- Советника Кулакова-с, ваше превосходительство.

В это время старик советник, которого я застал и оставил тем же советником губернского правления, взошел к губернатору.

- Вы нас простите, - сказал губернатор ему, - что мы вашего кучера поучили.

Удивленный советник, не понимая ничего, смотрел вопросительно.

- Вчера он заехал мне в постремки. Вы понимаете, если он мне заехал, то...

- Да, ваше превосходительство, я вчера да и хозяйка моя сидели дома, и кучер был дома.

- Что это значит? - спросил губернатор.

- Я, ваше превосходительство, вчера был так занят, голова кругом шла, виноват, совсем забыл о кучере и, признаюсь, не посмел доложить это вашему превосходительству. Я хотел сейчас распорядиться.

- Ну, вы настоящий полицмейстер, нечего сказать! - заметил Рыхлевский.

Рядом с этим хищным чиновником я покажу вам и другую, противоположную породу - чиновника мягкого, сострадательного, ручного. (260)

Между моими знакомыми был один почтенный старец, исправник, отрешенный по сенаторской ревизии от дел. Он занимался составлением просьб и хождением по делам, что именно было ему запрещено. Человек этот, начавший службу с незапамятных времен, воровал, подскабливал, наводил ложные справки в трех губерниях, два раза был под судом и проч. Этот ветеран земской полиции любил рассказывать удивительные анекдоты о самом себе и своих сослуживцах, не скрывая своего презрения к выродившимся чиновникам нового поколения.

- Это так, вертопрахи, - говорил он, - конечно, они берут, без этого жить нельзя, но, то есть, эдак ловкости или знания закона и не спрашивайте. Я расскажу вам, для примера, об одном приятеле. Судьей был лет двадцать, в прошедшем году помре, - вот был голова! и мужики его лихом не поминают, и своим хлеба кусок оставил. Совсем особенную манеру имел. Придет, бывало, мужик с просьбицей, судья сейчас пускает к себе, такой ласковый, веселый.

- Как, дескать, дядюшка, твое имя и батюшку твоего как звали?

Крестьянин кланяется.

- Ермолаем, мол, батюшка, а отца Григорьев прозывали.

- Ну, здравствуйте, Ермолай Григорьевич, из каких мест господь несет?

- А мы дубиловские.

- Знаю, знаю. Мельницы-то, кажись, ваши вправо от дороги - от трахта.

- Точно, батюшка, мельницы общинные наши.

- Село зажиточное, землица хорошая, чернозем.

- На бога не жалобимся, ништо, кормилец.

- Да ведь оно и нужно. Небось у тебя, Ермолай Григорьевич, семейка не малая?

- Три сыночка, да девки две, да во двор к старшей принял молодца, пятый годок пошел.

- Чай, уж и внучата завелись?

- Есть, точно, небольшое дело, ваша милость.

- И слава богу! плодитесь и умножайтесь. Ну-тка, Ермолай Григорьевич, дорога дальняя, выпьем-ка рюмочку березовой.

Мужик ломается. Судья наливаает ему, приговаривая: (261)

- Полно, полно, брат, сегодня от святых отцов нет запрета на вино и елей.

- Оно точно, что запрету нет, но вино-то и доводит человека до всех бед. Тут он крестится, кланяется и пьет березовку.

- При такой семейке, Григорьевич, небось накладно жить? каждого накормить, одеть - одной кляченкой или коровенкой не оборотишь дела, молока недостанет.

- Помилуй, батюшка, куда толкнешься с одной лоша-денкоц; есть-таки троечка, была четвертая, саврасая, да пала с глазу о Петровки, - плотник у нас, Дорофей, не приведи бог, ненавидит чужое добро, и глаз у него больно дурен.

- Бывает-с, бывает-с. А у вас ведь выгоны большие, небось барашков держите?

- Ништо, есть и барашки.

- Ох, затолковался я с тобой. Служба, Ермолай Григорьевич, царская, пора в суд. Что у тебя дельце, что ли?

- Точно, ваша милость, - есть.

- Ну, что такое? повздорили что-нибудь? поскорее, дядя, рассказывай, пора ехать.

- Да что, отец родной, беда под старость лет пришла... Вот в самое-то Успление были мы в питейном, ну, и крупно поговорили с соседским крестьянином - такой безобразный человек, наш лес крадет. Только, поговоривши, он размахнулся да меня кулаком в грудь. "Ты, мол, в чужой деревне не дерись", говорю я ему, да хотел так, то есть, пример сделать, тычка ему дать, да спьяну, что ли, или нечистая сила, - прямо ему в глаз - ну, и попортил, то есть, глаз, а он со старостой церковным сейчас к становому, - хочу, дескать, суд по форме.

Во время рассказа судья - что ваши петербургские актеры! - все становится серьезнее, глаза эдакие сделает страшные и ни слова.

Мужик видит и бледнеет, ставит шляпу у ног и вынимает полотенце, чтобы обтереть пот. Судья все молчит и в книжке листочки перевертывает.

- Так вот я, батюшка, к тебе и пришел, - говорит мужик не своим голосом.
- Чего ж я могу сделать тут? Экая причина! И зачем же это прямо в глаз?
- Точно, батюшка, зачем... враг попутал. (262)

- Жаль, очень жаль! из чего дом должен погибнуть! ну, что семья без тебя останется? все молодежь, а внучата - мелкота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинают ноги дрожать.

- Да что же, отец родной, к чему же это я себя угодил?
- Вот, Ермолай Григорьевич, читай сам... или того, грамота-то не далась? Ну, вот видишь "о членовредителях" статья... "Наказавши плетьми, сослать в Сибирь на поселение".
- Не дай разориться человеку! не погуби христианина! разве нельзя как?..
- Экой ты какой! Разве супротив закона можно идти? Конечно, все дело рук человеческих. Ну, вместо тридцати ударов мы назначим эдак пяточек.
- Да, то есть, в Сибирь-то?..
- Не в нашей, братец ты мой, воле.

Тащит мужик из-за пазухи кошелек, вынимает из кошелька бумажку, из бумажки - два-три золотых и с низким поклоном кладет их на стол.

- Это что, Ермолай Григорьевич?
- Спаси, батюшка.
- И полно, полно! что ты это? я, грешный человек, иной раз беру благодарность. Жалованье у меня малое, поневоле возьмешь; но принять, так было бы за что. Как я тебе помогу? добро бы ребро или зуб, а то прямо в глаз! Возьмите денежки ваши назад.

Мужичок уничтожен.

- Разве вот что; поговорить мне с товарищами, да и в губернию отписать? неравно дело пойдет в палату, там у меня есть приятели, все сделают; ну, только это люди другого сорта, тут тремя лобанчиками не отделаешься.

Мужик начинает приходить в себя.

- Мне, пожалуй, ничего "не давай, мне семью жаль; ну, а тем меньше двух сереньких и предлагать нечего.

- . То есть, как пред богом, ума не приложу, где это достать такую Палестину денег - четыреста рублей - время же какое?

- Я-таки и сам думаю, что оно трудновато. Наказанье мы уменьшим - за раскаянье, мол, и приняв в соображенье нетрезвый вид... ведь и в Сибири люди живут. Тебе же не бог весть, как далеко идти... Конечно, если продать парочку лошадок, да одну из коров, да барашков, оно, (263) может, и хватит. Да скоро ли потом в крестьянском деле сколотишь столько денег! А с другой стороны, подумаешь, лошадки-то останутся, а ты-то пойдешь себе куда Макар телят не гонял. Подумай, Григорьевич, время терпит, пообождем до завтра, а мне пора, прибавляет судья и кладет в карман лобанчики, от которых отказался, говоря: "Это вовсе лишнее, я беру, только чтоб вас не обидеть".

На другое утро, глядь, старый жид тащит разными крестовиками да старинными рублями рублев триста пятьдесят ассигнациями к судье.

Судья обещает петься об деле; мужика судят, судят, страшрут, а потом и выпустят с каким-нибудь легким наказанием, или с советом впредь в подобных случаях быть осторожным, или с отметкой: "оставить в подозрении", и мужик всю жизнь молит бога за судью.

- Вот как делали встарь, - приговаривал отрешенный от дел исправник, начистоту.

...Вятские мужики вообще не очень выносливы. Зато их и считают чиновники ябедниками и беспокойными. Настоящий клад для земской полиции это вотяки, мордва, чуваши; народ жалкий, робкий, бездарный. Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами.

Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками.

Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении. "Межемерия, межемерия!" - говорят мужики с тем видом, с которым в 12 году говорили: "Француз, француз!" Является староста поклониться с миром. А тот все меряет и записывает. Он его просит не обмерить, не обидеть. Землемер требует двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собирают деньги - и землемер едет до следующей вотской деревни.

Попадется ли мертвое тело исправнику со становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются.

За несколько лет до моего приезда исправник, разохотившийся брать выкупы, привез мертвое тело в большую русскую деревню и требовал, помнится, двести руб(264)лей. Староста собрал мир; мир больше ста не давал. Исправник не уступал. Мужики рассердились, заперли его с двумя писарями в волостном правлении и, в свою очередь, грозили их сжечь. Исправник не поверил угрозе. Мужики обложили избу соломой и как ультиматум подали исправнику на шесте в окно сторублевую ассигнацию. Героический исправник требовал еще сто. Тогда мужики зажгли с четырех сторон солому, и все три муции Сцеволы земской полиции сгорели. Дело это было потом в сенате. Вотские деревни вообще гораздо беднее русских.

- Плохо, брат, ты живешь, - говорил я хозяину вотяку, дожидаясь лошадей в душной, черной и покосившейся избушке, поставленной окнами назад, то есть на двор.

- Что, бачка, делать? мы бедна, деньга бережем на черная дня.

- Ну, чернее мудрено быть дню, старинушка, - сказал я ему, наливая рюмку рому, - выпей-ка с горя.

- Мы не пьем, - отвечал вотяк, страстно глядя на рюмку и подозрительно на меня.

- Полно, ну-тка -бери.

- Выпей сама прежде. Я выпил, и вотяк выпил.

- А ты что? - спросил он, - с губерния, по делу?

- Нет, - отвечал я, - проездом, еду в Вятку. Это его значительно успокоило, и

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru он> осмотревшись на все стороны, прибавил в виде пояснения:

- Черной дня, когда исправник да поп приедут.

Вот о последнем-то я и хочу рассказать вам кое-что". Поп у нас превращается более и более в духовного квартального, как и следует ожидать от византийского смирения нашей церкви и от императорского первосвятительства.

финское население долею приняло крещение в допетровские времена, долею было окрещено в царствование Елизаветы и долею осталось в язычестве. Большая часть крещеных при Елизавете тайно придерживается своей печальной, дикой религии³⁴. (265)

Года через два-три исправник или становой отправляются с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему нет. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы; а главное, поп и исправник ищут какое-нибудь доказательство, что вотяки не оставили своих прежних обрядов. Тут духовный сыщик и земский миссионер подымают бурю, берут огромный окуп, делают "черная дня", потом уезжают, оставляя все по-старому, чтобы иметь случай через год-другой снова поехать с розгами и крестом.

В 1835 году святейший синод счел нужным поапостольствовать в Вятской губернии и обратить черемисов-язычников в православие.

Это обращение - тип всех великих улучшений, делаемых русским правительством, фасад, декорация, *blague*³⁵, ложь, пышный отчет: кто-нибудь крадет и кого-нибудь секут.

Митрополит Филарет отрядил миссионером бойкого священника. Его звали Курбановским. Снедаемый русской болезнью - честолюбием, Курбановский горячо принялся за дело. Во что бы то ни стало он решился втеснить благодать божию черемисам. Сначала он попробовал проповедовать, но это ему скоро надоело. И в самом деле, много ли возьмешь этим старым средством?

Черемисы, смекнувши, в чем дело, прислали своих священников, диких, фанатических и ловких. Они, после долгих разговоров, сказали Курбановскому:

- В лесу есть белые березы, высокие сосны и ели, есть тоже и малая мозжуха. Бог всех их терпит и не велит мозжухе быть сосновой. Так вот и мы меж собой, как лес. Будьте вы белыми березами, мы останемся мозжухой, мы вам не мешаем, за царя молимся, подать платим и рекрутов ставим, а святыне своей изменить не хотим³⁶. (266)

Курбановский увидел, что с ними не столкуешь и что доля Кирилла и Мефодия ему не удается. Он обратился к исправнику. Исправник обрадовался донельзя; ему давно хотелось показать свое усердие к церкви - он был некрещеный татарин, то есть правоверный магометанин, по названию Девлет-Кильдеев.

Исправник взял с собой команду и поехал осаждать черемисов словом божиим. Несколько деревень были окрещены. Апостол Курбановский отслужил молебствие и отправился смиренно получать камилавку. Апостолу-татарину правительство приспало владимирский крест за распространение христианства!

По несчастью, татарин-миссионер был не в ладах с муллою в Малмыже. Мулле совсем не нравилось, что правоверный сын корана так успешно проповедует евангелие. В рамазан исправник, отчаянно привязавши крест в петлицу, явился в мечети и, разумеется, стал впереди всех. Мулла только было начал читать в нос коран, как вдруг остановился и сказал, что он не смеет продолжать в присутствии правоверного, пришедшего в мечеть с христианским знамением.

Татары зароптали, исправник смешался и куда-то спрятался или снял крест.

Я потом читал в журнале министерства внутренних дел об этом блестящем обращении черемисов. В статье было упомянуто ревностное содействие Девлет-Кильдеева. По несчастью, забыли прибавить, что усердие к церкви было тем более бескорыстно у него, чем тверже он верил в исламизм.

Перед окончанием моей вятской жизни департамент государственных имуществ воровал

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru до такой наглости, что над ним назначили следственную комиссию, которая разослала ревизоров по губерниям. С этого началось введение нового управления государственными крестьянами.

Губернатор Корнилов должен был назначить от себя двух чиновников при ревизии. Я был один из назначенных. Чего не пришлось мне тут прочесть! - и печального, и смешного, и гадкого. Самые заголовки дел поражали меня удивлением.

"Дело о потери неизвестно куда дома волостного правления и о изгрызении плана оного мышами". (267)

"Дело о потери двадцати двух казенных оброчных статей", то есть верст пятнадцати земли.

"Дело о перечислении крестьянского мальчика Василья в женский пол".

Последнее было так хорошо, что я тотчас прочел его от доски до доски;

Отец этого предполагаемого Василья пишет в своей просьбе губернатору, что лет пятнадцать тому назад у него родилась дочь, которую он хотел назвать Василисой, но что священник, быв "под хмельком", окрестил девочку Васильем и так внес в метрику. Обстоятельство это, по-видимому, мало беспокоило мужика, но когда он понял, что скоро падет на его дом рекрутская очередь и подушная, тогда он объявил о том голове и становому. Случай этот показался полиции очень мудрен. Она предварительно отказалась мужику, говоря, что он пропустил десятилетнюю давность. Мужик пошел к губернатору. Губернатор назначил торжественное освидетельствование этого мальчика женского пола медиком и повивальной бабкой... Тут уж как-то завелась переписка с консисторией, и поп, наследник того, который под хмельком целомудренно не разбирал плотских различий, выступил на сцену, и дело длилось годы и чуть ли девочку не оставили в подозрении мужского пола.

Не думайте, что это нелепое предположение сделано мною для шутки; вовсе нет, это совершенно сообразно духу русского самодержавия.

При Павле какой-то гвардейский полковник в месячном рапорте показал умершим офицера, который отходил в больнице. Павел его исключил за смертью из списков. По несчастью, офицер не умер, а выздоровел. Полковник упросил его на год или на два уехать в свои деревни, надеясь сыскать случай поправить дело. Офицер согласился, но, на беду полковника, наследники, прочитавши в приказах о смерти родственника, ни за что не хотели его признавать живым, и, безутешные от потери, настойчиво требовали ввода во владение. Когда живой мертвец увидел, что ему приходится в другой раз умирать, и не с приказу, а с голоду, тогда он поехал в Петербург и подал Павлу просьбу. Павел написал своей рукой на его просьбе: "Так как об Г. офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать". (268)

Это еще лучше моей Василисы-Василья. Что значит грубый факт жизни перед высочайшим приказом? Павел был поэт и диалектик самовластья!

Как ни грязно и ни топко в этом болоте приказных дел, но прибавлю еще несколько слов. Эта гласность - последнее, слабое вознаграждение страдавшим, погибвшим без вести, без утешения.

Правительство дает охотно в награду высшим чиновникам пустопорожние земли. Вреда в этом большого нет, хотя умнее было бы сохранить эти запасы для умножающегося населения. Правила, по которым ведено отмежевывать земли, довольно подробны: нельзя давать берегов судоходной реки, строевого леса, обоих берегов реки, наконец, ни в каком случае не велено выделять земель, обработанных крестьянами, хотя бы крестьяне не имели никаких прав на эти земли, кроме давности...37

Все это, разумеется, на бумаге. На деле отмежевание земель в частное владение - страшный источник грабежа казны и притеснения крестьян.

Благородные вельможи, получающие аренды, обыкновенно или продают свои права купцам, или стараются через губернское начальство завладеть, вопреки правилам, чем-нибудь особенным. Сам граф Орлов случайно получил в надел дорогу и пастбища, на которых останавливаются гурты в Саратовской губернии.

Дивиться, стало быть, нечему, что одним добрым утром у крестьян Даровской
Страница 52

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru волости Котельнического уезда отрезали землю вплоть до гуменников и домов и отдали в частное владение купцам, купившим аренду у какого-то родственника графа Канкрина. Купцы положили наемную плату за землю. Из этого началось дело. Казенная палата, закупленная купцами и боясь родственника Канкрина, запутала дело. Но крестьяне решились его вести настойчиво, они выбрали двух толковых мужиков и отправили их в Петербург. Дело пошло в сенат. Межевой департамент догадался, что мужики правы, но не знал, что делать, и спросил Канкрина. Канкрин просто признал, что земля (269) неправильно отрезана, но считал затруднительным возвратить ее, потому что она с тех пор могла быть перепродаваема и что владельцы оной могли сделать разные улучшения. А потому его сиятельство положило, пользуясь большим количеством казенных земель, наделить крестьян полным количеством с другой стороны. Это понравилось всем, кроме крестьян. Во-первых, шуточное ли дело вновь разрабатывать поля? во-вторых, земля с другой стороны оказалась неудобной, болотистой. Так как, крестьяне Даровской волости больше занимались хлебопашеством, чем охотой за дупелями и бекасами, то они снова подали просьбу.

Тогда казенная палата и министерство финансов отделили новое дело от прежнего и, найдя закон, в котором сказано, что если попадется неудобная земля, идущая в надел, то не вырезывать ее, а прибавлять еще половинное количество, велели дать даровским крестьянам к болоту еще пол болота.

Крестьяне снова подали в сенат, но пока их дело дошло до разбора, межевой департамент прислал им планы на новую землю, как водится, переплетенные, раскрашенные, с изображением звезды ветров, с приличными объяснениями ромба R R Z и ромба Z Z R, а главное, с требованием такой-то подесятинной платы. Крестьяне, увидев, что им не только не отдают земли, но хотят с них слупить деньги за болото, начисто отказались платить.

Исправник донес Тюфяеву. Тюфяев послал военную экзекцию под начальством вятского полицмейстера. Тот приехал, схватил несколько человек, пересек их, усмирил волость, взял деньги, предал виновных уголовному суду и неделю говорил хриплым языком от крику, Несколько человек были наказаны плетьми и сосланы на поселенье.

Через два Года наследник проезжал Даровской волостью, крестьяне подали ему просьбу, он велел разобрать дело. По этому случаю я составлял из него докладную записку. Что вышло путного из этого пересмотра - я не знаю. Слышал я, что сосланных воротили, но воротили ли землю - не слыхал.

В заключение упомяну о знаменитой истории картофельного бунта и о том, как Николай приобщал к благам петербургской цивилизации - кочующих цыган. (270)

Русские крестьяне неохотно сажали картофель, как некогда крестьяне всей Европы, как будто инстинкт говорил народу, что это дрянная пища, не дающая ни сил, ни здоровья. Впрочем, у порядочных помещиков и во многих казенных деревнях "земляные яблоки" саживались гораздо прежде картофельного террора. Но русскому правительству то-то и противно, что делается само собою. Все надоено, чтоб делалось из-под палки, по флигельману, по темпам.

Крестьяне Казанской и долею Вятской губернии засеяли картофелем поля. Когда картофель был собран, министерству пришло в голову завести по волостям центральные ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и в начале зимы мужики скрепя сердце повезли картофель в центральные ямы. Но когда следующей весной их хотели заставить сажать мерзлый картофель, они отказались. Действительно, не могло быть оскорблений более дерзкого труда, как приказ делать явным образом нелепость. Это возражение было представлено как бунт. Министр Киселев прислал из Петербурга чиновника; он, человек умный и практический, взял в первой волости по рублю с души и позволил не сеять картофельные выморозки.

Чиновник повторил это во второй и в третьей. Но в четвертой голова ему сказал наотрез, что он картофель сажать не будет, ни денег ему не даст. "Ты, говорил он ему, - освободил таких-то и таких-то; ясное дело, что и нас должен освободить". Чиновник хотел дело кончить угрозами и розгами, но мужики схватились за колья, полицейскую команду прогнали; военный губернатор послал казаков. Соседние волости вступились за своих.

Довольно сказать, что дело дошло до пушечной картечи и ружейных выстрелов.

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Мужики оставили дома, рассыпались по лесам; казаки их выгоняли из чащи, как
диких зверей; тут их хватали, ковали в цепи и отправляли в военно-судную
комиссию в Козьмодемьянск.

По странной случайности старый майор внутренней стражи был честный, простой
человек; он добродушно сказал, что всему виною чиновник, присланный из
Петербурга. На него все опрокинулись, его голос подавили, заглушили, его
запугали и даже застыдили тем, что он хочет "погубить невинного человека". (271)

Ну, и следствие пошло обычным русским чередом: мужиков секли при допросах, секли
в наказание, секли для примера, секли из денег и целую толпу сослали в Сибирь.

Замечательно, что Киселев проезжал по Крзымодемьянску во время суда. Можно было
бы, кажется, завернуть в военную комиссию или позвать к себе майора.

Он этого не сделал!

...Знаменитый Тюrgo, видя ненависть французов к картофелю, разослал всем
откупщикам, поставщикам и другим подвластным лицам картофель на посев, строго
запретив давать крестьянам. С тем вместе он сообщил им тайно, чтоб они не
препятствовали крестьянам красть на посев картофель. В несколько лет часть
Франции обсеялась картофелем.

Tout bien pris³⁸, ведь это лучше картечи, Павел Дмитриевич?

К Вятке приковчевал в 1836 году табор цыган и расположился на поле. Цыгане эти
таскались до Тобольска и Ирбита, продолжая с незапамятных времен свою вольную
бродячую жизнь, с вечным ученым медведем и ничему не учеными детьми, с
коновалами, гаданьем и мелким воровством. Они спокойно пели песни и крали кур,
но вдруг губернатор получил высочайшее повеление, буде найдутся цыгане
беспаспортные (ни у одного цыгана никогда не бывало паспорта, и это очень хорошо
знали и Николай и его люди), то дать им такой-то срок, чтоб они приписались там,
где их застанет указ, к сельским, городским обществам.

По прошествии же данного срока предписывалось всех годных к военной службе
отдать в солдаты, остальных отправить на поселение, отобрав детей мужского
пола.

Этот безумный указ, напоминающий библейские рассказы о избиениях и наказаниях
целых пород и всех к стене мочащихся, сконфузил самого Тюфяева. Он объявил
цыганам нелепый указ, написал в Петербург о невозможности исполнения. Для того
чтоб приписываться, надобны деньги, надобно согласие обществ, которые тоже даром
не захотят принять цыган, и притом следует еще предположить, что сами цыгане
-хотят ли именно (272) тут поселиться. Взяв все это во внимание, Тюфяев, и тут
нельзя ему не отдать справедливости, представлял министерству о том, чтоб им
дать льготы и отсрочки.

Министр отвечал предписанием по истечении срока привести в исполнение
навуходоносоровское распоряжение. Скрепя сердце послал Тюфяев команду, которой
велел окружить табор; когда это было сделано, явилась полиция с гарнизонным
батальоном, и что тут, говорят, было - это трудно себе представить. Женщины с
растрапанными волосами, с криком и слезами, в каком-то безумии бегали, валялись
в ногах у полиции, седые старухи цеплялись за сыновей, Но порядок
восторжествовал, и колчевский полицеимейстер забрал детей, забрал рекрут,
остальных отправили по этапам куда-то на поселение.

Но когда отобрали детей, возник вопрос, куда их деть? и на какие деньги
содержать?

Прежде при приказах общественного призрения были воспитательные дома, ничего не
стоившие казне. Но прусское целомудрие Николая их уничтожило, как вредные для
нравственности. Тюфяев дал вперед своих денег и спросил ministra. Министры
никогда и ни за чем не останавливаются, велели отдать малюток, впредь до
распоряжения, на попечение стариков и старух, призираемых в богадельне.

Маленьких детей поместить с умирающими стариками и старухами, и заставить их
дышать воздухом смерти, и поручить ищущим покоя старикам - уход за детьми
даром...

Поэты!

Чтоб не прерываться, расскажу я здесь историю, случившуюся года полтора спустя с владимирским старостою моего отца. Мужик он был умный, бывалый, ходил в извозе, сам держал несколько троек и лет двадцать сидел старостой небольшой оброчной деревеньки.

В тот год, в который я жил в Владимире, соседние крестьяне просили его сдать за них рекрута; он явился в город с будущим защитником отечества на веревке и с большой самоуверенностью, как мастер своего дела.

- Это, батюшка, - говорил он, расчесывая пальцами свою обкладистую белокурую бороду с проседью, - все дело рук человеческих. В запрошлом году нашего малого ставили, был такой плохенький, ледащий, мужички больно опасались, что не сойдет. Ну, я и говорю: "А что (273) примерно, православные, прикладу положите - немазано колесо не вертится". Мы так потолковали промеж себя, мир-то и определил двадцать пять золотых. Приезжаю я в губернию и, поговоривши в казенной палате, иду прямо к председателю - человек, батюшка, был он умный, и меня давненько знал. Велел он позвать меня в кабинет, а у самого ножка 'болит, так изволит лежать на софе. Я ему все представил, а он мне в ответ со смехом: "Ладно, ладно, ты толкай, - сколько оных-то привез - ты ведь жидомор, знаю я тебя". Я положил на стол десять лобанчиков и поклонился в пояс - они их так в ручку взяли и поигрывают. "А что, говорит, не мне ведь одному платить-то надо, что же ты еще привез?" Я докладываю: с десяток, мол, еще наберется. "Ну, говорит, куда же ты их денешь, сам считай - лекарю два, военному приемщику два, письмоводителю, ну, там на всякое угощение все же больше трех не выйдет, - так ты уж остальные мне додай, а я постараюсь уладить дельце".

- Ну, что же, ты дал?

- Вестимо, что дал - ну, и забрили лоб очень хорошо.

Обученный такому округлению счетов, привыкнувший к такого рода сметам, а вероятно, и к пяти золотым, о судьбе которых он умолчал, староста был уверен в успехе. Но многое несчастий может пройти между взяткой и рукой того, который ее берет. К рекрутскому набору в Владимир был прислан флигель-адъютант граф Эссен. Староста сунулся к нему с своими лобанчиками и арапчиками. По несчастию, наш граф, как геройня в "Нулине", был воспитан "не в отеческом законе", а в школе балтийской аристократии, учащей немецкой преданности русскому государю. Эссен рассердился, раскричался и, что хуже всего, позвонил, вбежал письмоводитель, явились жандармы. "Староста, никогда не мечтавший о существовании людей в мундире, которые бы не брали взяток, до того растерялся, что не заперся, не начал клясться и божиться, что никогда денег не давал, что если только хотел этого, так чтоб лопнули его глаза и росинка не попала бы в рот. Он, как баран, позволил себя уличить, свести в полицию, раскаиваясь, вероятно, в том, что мало генералу предложил и тем его обидел.

Но Эссен, недовольный ни собственной чистой совестью, ни страхом несчастного крестьянина и желая, ве(274)роятно, искоренить в Russland39 взятки, наказать порок и поставить целебный пример, - написал в полицию, написал губернатору, написал в рекрутское присутствие о злодейском покушении старости. Мужика посадили в острог и отдали под суд. Благодаря глупому и безобразному закону - одинаково наказывающему того, который, будучи честным человеком, дает деньги чиновнику, и самого чиновника, который берет взятку дело было скверное, и старосту надобно было спасти во что бы ни стало.

Я бросился к губернатору - он отказался вступать в это дело; председатель и советники уголовной палаты, испуганные вмешательством флигель-адъютанта, качали головой. Сам флигель-адъютант первый, сменив гнев на милость, говорил, что он "никакого зла сделать старосте не хочет, что он хотел его проучить, что пусть его посудят, да и отпустят". Когда я это рассказывал полицмейстеру, тот мне заметил: "То-то и есть, что все эти господа не знают дела; прислал бы его просто ко мне, я бы ему, дураку, вздул бы спину, - не суйся, мол, в воду, не спросись броду, - да и отпустил бы его восвояси, - все бы и были довольны; а теперь поди, расчишивайся с палатой".

Два суждения эти так ловко и ярко выражают русское имперское понятие о праве,
Страница 55

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
что я не мог их позабыть.

Между этими геркулесовыми столбами отечественной юриспруденции староста попал в средний, в самый глубокий омут, то есть в уголовную палату. Через несколько месяцев заготовили решение, в силу которого старосту, наказавши плетьми, отправляли в Сибирь, на поселение. Явился ко мне его сын, вся семья, умоляя спасти отца и главу семейства. Жаль мне было смертельно самому крестьянина, совершенно невинно гибнувшего. Поехал я снова к председателю и советникам, снова стал им доказывать, что они себе причиняют вред, наказывая так строго старосту; что они сами очень хорошо знают, что ни одного дела без взяток не кончишь, что, наконец, им самим нечего будет есть, если они, как истинные христиане, не будут находить, что всякий дар совершен и всякое даяние благо. Прося, кланяясь и (275) посылая сына старосты еще ниже кланяться, я достиг в половину моей цели. Старосту присудили к наказанию несколькими ударами плетью в стенах острога, с оставлением на месте жительства и с воспрещением ходатайствовать по делам за других крестьян.

Я веселее вздохнул, увидя, что губернатор и прокурор согласились, и отправился в полицию просить об облегчении силы наказания; полицейские, отчасти польщенные тем, что я сам пришел их просить, отчасти жалея мученика, пострадавшего за такое близкое каждому дело, сверх того зная, что он мужик зажиточный, обещали мне сделать одну проформу.

Через несколько дней явился как-то утром староста, похудевший и еще более седой, нежели был. Я заметил, что при всей радости он был что-то грустен и под влиянием какой-то тяжелой мысли.

- О чём ты кручинишься? - спросил я его.
- Да что, уж разом бы все порешили.
- Ничего не понимаю.
- Да, то есть когда же наказывать-то будут?
- А тебя не наказывали?
- Нет.
- Как же тебя выпустили? Ты ведь идешь домой?
- Домой-то домой - да вот о наказании-то думается, секретарь именно читал.

Я ничего в самом деле не понимал и, наконец, спросил его: дали ли ему какой-нибудь вид? Он подал мне его. В нем было написано все решение и в конце сказано, что, учинив, по указу уголовной палаты, наказание плетьми в стенах тюремного замка, "выдать ему оное свидетельство и из замка освободить".

Я расхохотался.

- Да ведь уже ты наказан!
- Нет, батюшка, нет.
- Ну, если недоволен, ступай назад, проси, чтоб наказали, может, полиция взойдет в твоё положение.

Видя, что я смеюсь, улыбнулся и старики, сумнительно качая головой и приговаривая:

- Поди ты, вон эки чудеса!

"Экой беспорядок", - скажут многие; но пусть же они вспомнят, что только этот беспорядок и делает возможную жизнь в России. (276)

ГЛАВА XVI

Александр Лаврентьевич Витберг.

Середь этих уродливых и сальных, мелких и отвратительных лиц и сцен, дел и заголовков, в этой канцелярской раме и приказной обстановке вспоминаются мне печальные, благородные черты художника, задавленного правительством с холодной и бесчувственной жестокостью.

Свинцовая рука царя не только задушила гениальное произведение в колыбели, не только уничтожила самое творчество художника, запутав его в судебные проделки и следственные полицейские уловки, но она попыталась с последним куском хлеба вырвать у "его честное имя, выдать его. за взяточника, казнокрада.

Разорив, опозорив А. Л. Витберга, Николай его сослал в Вятку. Там мы встретились с ним.

Два года с половиной я прожил с великим художником и видел, как под бременем гонений и несчастий разлагался этот сильный человек, павший жертвой приказно-казарменного самовластия, тупо меряющего все на свете рекрутской меркой и канцелярской линейкой.

Нельзя сказать, что он легко сдался, он отчаянно боролся целых десять лет, он приехал в ссылку еще в надежде одолеть врагов, оправдаться, он приехал, словом, еще готовый на борьбу, с планами и предположениями. Но тут он разглядел, что все кончено.

Может быть, он сладил бы и с этим открытием, но возле стояла жена, дети, а впереди представлялись годы ссылки, нужды, лишений, и Витберг седел, седел, старел, старел не по дням, а по часам. Когда я его оставил в Вятке через два года, он был десятью годами старше.

Вот повесть этого длинного мученичества.

Император Александр не верил своей победе над Наполеоном, ему было тяжело от славы, и он откровенно относил ее к богу. Всегда наклонный к мистицизму и сумрачному расположению духа, в котором многие видели угрызения совести, он особенно предался ему после ряда побед над Наполеоном.

Когда "последний неприятельский солдат переступил границу", Александр издал манифест, в котором (277) давал обет воздвигнуть в Москве огромный храм во имя Спасителя.

Требовались отовсюду проекты, назначался большой конкурс.

Витберг был тогда молодым художником, окончившим курс и получившим золотую медаль за живопись. Швед по происхождению, он родился в России и сначала воспитывался в горном кадетском корпусе. Восторженный, эксцентрический и преданный мистицизму артист; артист читает манифест, читает вызовы – и бросает все свои занятия. Дни и ночи бродит он по улицам Петербурга, мучимый неотступной мыслию, она сильнее его, он запирается в своей комнате, берет карандаш и работает.

Ни одному человеку не доверил артист своего замысла. После нескольких месяцев труда он едет в Москву изучать город, окрестности и снова работает, месяцы целые скрываясь от глаз и скрывая свой проект.

Пришло время конкурса. Проектов было много, были проекты из Италии и из Германии, наши академики представили свои. И неизвестный молодой человек представил свой чертеж в числе прочих. Недели прошли, прежде чем император занялся планами. Это были сорок дней в пустыне, дни искуса, сомнений и мучительного ожидания.

Колоссальный, исполненный религиозной поэзии проект Витберга поразил Александра. Он остановился перед ним и об нем первом спросил, кем он представлен. Распечатали пакет и нашли неизвестное имя ученика академии.

Александр захотел видеть Витберга. Долго говорил он с художником. Смелый и одушевленный язык его, действительное вдохновление, которым он был проникнут, и мистический колорит его убеждений поразили императора. "Вы камнями говорите", – заметил он, снова рассматривая проект.

В тот же день проект был утвержден и Витберг назначен строителем храма и директором комиссии о постройке. Александр не знал, что вместе с лавровым венком он надевает и терновый на голову артиста.

Нет ни одного искусства, которое было бы роднее мистицизму, как зодчество; отвлеченное, геометрическое, немо-музыкальное, бесстрастное, оно живет символикой, образом, намеком. Простые линии, их гармоническое сочетание, ритм, числовые отношения представляют нечто таинственное и с тем вместе неполное. Здание, храм не заключают сами в себе своей цели, как статуя или картина, поэма или симфония; здание ищет обитателя, это — очерченное, расчищенное место, это — обстановка, броня черепахи, раковина моллюска, — именно в том-то и дело, чтоб содержащее так соответствовало духу, цели, жильцу, как панцырь черепахи. В стенах храма, в его оводах и колоннах, в его портале и фасаде, в его фундаменте и куполе должно быть отпечатлено божество, обитающее в нем, так, как извины мозга отпечатлеваются на костяном черепе.

Египетские храмы были их священные книги. Обелиски — проповеди на большой дороге.

Соломонов храм — построенная библия, так, как храм святого Петра построенный выход из католицизма, начало светского мира, начало расстрижения рода человеческого.

Самое построение храмов было всегда так полно мистических обрядов, иносказаний, таинственных посвящений, что средневековые строители считали себя чем-то особенным, каким-то духовенством, преемниками строителей Соломонова храма и составляли между собой тайные артели каменщиков, перешедшие впоследствии в масонство.

Собственно мистический характер зодчество теряет с веками Восстановления. Христианская вера борется с философским сомнением, готическая стрелка — с греческим фронтом, духовная святыня — с светской красотой. Поэтому-то храм св. Петра и имеет такое высокое значение, в его колossalных размерах христианство рвется в жизнь, церковь становится языческая, и Бонарроти рисует на стене Сикстинской капеллы Иисуса Христа широкоплечим атлетом, Геркулесом в цвете лет и силы.

После храма св. Петра зодчество церквей совсем пало и свелося, наконец, на простое повторение в разных размерах то древних греческих периптеров, то церкви св. Петра.

Один Парфенон назвали церковью св. Магдалены в Париже. Другой — биржей в Нью-Йорке. (279)

Без веры и без особых обстоятельств трудно было создать что-нибудь живое; все новые церкви дышали натяжкой, лицемерием, анахронизмом, как пятиглавые судки с луковками вместо пробок, на индо-византийский манер, которые строит Николай с Тоном, или как угловатые готические, оскорбляющие артистический глаз церкви, которыми англичане украшают свои города.

Но именно обстоятельства, при которых Витберг сочинил свой проект, его личность и настроение императора Александра выходили из ряда вон.

Война 1812 года сильно потрясла умы в России, долго после освобождения Москвы не могли устояться волнующие мысли и нервное раздражение. События вне России, взятие Парижа, история ста дней, ожидания, слухи, Ватерлоо, Наполеон, плывущий за океан, траур по убитым родственникам, страх за живых, возвращающиеся войска, ратники, идущие домой, — все это сильно действовало на самые грубые натуры. Представьте же себе артиста-юношу, мистика, художника, одаренного творческой силой, и притом фанатика, под влиянием совершающегося, под влиянием царского вызова и своего собственного гения.

Близ Москвы, между Можайской и Калужской дорогой, небольшая возвышенность царит над всем городом. Это те Воробьевы горы, о которых я упоминал в первых воспоминаниях юности. Весь город стелется у их подошвы, с их высот один из самых изящных видов на Москву. Здесь стоял плачущий Иоанн Грозный, тогда еще молодой развратник, и смотрел, как горела его столица; здесь явился перед ним иерей

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Сильвестр и строгим словом пересоздал на двадцать лет гениального изверга.

Эту гору обогнул Наполеон с своей армией, тут переломилась его сила, от подошвы Воробьевых гор началось отступление.

Можно ли было найти лучше место для храма в память 1812 года как дальнейшую точку, до которой достигнул неприятель?

Но это еще мало, надобно было самую гору превратить в нижнюю часть храма, поле до реки обнять колоннадой и на этой базе, построенной с трех сторон самой природой, поставить второй и третий храм, представлявшие удивительное единство. (280)

Храм витберга, как главный доктмат христианства, тройственен и неразделен.

Нижний храм, иссеченный в горе, имел форму параллелограмма, гроба, тела; его наружность представляла тяжелый портал, поддерживаемый почти египетскими колоннами; он пропадал в горе, в дикой, необработанной природе. Храм этот был освещен лампами в этруийских высоких канделябрах, дневной свет скучно падал в него из второго храма, проходя сквозь прозрачный образ рождества. В этой крипте должны были покоиться все герои, павшие в 1812 году, вечная панихида должна была служиться о убиенных на поле битвы, по стенам должны были быть иссечены имена всех их, от полководцев до рядовых.

На этом гробе, на этом кладбище разбрасывался во все стороны равноконечный греческий крест второго храма - храма распостертых рук, жизни, страданий, труда. Колоннада, ведущая к нему, была украшена статуям и ветхозаветных лиц. При входе стояли пророки. Они стояли вне храма, указывая путь, по которому им идти не пришлось. Внутри этого храма были вся евангельская история и история апостольских деяний.

Над ним, венчая его, оканчивая и заключая, был третий храм в виде ротонды. Этот храм, ярко освещенный, был храм духа, невозмущаемого покоя, вечности, выражавшейся кольцеобразным его планом. Тут не было ни образов, ни изваяний, только снаружи он был окружен венком архангелов и накрыт колоссальным куполом.

Я теперь передаю на память главную мысль Витберга, она у него была разработана до мелких подробностей и везде совершенно последовательно христианской теодицеи и архитектурному изяществу.

Удивительный человек, он всю жизнь работал над своим проектом. Десять лет подсудимости он занимался только им; гонимый бедностью и нуждой в ссылке, он всякий день посвящал несколько часов своему храму. Он жил в нем, он не верил, что его не будут строить: воспоминания, утешения, слава - все было в этом портфеле артиста.

Быть может, когда-нибудь другой художник, после смерти страдальца, стряхнет пыль с этих листов и с благочестием издаст этот архитектурный мартиролог, (281) за которым прошла и изныла сильная жизнь, мгновенно освещенная ярким светом и затертая, раздавленная потом, попавшись между царем-фельдфебелем, крепостными сенаторами и министрами-писцами.

Проект был гениален, страшен, безумен - оттого-то Александр его выбрал, оттого-то его и следовало исполнить. Говорят, что гора не могла вынести этого храма. Я не верю этому. Особенно если мы вспомним все новые средства инженеров в Америке и Англии, эти тунNELи в восемь минут езды, цепные мосты и проч.

Милорадович советовал Витбергу толстые колонны нижнего храма сделать монолитные из гранита. На это кто-то заметил графу, что провоз из Финляндии будет очень дорого стоить.

- Именно поэтому-то и надобно их выписать, - отвечал он. - Если б гранитная каменоломня была на Москве-реке, что за чудо было бы их поставить. . Милорадович был воин-поэт и потому понимал вообще поэзию. Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами.

Одна природа делает великое даром.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Главное обвинение, падающее на Витберга со стороны даже тех, которые никогда не сомневались в его чистоте: зачем он принял место директора, - он, неопытный артист, молодой человек, ничего не смысливший в канцелярских делах? Ему следовало ограничиться ролью архитектора. Это правда.

Но такие обвинения легко поддерживать, сидя у себя в комнате. Он именно потому и принял, что был молод, неопытен, артист; он принял потому, что после принятия его проекта ему казалось все легко; он принял потому, что сам царь предлагал ему, ободрял его, поддерживал. У кого не закружилась бы голова?.. Где эти трезвые люди, умеренные, воздержные? да если и есть, то они не делают колоссальных проектов и не заставляют "говорить каменья"!

Само собою разумеется, что Витберга окружила толпа плутов, людей, принимающих Россию - за аферу, службу - за выгодную сделку, место - за счастливый случай нажиться. Не трудно было понять, что они под ногами Витберга выкопают яму. Но для того чтобы он, упавши в нее, не мог из нее выйти, для этого нужно (282) было еще, чтоб к воровству прибавилась зависть одних, оскорбленное честолюбие других.

Товарищами Витберга в комиссии были: митрополит Филарет, московский генерал-губернатор, сенатор Кушников; все они вперед были разобижены товариществом с молокососом, да еще притом смело говорящим свое мнение и возражаящим, если не согласен.

Они помогли запутать его, помогли оклеветать и хладнокровно погубили потом.

Этому способствовало сначала падение мистического министерства князя А. Н. Голицына, потом смерть Александра.

Вместе с министерством Голицына пали масонство, библейские общества, лютеранский пietизm, которые в лице Магницкого в Казани и Рунического в Петербурге дошли до безграничной уродливости, до диких преследований, до судорожных плясок, до состояния кликуш и бог знает каких чудес.

С своей стороны, дикое, грубое, невежественное православие взяло верх. Его проповедовал новгородский архимандрит Фотий, живший в какой-то разумеется, не телесной - близости с графиней Орловой. Дочь знаменитого Алексея Григорьевича, задушившего Петра III, думала искупить душу отца, отдавая Фотию и его обители большую часть несметного имения, насильственно отнятого у монастырей Екатериной, и предаваясь неистовому изувечству.

Но в чем петербургское правительство постоянно, чему оно не изменяет, как бы "и менялись его начала, его религия, - это несправедливое гонение и преследования. Неистовство Рунического и Магницкого обратилось на Рунического и Магницкого. Библейское общество, вчера покровительствуемое и одобряемое, опора нравственности и религии, - сегодня закрыто, запечатано и поставлено на одну доску чуть не с фальшивыми монетчиками; "Сионский вестник", вчера рекомендованный всем отцам семейства, запрещен больше Вольтера и Дидро, и его издатель Лабзин сослан в Вологду.

Падение князя А. Н. Голицына увлекло Витберга; все опрокидывается на него, комиссия жалуется, митрополит огорчен, генерал-губернатор недоволен. Его ответы "дерзки" (в его деле дерзость поставлена в одно из главных обвинений); его подчиненные воруют, - как (283) будто кто-нибудь, находящийся на службе в России, не ворует. Впрочем, вероятно, что у Витберга воровали больше, чем у других: он не имел никакой привычки заведовать смирительными домами и классными ворами.

Александр велел Аракчееву разобрать дело. Ему было жаль Витберга, он передал ему через одного из своих приближенных, что он уверен в его правоте.

Но Александр умер, и Аракчеев пал. Дело Витберга при Николае приняло тотчас худший вид. Оно тянулось десять лет с невероятными нелепостями. Обвинительные пункты, признанные уголовной палатой, отвергаются сенатом. Пункты, в которых оправдывает палата, ставятся в вину сенатом. Комитет министров принимает все обвинения. Государь, пользуясь "лучшей привилегией царей - миловать и уменьшать наказания", прибавляет к приговору - ссылку на Вятку.

Итак, Витберг отправился в ссылку, отрешенный от службы "за злоупотребление
Страница 60

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru доверенности императора Александра и за ущербы, нанесенные казне", на него насчитывают миллион, кажется, рублей, берут все именье, продают все с публичного торга и распускают слух, что он перевел видимо-невидимо денег в Америку.

Я жил с Витбергом в одном доме два года и после остался до самого отъезда постоянно в сношениях с ним. Он не спас насущного куска хлеба; семья его жила в самой страшной бедности.

Для характеристики этого дела и всех подобных в России я приведу две небольшие подробности, которые у меня особенно остались в памяти.

Витберг купил для работ рощу у купца Лобанова; прежде чем началась рубка, Витберг увидел другую рощу, тоже Лобанова, ближе к реке, и предложил ему променять проданную для храма на эту. Купец согласился. Роща была вырублена, лес сплавлен. Впоследствии занадобилась другая роща, и Витберг снова купил первую. Вот знаменитое обвинение в двойной покупке одной и той же рощи. Бедный Лобанов был посажен в острог за это дело и умер там.

Второе дело было перед моими глазами. Витберг скупал именья для храма. Его мысль состояла в том, чтобы помещичьи крестьяне, купленные с землею для храма, обязывались выставлять известное число работ(284)ников, - этим способом они приобретали полную волю себе и деревне. Забавно, что наши сенаторы-помещики находили в этой мере какое-то невольничество!

Между прочим, Витберг хотел купить именье моего отца в Рузском уезде, на берегу Москвы-реки. В деревне был найден мрамор, и Витберг просил дозволения сделать геологическое исследование, чтобы определить количество его. Отец мой позволил. Витберг уехал в Петербург.

Месяца через три отец мой узнает, что ломка камня производится в огромном размере, что озимые поля крестьян завалены мрамором; он протестует, его не слушают. Начинается упорный процесс. Сначала хотели все свалить на Витберга, но, по несчастью, оказалось, что он не давал никакого приказа и что все это было сделано комиссией во время его отсутствия.

Дело пошло в сенат. Сенат решил, к общему удивлению, довольно близко к здравому смыслу. Наломанный камень оставить помещику, считая ему его в вознаграждение за помятые поля. Деньги, истраченные казной на ломку и работу, до ста тысяч ассигнациями, взыскать с подписавших контракт о работах. Подписавшиеся были: князь Голицын, Филарет и Кушников. Разумеется - крик, шум. Дело довели до государя.

У него своя юриспруденция. Он велел освободить виновных от платежа, потому, написал он собственноручно, как и напечатано в сенатской записке, "что члены комиссии не знали, что подписывали". Положим, что митрополит по ремеслу должен оказывать смирение, а каковы другие-то вельможи, которые приняли подарок, так учили и милостиво мотивированный!

Но откуда же было взять сто тысяч? казенное добро, говорят, ни на огне не горит, ни в воде не тонет, - оно только крадется, могли бы мы прибавить. Чего тут задумываться - сейчас генерал-адъютанта на почтовых в Москву разбирать дело.

Стрекалов все разобрал, привел в порядок, уладил и кончил в несколько дней: камень у помещика взять за сумму, заплаченную за ломку; впрочем, если помещик хочет оставить, взыскать с него сто тысяч. Особого вознаграждения помещику потому не следует, что ценность его имения возвысилась открытием новой отрасли (285) богатства (ведь это *chef-d'oeuvre!*40), а впрочем, за помятые крестьянские поля выдать по закону о затопленных лугах и потравленных сенокосах, утвержденному Петром I, столько-то копеек с десятины.

Собственно наказанный в этом деле был мой отец. Не нужно добавлять, что ломка этого камня в процессе все-таки поставлена на счет Витберга.

...Года через два после ссылки Витберга вятское купечество вознамерилось построить новую церковь.

Желая везде и во всем убить всякий дух независимости, личности, фантазии, воли, Николай издал целый том церковных фасад, высочайше утвержденных. Кто бы ни хотел

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru строить церковь, он должен непременно выбрать один из казенных планов. Говорят, что он же запретил писать русские оперы, находя, что даже писанные в III отделении собственной канцелярии флигель-адъютантом Львовым никуда не годятся. Но это еще мало - ему бы издать собрание высочайше утвержденных мотивов.

Вятское купечество, перебирая "апробованные" планы, имело смелость не быть согласным со вкусом государя. Проект вятского купечества удивил Николая, он утвердил его и велел предписать губернскому начальству, чтобы при исполнении не исказили мысли архитектора.

- Кто делал этот Проект? - спросил он статс-секретаря.
- Витберг, ваше величество.
- Как, тот Витберг?
- Тот самый, ваше величество.

И вот Витбергу, как снег на голову, - разрешение возвратиться в Москву или Петербург. Человек просил позволение оправдаться - ему отказали; он сделал удачный проект - государь велел его воротить, как будто кто-нибудь сомневался в его художественной способности...

В Петербурге, погибая от бедности, он сделал последний опыт защитить свою честь. Он вовсе не удался. Витберг просил об этом князя А. Н. Голицына, но князь не считал возможным поднимать снова дело и советовал Витбергу написать пожалобнее письмо к наследнику с просьбой о денежном вспомоществовании. Он обещался (286) с Жуковским похлопотать и сулил рублей тысячу серебром.

Витберг отказался.

В 1846, в начале зимы, я был в последний раз в Петербурге и видел Витберга. Он совершенно гибнул, даже его прежний гаев против его врагов, который я так любил, стал потухать; надежд у него не было больше, он ничего не делал, чтобы выйти из своего положения, ровное отчаяние докончило его, существование сломилось на всех составах. Он ждал смерти.

Если этого хотел Николай Павлович, то он может быть доволен.

Жив ли страдалец? - не знаю, но сомневаюсь.

- Если бы не семья, не дети, - говорил он мне, прощаясь, - я вырвался бы из России и пошел бы по миру; с моим владимирским крестом на шее спокойно протягивал бы я прохожим руку, которую жал император Александр, - рассказывая им мой проект и судьбу художника в России!

Судьбу твою, мученик, думал я, узнают в Европе, я тебе за это отвечаю.

Близость с Витбергом была мне большим облегчением в Вятке. Серьезная ясность и некоторая торжественность в манерах придавали ему что-то духовное. Он был очень чистых нравов и вообще скорее склонялся к аскетизму, чем к наслаждениям; но его строгость ничего не отнимала от роскоши и богатства его артистической натуры. Он умел своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колорит, что выражение замирало на губах, жаль было анализировать, разлагать мерцающие образы и туманные картины его фантазии.

Мистицизм Витберга лежал долею в его скандинавской крови; это та самая холодно обдуманная мечтательность, которую мы видим в Шведенборге, похожая в свою очередь на огненное отражение солнечных лучей, падающих на ледяные горы и сугробы Норвегии.

Влияние Витберга поколебало меня. Но реальная натура моя взяла все-таки верх. Мне не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно земным человеком. От моих рук не вертятся столы и от моего взгляда не качаются кольца. Дневной свет мысли мне роднее лунного освещения фантазии. (287)

Но именно в ту эпоху, когда я жил с Витбергом, я более, чем когда-нибудь, был расположен к мистицизму.

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Разлука, ссылка, религиозная экзальтация писем, получаемых мною—, любовь, сильнее и сильнее обнимавшая всю душу, и вместе гнетущее чувство раскаяния, все это помогало Витбергу.

И еще года два после я был под влиянием идей мистически-социальных, взятых из евангелия и Жан-Жака, на манер французских мыслителей вроде Пьера Леру.

Огарев еще прежде меня окунулся в мистические волны. В 1833 он начинал писать текст для Гебелевой⁴¹ оратории "Потерянный рай". "В идеи потерянного рая,— писал мне Огарев, — заключается вся история человечества!" Стало быть, в то время и он отыскиваемый рай идеала принимал за утраченный.

Я в 1838 году написал в социально-религиозном духе исторические сцены, которые тогда принимал за драмы. В одних я представлял борьбу древнего мира с христианством, тут Павел, входя в Рим, воскрешал мертвого юношу к новой жизни. В других— борьбу официальной церкви с квекерами и отъезд Уильяма Пена в Америку, в Новый свет⁴².

Мистицизм науки вскоре заменил во мне — евангельский, мистицизм; по счастью, отделался я и от второго.

Но возвратимся в наш скромный Хлынов-городок, переименованный, не знаю зачем, разве из финского патриотизма, Екатериной II в Вятку. (288)

В этом захолустье вятской ссылки, в этой грязной среде чиновников, в этой печальной дали, разлученный со всем дорогим, без защиты отданный во власть губернатора, я провел много чудных, святых минут, встретил много горячих сердец и дружеских рук.

Где вы? что с вами, подснежные друзья мои? Двадцать лет мы не видались. Чай, состарились и вы, как я, дочерей выдаете замуж, не пьете 'больше бутылками шампанское и стаканчиком на ножке наливку. Кто из вас разбогател, кто разорился, кто в чинах, кто в параличе? А главное, жива ли у вас память об наших смелых беседах, живы ли те струны, которые так сильно сотрясались любовью и негодованием.

Я остался тот же, вы это знаете; чай, долетают до вас вести с берегов Темзы. Иногда вспоминаю вас, всегда с любовью; у меня есть несколько писем того времени, некоторые из них мне ужасно дороги, и я люблю их перечитывать.

"Я не стыжусь тебе признаться, — писал мне 26 января 1838 один юноша, что мне очень горько теперь. Помоги мне ради той жизни, к которой призвал меня, помоги мне своим советом. Я хочу учиться, назначь мне книги, назначь что хочешь, я употреблю все силы, дай мне ход, —: на тебе будет грех, если ты оттолкнешь меня".

"Я тебя благословляю, — пишет мне другой, вслед за моим отъездом, — как земледелец благословляет дождь, оживотворивший его неудобренную почву".

Не из суетного чувства выписал я эти строки, а потому, что они мне очень дорога. За эти юношеские призывы и юношескую любовь, за эту возбужденную в них тоску можно было примириться с девятимесячной тюрьмой и трехлетней жизнью в Вятке.

А тут два раза в неделю приходила в Вятку московская почта; с каким волнением дождался я возле почтовой конторы, пока разберут письма, с каким трепетом ломал печать и искал в письме из дома, нет ли маленькой записочки на тонкой бумаге, писанной удивительно мелким и изящным шрифтом.

И я не читал ее в почтовой конторе, а тихо шел домой, отдаляя минуту чтения, наслаждаясь одной мыслию, что письмо есть. (289)

Эти письма все сохранились. Я их оставил в Москве. Ужасно хотелось бы перечитать их и страшно коснуться...

Письма больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
...Нужно ли еще раз знать, видеть, касаться-сморшившимися от старости руками до
своего венчального убора?..

ГЛАВА XVII

Наследник в Вятке. - Падение Тюфяева. - Перевод во Владимир. - Исправник на
следствии.

Наследник будет в Вятке! Наследник едет по России, чтоб себя ей показать и ее
посмотреть! Новость эта занимала всех, но всех более, разумеется, губернатора.
Он затормозился и наделал ряд невероятных глупостей, велел мужикам по дороге
быть одетыми в праздничные кафтаны, велел в городах перекрасить заборы и
перечинить тротуары. В Орлове бедная вдова, владелица небольшого дома, объявила
городничему, что у нее нет денег на поправку тротуара, городничий донес
губернатору. Губернатор велел у нее разобрать полы (тротуары там деревянные), а
буде недостанет, сделать поправку на казенный счет и взыскать потом с нее
деньги, хотя бы для этого следовало продать дом с публичного торга. До продажи
не дошло, а полы у вдовы сломали.

Верстах в пятидесяти от Вятки находится место, на котором явилась новогородцам
чудотворная икона Николая Хлыновского. Когда новогородцы поселились в Хлынове
(Вятке), они икону перенесли, но она исчезла и снова явилась на Великой реке в
пятидесяти верстах от Вятки; новогородцы опять перенесли ее, но с тем вместе
дали обет, если икона останется, ежегодно носить ее торжественным ходом на
Великую реку, кажется, 23 мая. Это главный летний праздник в Вятской губернии.
За сутки отправляется икона на богатом дощанике по реке, с нею архиерей и все
духовенство в полном облачении. Сотни всякого рода лодок, дощников, комяг,
наполненных крестьянами и крестьянками, вотяками, ме(290)щенами, пестро
двигаются за плывущим образом. И впереди всех - губернаторская расшива, покрытая
красным сукном. Дикое зрелище это очень недурно. Десятки тысяч народа из близких
и дальних уездов ждут образа на Великой реке. Все это кочует шумными толпами
около небольшой деревни - и что всего страннее, толпы некрещеных вотяков и
черемис, даже татар, приходят молиться иконе. Зато и праздник имеет чисто
языческий вид. За монастырской стеной вотяки, русские приносят на жертву баранов
и телят, их тут же бьют, иеромонах читает молитвы, благословляет и святит мясо,
которое подают в особое окно с внутренней стороны ограды. Мясо это раздают по
кускам народу. Встарь давали его даром, теперь монахи берут несколько копеек за
каждый кусок. Так что мужик, подаривший целого теленка, должен истратить
грош-другой, чтоб получить кусок себе на снедь. На монастырском дворе сидят
целые толпы нищих, калек, слепых, всяких уродов, которые хором поют "Лазаря".
Молодые поповичи и мещанские мальчики сидят на надгробных памятниках около
церкви с чернильницей и кричат: "Кому памятцы писать? Кому памятцы?" Бабы и
девки окружают их, сказывая имена, мальчишки, ухарски скрываются пером, повторяют:
"Марью, Марью, Акулияу, Степаниду, отца Иоанна, Матрену, - ну-тка, тетушка,
твоих, твоих-то виши, отколола грош, меньше пятака взять нельзя, родии-то,
родни-то - Иоанна, Василису, Иону, Марью, Евпраксею, младенца Катерину..."

В церкви толкотня и странные предпочтения, одна баба передает соседу овечку с
точным поручением поставить "гостю", другая "хозяину". Вятские монахи и дьяконы
постоянно пьяны во все время этой процессии. Они по дороге останавливаются в
больших деревнях, и мужики их потчуют на убой.

Вот этот-то народный праздник, к которому крестьяне привыкли веками, переставил
было губернатор, желая им потешить наследника, который должен был приехать 19
мая; что за беда, кажется, если Николай-гость тремя днями раньше придет к
хозяину? На это надобно было согласие архиерея; по счастию, архиерей был человек
сговорчивый и не нашел ничего возразить против губернаторского намерения
отпраздновать 23 мая 19-го.

Ряд ловких мер своих для приема наследника губернатор послал к государю,
посмотрите, мол, как сынка (291) угощаем. Государь, прочитавши, взбесился и
сказал министру внутренних дел: "Губернатор и архиерей дураки, оставить
праздник, как был". Министр намылил голову губернатору, синод - архиерею, и
Николай-гость остался при своих привычках.

Между разными распоряжениями из Петербурга велено было в каждом губернском
городе приготовить выставку всякого рода произведений и изделий края и
расположить ее по трем царствам природы. Это разделение по царствам очень

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru затруднило канцелярию и даже отчасти Тюфяева. Чтобы не ошибиться, он решился, несмотря на свое неблагородное положение, позвать меня на совет.

- Ну, например, мед, - говорил он, - куда принадлежит мед? Или золоченая рама, как определить, куда она относится?

Увидя из моих ответов, что я имею удивительно точные сведения о трех царствах природы, он предложил мне заняться расположением выставки.

Пока я занимался размещением деревянной посуды и вотских нарядов, меда и чугунных решеток, а Тюфяев продолжал брать свирепые меры для вящего удовольствия "его высочества", оно изволило прибыть в Орлов, и громовая весть об аресте орловского городничего разнеслась по городу. Тюфяев пожелтел и как-то неверно начал ступать ногами.

Дней за пять до приезда наследника в Орлов городничий писал Тюфяеву, что вдова, у которой пол сломали, шумит и что купец такой-то, богатый и знаемый в городе человек, похваляется, что все наследнику скажет. Тюфяев насчет его распорядился очень умно: он велел городничему заподозрить его сумасшедшем (пример Петровского ему понравился) и представить для свидетельства в Вятку; пока бы дело длилось, наследник уехал бы из Вятской губернии, тем дело и кончилось бы. Городничий все исполнил: купец был в вятской больнице.

Наконец, наследник приехал. Сухо поклонился Тюфяеву, не пригласил его и тотчас послал доктора Енохина свидетельствовать арестованного купца. Все ему было известно. Орловская вдова свою просьбу подала, другие купцы и мещане рассказали все, что делалось. Тюфяев еще на два градуса перекосился. Дело было нехорошо. Городничий прямо сказал, что он на все имел письменные приказания от губернатора. (292)

Доктор Енохин уверял, что купец совершенно здоров. Тюфяев был потерян.

В восьмом часу вечера наследник с свитой явился на выставку, Тюфяев повел его, сбивчиво объясняясь, путаясь и толкая о каком-то царе Тохтамыше. Жуковский и Арсеньев, видя, что дело не идет на лад, обратились ко мне с просьбой показать им выставку. Я повел их.

'Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость. Ему было около двадцати лет, но он уже начинал толстеть.

Несколько слов, которые он сказал мне, были ласковы, без хриплого, отрывистого тона Константина Павловича, без отцовской привычки испугать слушающего до обморока.

Когда он уехал, Жуковский и Арсеньев стали меня расспрашивать, как я попал в Вятку, их удивил язык порядочного человека в вятском губернском чиновнике. Они тотчас предложили мне сказать наследнику об моем положении, и действительно, они сделали все, что могли. Наследник представил государю о разрешении мне ехать в Петербург. Государь отвечал, что это было бы несправедливо относительно других сосланных, но, взяв во внимание представление наследника, велел меня перевести во Владимир; это было географическое улучшение: семьсот верст меньше. Но об этом после.

Вечером был бал в благородном собрании. Музыканты, нарочно выписанные с одного из заводов; приехали мертвцы пьяные; губернатор распорядился, чтобы их заперли за сутки до бала и прямо из полиции конвоировали на хоры, откуда не выпускали никого до окончания бала.

Бал был глуп, неловок, слишком беден и слишком пестр, как всегда бывает в маленьких городках при чрезвычайных случаях. Полицейские сутились, чиновники в мундирах жались к стене, дамы толпились около наследника в том роде, как дикие окружают путешественников... Кстати, об дамах, в одном городке был приготовлен после выставки "гуте"43. Наследник ничего не брал, кроме одного персика, которого кость он бросил на окно. Вдруг из толпы чиновников отделяется высокая фигура, налитая спиртом, земского заседателя, известного забулдыги, который мерными шагами отправляется к окну, берет кость и кладет ее в карман.

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
После бала или гуто заседатель подходит к одной из значительных дам и предлагает высочайше обглоданную косточку, дама в восхищенье. Потом он отправляется к другой, потом к третьей - все в восторге.

Заседатель купил пять персиков, вырезал косточки и осчастливили шесть дам. У кого настоящая? Все подозревают истинность своей косточки...

Тюфяев, после отъезда наследника, приготовлялся, с стесненным сердцем променять пашалык44 на сенаторские кресла - но вышло хуже.

Недели через три почта привезла из 'Петербурга бумаги на имя "управляющего губернией". В канцелярии все переполошилось. Регистратор губернского правления прибежал сказать, что у них получен указ. Правитель дел бросился к Тюфяеву, Тюфяев сказался больным и не поехал в присутствие.

Через час мы узнали, он был отставлен - sans phrase45..

Весь город был рад падению губернатора, управление его имело в себе что-то удушливое, нечистое, затхло-приказное, и, несмотря на то, все-таки гадко было смотреть на ликование чиновников.

да, не один осел ударил копытом этого раненого вепря. Людская подлость и тут показалась не меньше, как при падении Наполеона, несмотря на разницу диаметров. Все последнее время я. был с ним в открытой ссоре, и он непременно устал бы меня в какой-нибудь заштатный город Кай, если б его не прогнали самого. Я удалялся от него, и мне нечего было менять в моем поведении относительно его. Но другие, вчера снимавшие шляпу, завидя его карету, глядевшие ему в глаза, улыбавшиеся его шпицу, потчевавшие табаком его камердинера, - теперь едва кланялись с ним и кричали во весь голос против беспорядков, которые он делал вместе с ними. Все это старо и до того постоянно повторяется из века в век и везде, что нам следует эту низость при(294)нять за общечеловеческую черту и по крайней мере не удивляться ей.

Явился новый губернатор. Это был человек совершенно в другом роде. Высокий, толстый и рыхло-лимфатический мужчина, лет около пятидесяти, с приятно улыбающимся лицом и с образованными манерами. Он выражался с необычайной грамматической правильностью, пространно, подробно, с ясностью, которая в состоянии была своей излишностью затмить простейший предмет. Он был ученик Лицея, товарищ Пушкина, служил в гвардии, покупал новые французские книги, любил беседовать о предметах важных и дал мне книгу Токвилля о демократии в Америке на другой день после приезда.

(Перемена была очень резка. Те же комнаты, та же мебель, а на месте татарского баскака с тунгусской наружностью и сибирскими привычками докторинер, несколько педант, но все же порядочный человек. Новый губернатор был умен, но ум его как-то светил, а не грел, вроде ясного зимнего дня приятного, но от которого плодов не дождешься. К тому же он был страшный формалист - формалист не приказный - а как бы это выразить?.., его формализм был второй степени, но столько же скучный, как и все прочие.

Так как новый губернатор был в самом деле женат, губернаторский дом утратил свой ультрахолостой и полигамический характер. Разумеется, это обратило всех советников к советницам; плешивые старики не хвастались победами "насчет клубники", а, напротив, нежно отзывались о заявлых, жестко и угловато костлявых или заплыших жиром до невозможности пускать кровь - супругах своих.

Корнилов был назначен за несколько лет перед приездом в Вятку, прямо из Семеновских или Измайловских полковников, куда-то гражданским губернатором. Он приехал на воеводство, вовсе не зная дел. Сначала, как все новички, он принял все читать, вдруг ему попалась бумага из другой губернии, которую он, прочитавши два раза, три раза - не понял.

Он позвал секретаря и дал ему прочесть. Секретарь тоже не мог ясно изложить дела.

- Что же вы сделаете с этой бумагой, - спросил его Корнилов, - если я ее передам в канцелярию? (295)

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Отправлю в третий стол, это по третьему столу.

- Стало быть, столоначальник третьего стола знает, что делать?
- Как же, ваше превосходительство, ему не знать? он седьмой год правит столом.
- Позовите его ко мне.

Пришел столоначальник. Корнилов, отдавая ему бумагу, спросил, что надобно сделать. Столоначальник пробежал наскоро дело и доложил, что-де в казенную палату следует сделать запрос и исправнику предписать.

- Да что предписать?

Столоначальник затруднился и, наконец, признался, что это трудно так рассказать, а что написать легко.

- Вот стул, прошу вас написать ответ.

Столоначальник принялся за перо и, не останавливаясь, бойко настрочил две бумаги.

Губернатор взял их, прочел, прочел раз и два, - ничего понять нельзя.

- Я увидел, - рассказывал он, улыбаясь, - что это действительно был ответ на ту бумагу, - и, благословясь, подписал. Никогда более не было помину об этом деле - бумага была вполне удовлетворительна.

Весть о моем переводе во Владимир пришла перед рождеством - я скоро собрался и пустился в путь.

С вятским обществом я расстался тепло. В этом дальнем городе я нашел двух-трех искренних приятелей между молодыми купцами.

Все хотели наперерыв показать изгнаннику участие и дружбу. Несколько саней провожали меня до первой станции и, сколько я ни защищался, в мою повозку наставили целый груз всяких припасов и вин. - На другой день я приехал в Яранск.

От Яранска дорога идет бесконечными сосновыми лесами. Ночи были лунные и очень морозные, небольшие пошевели неслись по узенькой дороге. Таких лесов я после никогда не видел, они идут таким образом, не прерываясь, до Архангельска, изредка по ним забегают олени в Вятскую губернию. Лес большей частию строевой. Сосны чрезвычайной прямизны шли мимо саней, как солдаты, высокие и покрытые снегом, из-под которого торчали их черные хвои, как щетина, - и заснешь и опять проснешься, а полки сосен все идут быстрыми шагами, стряхивая иной раз снег. Лошадей меняют (296) в маленьких расчищенных местах, домишко, потерянный за деревьями, лошади привязаны к столбу, бубенчики позванивают, два-три черемисских мальчика в шитых рубашках выбегут заспанные, ямщик-вотяк каким-то сиплым альтом поругается с товарищем, покричит "айды", запоет песню в две ноты... и опять сосны, снег - снег, сосны...

При самом выезде из Вятской губернии мне еще пришлось проститься с чиновническим миром, и он pour la clôture⁴⁶ явился во всем блеске.

Мы остановились у станции, ямщик стал откладывать, высокий мужик показался в сенях и спросил:

- Кто проезжает?
- А тебе что за дело?
- А то дело, что исправник велел узнать, а я рассыльный при земском суде.
- Ну, так ступай же в станционную избу, там моя подорожная.

Мужик ушел и через минуту воротился, говоря ямщику:

- Не давать ему лошадей.

Это было через край. Я соскочил с саней и пошел в избу. Полупьяный исправник сидел на лавке и диктовал полуслучайному писарю. На другой лавке в углу сидел или, лучше, лежал человек с скованными ногами и руками. Несколько бутылок, стаканы, табачная зора и кипы бумаг были разбросаны.

- Где исправник? - сказал я громко, входя.

- Исправник здесь, - отвечал мне полуслучайный Лазарев, которого я видел в Вятке. При этом он дерзко и грубо уставил на меня глаза - и вдруг бросился ко мне с распростертыми объятиями.

Надобно при этом вспомнить, что после смены Тюфяева чиновники, видя мои довольно хорошие отношения с новым губернатором, начали меня побаиваться.

Я остановил его рукою и спросил очень серьезно:

- Как вы могли велеть, чтоб мне не давали лошадей? что это за вздор на большой дороге останавливать проезжих?

- Да я пошутил, помилуйте - как вам не стыдно сердиться! лошадей, вели лошадей, что ты тут стоишь, (297) разбойник! - закричал он рассыльному. Сделайте одолжение, выкушайте чашку чаю с ромом.

- Покорно благодарю.

- Да нет ли у нас шампанского?.. - Он бросился к бутылкам - все были пусты.

- Что вы тут делаете?

- Следствие-с - вот молодчик-то топором убил отца и сестру родную из-за ссоры да по ревности.

- Так это вы вместе и пируете?

Исправник замялся. Я взглянул на черемиса, он был лет двадцати, ничего свирепого не было в его лице, совершенно восточном, с узенькими сверкающими глазами, с черными волосами.

Все это вместе так было гадко, что я вышел опять на двор. Исправник выбежал вслед за мной, он держал в одной руке рюмку, в другой бутылку рома и приставал ко мне, чтоб я выпил.

Чтобы отвязаться от него, я выпил. Он схватил меня за руку и сказал:

- Виноват, ну, виноват, что делать! но я надеюсь, вы не скажете об этом его превосходительству, не погубите благородного человека.

При этом исправник схватил мою руку и поцеловал ее, повторяя десять раз:

- Ей-богу, не погубите благородного человека. Я с отвращением отдернул руку и сказал ему:

- Да ступайте вы к себе, нужно мне очень рассказывать.

- Да чем же бы мне услужить вам?

- Посмотрите, чтоб поскорее закладывали лошадей.

- Живей, - закричал он, - айда, айда! - и сам стал подергивать какие-то веревки и ремешки у упряжи.

Случай этот сильно врезался в мою память. В 1846 году, когда я был в последний раз в Петербурге, нужно мне было сходить в канцелярию министра внутренних дел, где я хлопотал о пассе. Пока я толковал с столоначальником, прошел какой-то господин... дружески пожимая руку магнатам канцелярии, снисходительно кланяясь столоначальникам. "Фу, черт возьми, - подумал я, - да неужели это он?"

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Кто это?

- Лазарев - чиновник особых поручений при министре и в большой силе. (298)

- Был он в Вятской губернии исправником?

- Был.

- Поздравляю вас, господа, девять лет тому назад он целовал мне руку.

Перовский мастер выбирать людей!

ГЛАВА XVIII

Начало владимирской жизни.

....Когда я вышел садиться в повозку в Козьмодемьянске, сани были заложены по-русски: тройка в ряд, одна в корню, две на пристяжке, коренная в дуге весело звонила колокольчиком.

В Перми и Вятке закладывают лошадей гуськом, одну перед другой или две в ряд, а третью впереди.

Так сердце и стукнуло от радости, когда я увидел нашу упряжь.

- Ну-тка, ну-тка, покажи нам свою прыть! - сказал я молодому парню, лихо сидевшему на облучке в нагольном тулупе и несгибаемых рукавицах, которые едва ему дозволяли настолько сблизить пальцы, чтобы взять пятиалтынный из моих рук.

- Уважим-с, уважим-с. Эй, вы, голубчики! ну, барин, - сказал он, обращаясь вдруг ко мне, - ты только держись: туда гора, так я коней-то пущу.

Это был крутой съезд к Волге, по которой шел зимний тракт.

действительно, коней он пустил. Сани не ехали, а как-то целиком прыгали справа налево и слева направо, лошади мчали под гору, ямщик был смертельно доволен, да, грешный человек, и я сам - русская натура.

Так въезжал я на почтовых в-1838 год - в лучший, в самый светлый год моей жизни. Расскажу вам нашу первую встречу с ним.

Верстах в восьмидесяти от Нижнего взошли мы, то есть я и мой Камердинер Матвей, обогреться к станционному смотрителю. На дворе было очень морозно и к тому же ветрено. Смотритель, худой, болезненный и жалкой наружности человек, записывал подорожную, (299) сам себе диктуя каждую букву и все-таки ошибаясь. Я снял шубу и ходил по комнате в огромных меховых сапогах, Матвей грелся у каленой печи, смотритель бормотал, деревянные часы постукивали разбитым и слабым звуком...

- Посмотрите, - сказал мне Матвей, - скоро двенадцать часов, ведь Новый год-с. Я принесу, - прибавил он, полуувопросительно глядя на меня, - что-нибудь из запаса, который нам в Вятке поставили. - И, не дожидаясь ответа, бросился доставать бутылки и какой-то кулечек.

Матвей, о котором я еще буду говорить впоследствии, был больше, нежели слуга: он был моим приятелем, меньшим братом. Московский мещанин, отданный Зонненбергу, с которым мы тоже познакомимся, на изучение переплетного искусства, в котором, впрочем, Зонненберг не был особенно сведущ, он перешел ко мне.

Я знал, что мой отказ огорчил бы Матвея, да и сам, в сущности, ничего не имел против почтового празднества... Новый год своего рода станция.

Матвей принес ветчину и шампанское.

Шампанское оказалось замерзнувшим в густую; ветчину можно было рубить топором, она воя блистала от льдинок: но а la guerre comme a la guerre⁴⁷.

"С Новым годом! С новым счастьем!.." - в самом деле, с новым счастьем. Разве я не был на возвратном пути? всякий час приближал меня к Москве, сердце было полно

Былое и думы (Часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
надежд.

Мороженое шампанское "е то чтоб слишком нравилось смотрителю, я прибавил ему в вино полстакана рома. Это новое half-and-half⁴⁸ имело большой успех.

Ямщик, которого я тоже пригласил, был еще радикальнее: он насыпал перцу в стакан пенного вина, размешал ложкой, выпил разом, болезненно вздохнул и несколько со стоном прибавил: "Славно огорчило!"

Смотритель сам усадил меня в сани и так усердно хлопотал, что уронил в сено зажженную свечу и не мог ее потом найти. Он был очень в духе и повторял:

- Вот и меня вы сделали с Новым годом - вот и с Новым годом! (300)

Огорченный ямщик тронул лошадей...

На другой день, часов в восемь вечера, приехал я во Владимир и остановился в гостинице, чрезвычайно верно описанной в "Тарантасе", с своей курицей "с рысью", хлебенным - патише⁴⁹ и с уксусом вместо бордо.

- Вас спрашивал какой-то человек сегодня утром; он, никак, дожидается в полпивной, - сказал мне, прочитав в подорожной мое имя, половой с тем ухарским пробором и отчаянным виском, которым отличались прежде одни русские половые, а теперь - половые и Людовик-Наполеон.

Я не мог понять, кто бы это мог быть.

- Да вот и они-с, - прибавил половой, сторонясь. Но явился сначала не человек, а страшной величины поднос, на котором было много всякого добра: кулич и бараки, апельсины и яблоки, яйца, миндаль, изюм... а за подносом виднелась седая борода и голубые глаза старости из владимирской деревни моего отца.

- Гаврило Семеныч! - вскрикнул я и бросился его обнимать. Это был первый человек из наших, из прежней жизни, которого я встретил после тюрьмы и ссылки. Я не мог насмотреться на умного старика и наговориться с ним. Он был для меня представителем близости к Москве, к дому, к друзьям, он три дня тому назад всех видел, ото всех привез поклоны... Стало, не так-то далеко!

Губернатор Курута, умный грек, хорошо знал людей и давно успел охладить к добру и злу. Мое положение он понял тотчас и не делал ни малейшего опыта меня притеснять. О канцелярии не было и помину, он поручил мне с одним учителем гимназии заведовать "Губернскими ведомостями" - в этом состояла вся служба.

Дело это было мне знакомое: я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть "Ведомостей" и поместил в нее раз статейку, за которую чуть не попал в беду мой преемник. Описывая празднество на "Великой реке", я сказал, что барабану, приносимую на жертву Николаю Хлыновскому, в стары годы раздавали бедным, а нынче продают. Архиерей разгневался, и губернатор насили уговорил его оставить дело. (301)

"Губернские ведомости" были введены в 1837 году. Оригинальная мысль приучать к гласности в стране молчания и немоты пришла в голову министру внутренних дел Блудову. Блудов, известный как продолжатель истории Карамзина, не написавший ни строки далее, и как сочинитель "Доклада следственной комиссии" после 14 декабря, которого было бы лучше совсем не писать, принадлежал к числу государственных доктринеров, явившихся в конце Александровского царствования. Это были люди умные, образованные, честные, состарившиеся и выслужившиеся "арзамасские гуси"; они умели писать по-русски, были патриоты и так усердно занимались отечественной историей, что не имели досуга заняться серьезно современностью. Все они чтили незабвенную память Н. М. Карамзина, любили Жуковского, знали на память Крылова и ездили в Москве беседовать к И. И. Дмитриеву, в его дом на Садовой, куда и я езжал к нему студентом, вооруженный романтическими предрассудками, личным знакомством с Н. Полевым и затаяенным чувством неудовольствия, что Дмитриев, будучи поэтом, был министром юстиции. От них много надеялись, они ничего не сделали, как вообще доктринеры всех стран. Может быть, им и удалось бы оставить след более прочный при Александре, но Александр умер, и они остались при своем желании делать что-нибудь путное.

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
В Монако на надгробном памятнике одного из владетельных князей написано: "Здесь
покоится Флорестан такой-то - он хотел делать добро своим подданным!"⁵⁰ Наши
доктринеры тоже желали делать добро если не своим, то подданным Николая
Павловича, но счет был составлен без хозяина. Не знаю, кто помешал Флорестану,
но им помешал наш Флорестан. Им пришлось быть соприкосновенными во всех
ухудшениях России и ограничиваться ненужными нововведениями - переменами форм,
названий. Всякий начальник у нас считает высшей обязанностью нет-нет да и
представить какой-нибудь проект, изменение, обыкновенно к худшему, но иногда
просто безразличное. Секретаря в канцелярии губернатора, например, сочли нужным
назвать правителем дел, а секретаря губернского правления оставили без перевода
на русский язык. Я помню, что министр юстиции (302) подавал проект о необходимых
изменениях мундиров гражданских чиновников. Проект этот начинался как-то
величаво и торжественно: "Обратив в особенности внимание на недостаток единства
в шитье и покрое некоторых мундиров гражданского ведомства и взяв в основание" и
т. д.

Одержаный тою же болезнью проектов, министр внутренних дел заменил земских
заседателей становыми приставами. Заседатели жили по городам и наезжали в
деревни. Становые иногда съезжаются в город, но постоянно живут в деревне. Все
крестьяне, таким образом, были отданы под надзор полиции, и это при полном
знания, какое хищное, плотоядное, развратное существо - наш полицейский
чиновник. Блудов ввел полицейского в тайны крестьянского промысла, и богатства,
в семейную жизнь, в мирские дела и через это коснулся последнего убежища
народной жизни. По счастью, деревень у нас очень много, а становых бывает два на
уезд.

Почти в то же время тот же Блудов выдумал "Губернские ведомости". У нас
правительство, презирая всякую грамотность, имеет большие притязания на
литературу, и в то время как в Англии, например, совсем нет казенных журналов, у
нас каждое министерство издает свой, академия и университеты - свои. У нас есть
журналы горные и соляные, французские и немецкие, морские и сухопутные. Все это
издается на казенный счет, подряды статей делаются в министерствах так, как
подряды на дрова и свечи, только без переторжки; недостатка в общих отчетах,
выдуманных цифрах и фантастических выводах не бывает. Взявши все монополии,
правительство взяло и монополь болтовни, оно, вел ело всем молчать и стало
говорить без умолку. Продолжая эту систему, Блудов велел, чтоб каждое губернское
правление издавало свои "Ведомости" и чтоб каждая "Ведомость" имела свою
неофициальную часть для статей исторических, литературных и проч.

Сказано - сделано, и вот пятьдесят губернских правлений рвут себе волосы над
неофициальной частью. Священники из семинаристов, доктора медицины, учителя
гимназии, все люди, состоящие в подозрении образования и уместного употребления
буквы "h" берутся в реквизицию. Они думают, перечитывают "Библиотеку для (303)
чтения" и "Отечественные записки", боятся, посягают и, наконец, пишут статейки.

Видеть себя в печати - одна из самых сильных искусственных страостей человека,
испорченного книжным веком. Но тем не меньше решаться на публичную выставку
своих произведений - нелегко без особого случая. Люди, которые не смели бы
думать о печатании своих статей в "Московских ведомостях", в петербургских
журналах, стали печататься у себя дома. А между тем пагубная привычка иметь
орган, привычка к гласности, укоренилась. Да и совсем готовое орудие иметь
недурно. Типографский станок тоже без костей!

Товарищ мой по редакции был кандидат нашего университета и одного со мною
отделения. Я не имею духа говорить о нем с улыбкой, так горестно он кончил свою
жизнь, а все-таки до самой смерти он был очень смешон. Далеко не глупый, он был
необыкновенно неуклюж и неловок. Не только полнейшего безобразия трудно было
встретить, но и такого большого, то есть такого растянутого. Лицо его было
вполнота больше обычного и как-то шероховато, огромный рыбий рот
раскрывался до ушей, светло-серые глаза были не оттенены, а скорее освещены
белокурыми ресницами, жесткие волосы скучно покрывали его череп, и притом он был
головою выше меня, сутуловат и очень неопрятен.

Он даже назывался так, что часовой во Владимире посадил его в караульню за его
фамилию. (Поздно вечером шел он, завернутый в шинель, мимо губернского дома, в
руке у него был ручной телескоп, он остановился и прицелился в какую-то планету;
это озадачило солдата, вероятно считавшего звезды казенной собственностью).

Былое и думы (часть 2). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Кто идет? - закричал он неподвижно стоявшему наблюдателю.

- Небаба, - отвечал мой приятель густым голосом, не двигаясь с места.
- Вы не дурачтесь, - ответил оскорбленный часовой, - я в должности.
- Да говорю же, что я Небаба!

Солдат не вытерпел и дернул звонок, явился унтер-офицер, часовой отдал ему астронома, чтоб свести на гауптвахту: там, мол, тебя разберут, баба ты или нет. Он непременно просидел бы до утра, если б дежурный офицер не узнал его. (304)

Раз Небаба зашел ко мне поутру, чтоб сказать, что едет на несколько дней в Москву, при этом он как-то умильно-лукаво улыбался.

- Я, - сказал он, заминаясь, - я возвращусь не один!
- Как, вы - то есть?
- Да-с, вступаю в законный брак, - ответил он застенчиво.

Я удивлялся героической отваге женщины, решавшейся идти за этого доброго, но уж чересчур некрасивого человека. Но когда, через две-три недели, я увидел у него в доме девочку лет восьмнадцати, не то чтоб красивую, но смазливенькую и с живыми глазками, тогда я стал смотреть на него как на героя.

Месяца через полтора я заметил, что жизнь моего Квазимодо шла плохо, он был подавлен горем, дурно правил корректуру, не оканчивал своей статьи "о перелетных птицах" и был мрачно рассеян; иногда мне казались его глаза заплаканными. Это продолжалось недолго. Раз, возвращаясь домой через Золотые ворота, я увидел мальчиков и лавочников, бегущих на погост церкви; полицейские сутились. Пошел и я.

Труп Небабы лежал у церковной стены, а возле ружье. Он застрелился супротив окон своего дома, на ноге оставалась веревочка, которой он спустил курок. Инспектор врачебной управы плавно повествовал окружающим, что покойник нисколько не мучился; полицейские приготовлялись нести его в часть.

...Куда природа свирепа к лицам. Что и что прочувствовалось в этой груди страдальца, прежде чем он решился своей веревочкой остановить маятник, меривший ему одни оскорблений, одни несчастий. И за что? За то, что отец был золотушен или мать лимфатична? Все это так. Но по какому праву мы требуем справедливости, отчета, причин? - у кого? - у крутящегося урагана жизни?..

В то же время для меня начался новый отдел жизни... отдел чистый, ясный, молодой, серьезный, отшельнический и проникнутый любовью.

Он принадлежит к другой части.

- 1 ему следовало умереть (франц.).
- 2 в будущем (лат.).
- 3 в нижнем этаже (франц.).
- 4 заискивания (лат.).
- 5 подкрепляющих средств (от франц. confortatif).
- 6 под стать (франц.).
- 7 под строгим арестом (франц.).
- 8 долго (франц.).
- 9 огорчен необходимостью (франц.).
- 10 огорченный (франц.).

11 Искаженные немецкие слова: Pferd - лошадь, Eier - яйца; Fisch - рыба; Hafer - овес; Pfannkuchen - блины.

12 Senior - старший, junior - младший (лат.).

13 К вновь отличившимся талантам принадлежит известный Липранди, подавший проект об учреждении академии шпионства (1858). (Прим. А. И. Герцена.).

14 Он не без способностей (франц.).

15 Нужно ли говорить, что это была наглая ложь, пошлая полицейская уловка. (Прим. А. И. Герцена.)

16 любитель хорошо пожить (франц.).

17 парадном костюме (франц.).

18 вывести (от франц. consequense).

19 он человек с причудами (нем.).

20 этот человек честный, но тут вот у него не все в порядке (франц.).

21 в парадной форме (франц.).

22 все прочие (итал.).

23 через меня идут в город скорби,

через меня идут на вечную муку... (итал.).

24 орденской лентой (франц.).

25 чего ты боишься? ты везешь Цезаря! (лат.).

26 Эти два анекдота не были в первом издании, я их вспомнил, перечитывая листы для поправки (1858). (Прим. А. И. Герцена.)

27 "У царицы их было много!" (итал.).

28 небрежность (франц.).

29 правомочий (франц.).

30 строго корректен (франц.)

31 общим делом (лат.).

32 Это дало повод графу Ростопчину отпустить колкое слово насчет Пестеля. Они оба обедали у государя. Государь спросил, стоя у окна: "Что это там на церкви... на кресте, черное?" - "Я не могу разглядеть, - заметил Ростопчин, это надобно спросить у Бориса Ивановича, у него чудесные глаза, он видит отсюда, что делается в Сибири". (Прим. А. И. Герцена.).

33 С большой радостью видел я, что нью-йоркские журналы несколько раз повторили это. (Прим. А. И. Герцена.)

34 Все молитвы их сводятся на материальную просьбу о продолжении их рода, об урожае, о сохранении стада, и больше ничего. "дай, Юмала, чтоб от одного барака родилось два, от одного зерна родилось пять, чтоб у моих детей были дети". В этой неуверенности в земной жизни и хлебе наущном есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное. диавол (шайтан) почитается наравне с богом. Я видел сильный пожар в одном селе, в котором жители были перемешаны - русские и вотяки. Русские таскали вещи, кричали, хлопотали, особенно между ними отличался целовальник. Пожар остановить было невозможно; но спасти кое-что было сначала легко. Вотяки собирались на небольшой холмик и плакали навзрыд, ничего не делая. (Прим. А. И. Герцена.)

35 бахвальство (франц.).

36 Подобный ответ (если Курбановский его не выдумал) был некогда сказан крестьянами в Германии, которых хотели обращать в католицизм. (Прим. А. И. Герцена.)

37 В Вятской губернии крестьяне особенно любят переселяться. Очень часто в лесу откзываются вдруг три-четыре починка. Огромные земли и леса (до половины уже сведенные) увлекают крестьян брать эту *res nullius* (ничью вещь (лат.)), бесполезно остающуюся. Министерство финансов несколько раз вынуждено было утверждать землю за захватившими. (Прим. А. И. Герцена.)

38 приняв все во вримание (франц.).

39 в России (нем.).

40 шедевр (франц.).

41 Гебель - известный композитор того времени. (Прим. А. И. Герцена.)

42 Я эти сцены, не понимая почему, взвдумал написать стихами. Вероятно, я думал, что всякий может писать пятистопным ямбом без рифм, если сам Погодин писал им. В 1839 или 40 году я дал обе тетрадки Белинскому и спокойно ждал похвал. Но Белинский на другой день прислал мне их с запиской, в которой писал: "Вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов, я тогда с охотой прочту, а теперь мне все мешает мысль, что это стихи".

Убил Белинский обе попытки драматических сцен. Долг красен платежами. В 1841 Белинский поместил в "Отечественных записках" длинный разговор о литературе. "Как тебе нравится моя последняя статья?" - спросил он меня, обедая *en petit comite* <в тесной компании (франц.)> у Дюссо. "Очень, - отвечал я, - все, что ты говоришь, превосходно, но скажи, пожалуйста, как же ты мог биться, два часа говорить с этим человеком, не догадавшись с первого слова, что он дурак?" - "И в самом деле так, - сказал, помирая со смеху, Белинский, ну брат, зарезал! ведь совершенный дурак!" (Прим. А. И. Герцена.)

43 угощение (от франц. *gouter*).

44 административный округ, управляемый пашой (от турецк. *rafatik*).

45 без всяких разговоров (франц.).

46 на прощание (франц.).

47 на войне, как на войне (франц.).

48 смесь двух напитков в равных количествах (англ.).

49 пирожным (от франц. *Patisserie*).

50 II a voulu le bien de ses sujets. (Прим. А. И. Герцена.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!